Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Сахалинский государственный университет»

*Серия «Монографии ученых Сахалинского
государственного университета»*

С. Ю. ПАНКОВА

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Монография

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2012

УДК 39(035.3)
ББК 63.5
П16

Серия основана в 2003 году.

Рецензенты:
Яссман Л. В., доктор психологических наук, профессор (Дальневосточный государственный университет путей сообщения);
Власенкова Е. Г., кандидат психологических наук, доцент (СахГУ).

Панкова, С. Ю.
П16 **Пространство и время в этнической картине мира :** монография / С. Ю. Панкова. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. – 236 с.
ISBN 978-88811-389-9

Монография является обобщающей работой, призванной раскрыть уровневую структуру представлений на примере категорий времени и пространства этносов, проживающих в разных географических условиях, а также выявить географическую специфику проживания и этнического образа мира в психологии. Монография предназначена специалистам в области психологии, философии, культурологии, социологии и других научных дисциплин, учитывающих специфику этнического сознания.

УДК 39(035.3)
ББК 63.5

ISBN 978-5-88811-389-9

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологии немалое внимание уделяется значимости различных картин миропонимания. Фундаментальными составляющими этих различных картин миропонимания являются категории пространства и времени, которые имеют свои социокультурные основания. Ю. К. Стрелков пишет, что психологии понятия «пространство» и «время» необходимы. Деятельность невозможно понять и раскрыть, минуя временные термины. Время – форма человеческого бытия, форма деятельности. Пространство является основой любых действий человека. «Пространство» и «время» – фундаментальные характеристики любого процесса: в его структуре (в отнесенности к упорядоченности внешнего мира) и в его течении, движении они соотносимы с процессами во внешнем мире[1].

Психологический смысл понятий пространства и времени неоднозначен и только начинает осваиваться и изучаться в отечественной психологической науке. Актуальность исследования представлений времени и пространства определяется интересом современной психологии не только к изучению пространственных и временных отношений человека с миром (К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, 2001; В. Д. Балин, 2002; И. В. Блинникова, 1998, 2003; А. К. Болотова, 2006; Б. М. Величковский, 1986; Е. И. Головаха, А. А. Кроник, 1984, 1988; В. И. Ковалев, 1988; Н. И. Моисеева, 1991; С. К. Нартова-Бочавер, 2002 и др.), но и к феноменологии отображения субъектом различных сторон бытия (В. А. Барабанщиков, 2002; А. А. Бодалев, 1999; А. А. Гостев, 2002; В. П. Зинченко, 2001; Е. В. Левченко, 1995, 1998, 2002; Ю. Г. Панюкова, 2004; С. А. Прохоров, 2005 и др.), к «внутренним» психическим когнитивным процессам (Б. М. Величковский, 1982; Т. П. Зинченко, 2002; М. А. Холодная, 1997, 2002; Н. Н. Чуприкова, 1987 и др.).

При очевидной актуальности исследуемой нами проблемы и достаточно высокой проработанности ее отдельных аспектов она тем не менее в концептуальном плане остается мало изученной. К настоящему времени в рамках культурно-исторического подхода в теории цивилизаций сформированы существенные теоретические, концептуальные и понятийные основания изучения динамики со-

---

[1] *Стрелков, Ю. К. Временная связность образа мира / Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии Северного международного университета. – Вып. 1. – Магадан, 2001. – С. 127–157.*

временных культур. М. Н. Семенова при изучении хронотопических оснований цивилизационной динамики российской культуры важное методологическое значение отводит как классическим, так и неклассическим философским подходам, связанным с осмыслением пространства и времени[2].

С точки зрения философского обоснования сущности пространства и времени как представлений, лежащих в основе всех внешних созерцаний, наиболее значимым остается наследие И. Канта. Большой интерес представляют также фундаментальные исследования пространства и времени. С одной стороны, они связаны с раскрытием проблемы субъективного переживания пространственно-временных связей в смыслообразующем потоке сознания (Э. Гуссерль), конечности «наличного бытия» человека и «временности присутствия» как способа бытия смертного в мире (М. Хайдеггер), «осевого времени» и соотношения прошлого, настоящего и будущего в осознании времени (К. Т. Ясперс), противоречия между темпоральностью и ситуативностью человеческой экзистенции и отчужденным и подавляющим внешним временем (Ж. П. Сартр), с другой – смысловой наполненности времени-кайроса (П. Й. Тиллих). Существенное значение для понимания пространственных измерений социокультурной практики имеют исследования пространственной самоорганизации общества (Д. Э. Дюркгейм) и социального пространства (П. А. Сорокин). Глубокая разработка пространственно-временной проблематики нашла свое отражение также в работах А. Шюца (использование пространственных позиций в повседневной жизни), Й. Хейзинги (значение образа будущего в восприятии настоящего), К. Манхейма (особенности восприятия времени в утопическом сознании), П. Л. Бергера и Т. Лукмана (роль локуса «здесь-и-сейчас» в процессах конструирования социальной реальности), Э. Гидденса (пространственно-временной характер социального взаимодействия и структурации социальных практик), Н. Лумана (разработка категории «соприсутствия» в социальных взаимодействиях), Дж. Тернера (локализация интеракций на основе их пространственного распределения и подвижности), Р. К. Мертона (зависимость систем времени от социальной структуры), П. Штомпки (связь глубины осознания времени с уровнем и типом социокультурного развития), Ж.-Ф. Лиотара (пространственно-временная ограниченность и фраг-

---

[2] *Семенова, М. Н. Ментальные репрезентации времени и пространства : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. Н. Семенова. – Екатеринбург, 2008. – С. 28.*

ментарность «языковых игр»), М. Кастельса (трансформация пространства-времени в связи с процессами глобализации) и др. Особое направление исследования связано с изучением специфики освоения пространства и времени в различных культурах. В этом отношении интересны работы Д. Д. Фрезера, М. Элиаде и др. В практическом отношении исследование специфики пространственно-временных представлений позволяет повысить качество прогноза выполнения любой сознательной деятельности; в теоретическом плане такое исследование дает возможность глубже понять процессы и закономерности развития культуры в целом.

В современной психологии представления рассматриваются с различных точек зрения: как процесс, как продукт, как уровень психического отражения (уровень представлений), как модель (представление о мире, представление знаний или репрезентация) (В. А. Ганзен, А. А. Гостев, В. В. Петухов и др.)[3], однако отсутствует единый подход, определяющий модель, структуру и условия формирования представлений. Богатство существующих дефиниций представлений отражает многоаспектность этой проблемы и в то же время не охватывает ее полностью.

Начало изучения проблемы психического образа в отечественной психологии связывают с именами И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Исследуя нервную систему человека, И. М. Сеченов сделал вывод о том, что образы-представления есть не отпечаток или след предмета, а такие элементы психики, которые изначально имеют предметно-обобщенный характер. Исходя из того, что «предметный мир существовал и будет существовать по отношению к каждому человеку раньше его мысли», «первичным фактором всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями»[4]. Эта позиция нашла свое развитие в трудах И. П. Павлова.

В исследованиях В. М. Бехтерева, В. Н. Мясищева, В. Н. Осиновой, А. А. Ухтомского, Ф. Н. Шемякина, Н. М. Щелованова рефлексологический подход оценивается в целом критически, утверждается системный подход, мозг рассматривается как орган предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды.

---

[3] *Гостев, А. А. Классификация образных явлений в свете системного подхода / А. А. Гостев, В. Ф. Рубахин // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 33–42.*

[4] *Сеченов, И. М. Избранные философские и психологические произведения / И. М. Сеченов. – М. : Госполитиздат, 1947. – С. 433.*

Современные исследования психических процессов в их взаимосвязи и закономерной взаимообусловленности связываются с понятием «образ мира». Пространственно-временные представления являются неотъемлемыми компонентами образа мира. Все психические процессы также имеют пространственно-временные координаты, на что указывают многие исследователи: К. А. Абульханова (1999), Р. Г. Айрапетов (2000), С. В. Зимина (2000), М. К. Мамардашвили (1990) и др.

Устойчивые личностно-стилевые характеристики образа мира, независимые от актуальных мотивов и состояния, выявляет Е. Ю. Артемьева[5]. В. С. Мухина в книге «Личность: Мифы и Реальность» пишет о том, что «познавая окружающий мир – мир, который определяет условия развития и бытия, – каждый философ, ученый, обыденный человек познает этот мир через свой опыт, в зависимости от особенностей своего человеческого сознания. Категории, которые мы выделяем для познания мира, – это категории, опосредованные нашим человеческим сознанием; суждения, которые мы высказываем, – это суждения, также опосредованные нашим человеческим сознанием»[6].

Каждый народ на протяжении своей истории, создавая свою собственную культуру, формулировал и свои собственные представления об устройстве мироздания. Соответственно, важнейшими категориями этнической культуры становились представления о времени и пространстве как основополагающих понятиях, определяющих бытие человека, общества, окружающего мира. Нераздельность пространства и времени А. А. Ухтомский обозначил введенным им в широкий научный оборот понятием хронотопа. «И в окружающей нас среде, и внутри нашего организма конкретные факты и зависимости даны нам как порядок и связи в пространстве и времени между событиями»[7].

Особое направление исследования культурного пространства-времени связано с изучением специфики освоения пространства и времени в различных культурах. В этом отношении интересны работы Д. Д. Фрезера, М. Элиаде и др. Концепции пространства и времени всегда находятся в определенной зависимости от культуры, основой

---

[5] *Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева / под ред. И. Б. Ханиной. – М. : Наука ; Смысл, 1999. – С. 350.*

[6] *Мухина, В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина. – Екатеринбург : ИнтелФлай, 2007. – С. 1072.*

[7] *Ухтомский, А. А. Соч. – Л. : изд-во ЛГУ, 1954. – Т. 5. – С. 231.*

которой является предметно-чувственная деятельность. Способы этой деятельности определяют способы постижения и освоения объективного мира и его пространственных и временных параметров. Именно культура, понимаемая как всеобщая технология человеческой деятельности, детерминирует соответствующую данной цивилизации картину мира, в том числе концепцию пространства и времени. Тем не менее нужно иметь в виду относительный характер своеобразия каждой культуры, так как ее специфичность есть проявление всеобщего в развитии человеческого общества. Эту специфичность данной культуры и следует учитывать при рассмотрении соответствующей картины миропонимания.

Известно, что культура народа характеризуется своим особым способом восприятия мира. Среди факторов, определяющих формирование образа мира, значительную роль играют культурные стереотипы. Они во многом складываются под влиянием условий проживания и хозяйствования народа (Ю. Бромлей, 1973, 1986), разных климатических условий (Л. Н. Гумилев, 2001), языкового фактора с точки зрения владения или невладения национальным языком (В. Гумбольдт, 1985), знания традиций, обычаев (Г. Д. Гачев, 1998).

«Роль природного фактора очевидна, она признается многими исследователями, даже «геонигилисты» не в состоянии полностью его отвергать, многочисленные споры вызывают лишь степень его влияния»[8].

Исследователь нивхской культуры А. А. Василевский[9] считает, что природная среда обитания человека играла первостепенную роль в его жизни: она определяла правила поведения, жизненные циклы, стратегию выживания и развития, а часто и саму его судьбу. А. Г. Филимонов[10] дает анализ способов взаимодействия коллективных представлений о мире у нивхов с их социальными отношениями, общественной жизнью, способами ведения хозяйства и другими видами повседневной деятельности. В. А. Дергачев[11] считает, что географи-

---

[8] *Герасименко, Т. И. Ландшафтный фактор формирования этнокультурной среды / Т. И. Герасименко, И. Ю. Гладкий // Вестник ОГУ. – Вып. 2. – 2005. – С. 108.*

[9] *Василевский, А. А. Каменный век острова Сахалин : монография / А. А. Василевский. – Южно-Сахалинск, 2008. – С. 41.*

[10] *Филимонов, А. Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Филимонов. – Владивосток, 2002.*

[11] *Дергачев, В. А. Концепция маргинальной комплиментарности / В. А. Дергачев / под ред. А. И. Уемова. – Одесса, 1995. – С. 48.*

ческие условия способны влиять на ход исторических событий, характер законов общества, нравы людей, род их занятий. К. П. Иванов[12] отмечает, что ландшафт действует на этнос принудительно. Т. И. Герасименко пишет, что «…сегодня уже никто не сомневается в том, что формирование этносов и этнической культуры регионов связано с ландшафтами»[13]. Г. Д. Гачев в своих трудах по культурологии также отводит значительное место влиянию географических и геополитических факторов на формирование национального менталитета различных народов. В его трудах содержатся заключения о роли пространственных факторов в формировании особенностей национального видения и построения модели мира[14].

Разумеется, в культуре каждого этноса сочетались как общие для всех народов элементы верований, диктуемые самим фактом пребывания на одной планете, так и специфически этнические особенности, определенные воздействием совокупности исторических, географических и иных факторов. Понятно, что именно это сочетание общих природных закономерностей и особых локальных условий развития и создавало то этническое разнообразие, которое было характерно для развития человечества, пока уровень межцивилизационного информационного обмена был ниже, чем уровень внутрицивилизационных процессов генерирования и обмена информацией.

Большое разнообразие географических условий, в которых проживают народы, населяющие территорию России, позволяет исследовать вопрос о роли материального внешнего мира в формировании национального менталитета. К этому относится большое разнообразие географических условий исторического проживания этносов: казахи и китайцы исторически проживают в условиях открытого географического пространства, нивхи проживают в условиях замкнутого географического пространства о. Сахалин. Русский этнос исторически проживал в условиях открытого географического пространства. Однако по мере продвижения на восток в сторону о. Сахалин русские переселенцы оказались в условиях замкнутого географического про-

---

[12] Иванов, К. П. Проблемы этнической географии / К. П. Иванов / под ред. А. И. Чистобаева. – СПб. : изд-во СПбГУ, 1998. – С. 216.

[13] Герасименко, Т. И. Ландшафтный фактор формирования этнокультурной среды / Т. И. Герасименко, И. Ю. Гладкий // Вестник ОГУ. – Вып. 2. – 2005. – С. 108.

[14] Гачев, Г. Национальные образы мира: Космо-психо-Логос / Г. Гачев. – М. : Прогресс ; Культура, 1998. – С. 479.

странства и особого образа мира (это тип мировосприятия, который сложился в процессе исторического формирования этих этнических групп: буддизм, мусульманство, христианство) народа на представления о времени и пространстве. Исследование представлений о пространстве и времени позволит понять специфичность образа «своего» мира этносов, проживающих в разных географических условиях, раскрыть связь образа мира и чувственного впечатления человека от воспринимаемого стимула.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Категория времени

Проблема времени обладает особым статусом в жизни человека и является одной из центральных тем философской рефлексии и психологической науки.

К осмыслению проблемы пространства и времени обращались и обращаются писатели и поэты, деятели культуры, крупнейшие ученые в области естественных и гуманитарных наук. Время и пространство – одни из центральных категорий философской рефлексии и психологической науки. Концепции, связанные с осмыслением феноменов пространства и времени, разрабатывали А. Бергсон (1923), В. И. Вернадский (1988), Э. Гуссерль (1994), М. С. Каган (1982), Ю. Б. Молчанов (1979), Н. Н. Трубников (1978), М. Хайдеггер (1993), О. Шпенглер (1922), А. Эйнштейн (1966) и др. Однако исчерпывающей характеристики эти сложные по своему содержанию понятия в специальных исследованиях не получили. Современная наука и искусство к этой проблеме обращаются прежде всего из-за универсального характера исследуемых категорий.

Исследования античной мифологии и древнегреческого эпоса показывают, что первые упоминания категории времени встречаются в «Одиссее». В гесиодовской «Теогонии» присутствует представление о двух временах: одно – циклическое время несовершенного мира, другое – высшее время, в котором отсчитываются глобальные моменты в истории мира[15]. Свое дальнейшее развитие эти еще недостаточно четкие идеи о наличии двух времен получили в античной натурфилософии, в философских теориях эпохи Возрождения и нового времени, в работах таких мыслителей, как Сократ, Гераклит, Аристотель, Платон, Декарт, Демокрит, Кант, Бергсон, Гегель и др.[16].

---

[15] *Ахундов, М. Д. Концепции пространства и времени. Истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов. – М. : Наука, 1982. – С. 259.*

[16] *Молчанов, Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике / Ю. Б. Молчанов. – М. : Наука, 1977. – С. 192.*

Рассмотрим эволюцию представлений о времени. В философии и физике выделяют две пары взаимно дополняющих друг друга концепций времени. Первая пара концепций расходится по вопросу о природе времени, об отношении категории времени и движения. Субстанциональная концепция рассматривает время как особого рода субстанцию наряду с пространством, веществом и пр. Реляционная концепция считает время относительным (или системой отношений) между различными событиями.

Вторая пара концепций выражает разные точки зрения на процессы становления, т. е. расходится в вопросе об отношении категорий времени и бытия. Согласно статической концепции события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и в известном смысле одновременно, а становление и исчезновение материальных объектов – это иллюзия, возникающая в момент осознания того или иного изменения. Согласно динамической концепции реально существуют только события настоящего времени; события прошлого уже реально не существуют, а события будущего еще реально не существуют[17].

Традиционным и наиболее разработанным являлся анализ объективного времени как атрибута материи. В отечественных философских работах время определяется как последовательность и смена состояний объекта.

Однако в последние годы основная тенденция в рассмотрении проблемы времени направлена на преодоление растворения философского анализа времени в чисто физической его интерпретации. Так Я. Ф. Аскин отчленил проблему времени от проблемы пространства и оговорил неправомерность одного лишь физического аспекта трактовки времени[18]. А. Н. Лой и Е. В. Шинкарук отмечают, что социально-историческое бытие является не в меньшей степени реальным, чем бытие физических объектов. Они подчеркивают, что «социально-историческое время, будучи на ранних этапах человеческой истории зависимым от ритмики природы, в процессе развития человеческой жизнедеятельности все более освобождается от этой зависимости и выражает последовательность, повторяемость, длительность, ритмы, темпы социальных процессов»[19]. Н. И. Трубников, обращаясь к процессу общего

---

[17] Логинова, Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь / Н. А. Логинова // Принцип развития в психологии. – М. : Наука, 1978. – С. 156–172.

[18] Каган, М. С. Время как философская проблема / М. С. Каган // Вопросы философии. – 1982. – № 10. – С. 117–124.

[19] Лой, А. Н. Время как категория социально-исторического бытия / А. Н. Лой, Е. В. Шинкарук // Вопросы философии. – 1979. – № 12. – С. 73–86.

человеческого, социального и культурного развития, указывает на существование времени исторического, социального и индивидуального человеческого бытия. Он также выступает против чисто физической трактовки времени, отмечая, что время есть нечто несопоставимое, более фундаментальное, чем «длительность», «момент» или «интервал», чем все то, что может быть выражено положением часовых стрелок или положением светил на небосклоне[20].

Разграничив понятие времени и понятие о «физическом времени» как форме протекания природных процессов, ученые стали глубже рассматривать философскую концепцию времени. М. С. Каган говорит о существовании биологического, физического, социального и психологического времени[21], В. Н. Ярская, осуществляя экскурс в полифоническую структуру темпорального описания мира, рассуждает о художественном времени[22], А. В. Дроздова, опираясь на философские направления, в центре внимания которых оказывается существование индивида, указывает на существование экзистенциального времени. В ее работе оно понимается как временение (длительность, ритмы, темпоральность, смена и следование актов и процессов) индивидуальной человеческой жизни, не сводимое ни к объективному безличному времени, ни к интегральному социальному времени, ни к психологическому или субъективному[23]. В. П. Яковлев изучает формы и уровни, в которых обнаруживает реальное содержание социального времени. Для чего автор берет за основу триаду: человеческий индивид, социальное поколение, история общества – и выделяет, соответственно, время индивида, время поколения и время истории[24].

Время имеет структуру. Чем сложнее эта структура, тем больше существует возможностей воспринимать изменения в вещах и, как следствие, изменения в себе, что необходимо для регуляции собственной деятельности. И наоборот, чем больший опыт рефлексии имеет

---

[20] *Трубников, Н. Н. Проблемы времени в свете философского мировоззрения / Н. Н. Трубников // Вопросы философии. – 1978. – № 2. – С. 111–121.*

[21] *Каган, М. С. Время как философская проблема / М. С. Каган // Вопросы философии. – 1982. – № 10. – С. 117–124.*

[22] *Ярская, В. Н. Развитие понятия времени / В. Н. Ярская // Вопросы философии. – 1981. – № 3. – С. 157–160.*

[23] *Дроздова, А. В. Экзистенциальное время как взаимосвязь вечности и повседневности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. В. Дроздова. – Екатеринбург, 1996.*

[24] *Яковлев, В. П. Социальное время / В. П. Яковлев. – Ростов-н/Д : изд-во РГУ, 1980.*

личность, тем в более сложный и богатый событиями эйкос она в состоянии вселиться. Структурность времени достаточно определенно представлена в психических мирах и текстах культуры. Отметим, что для нас являются важными в плане методологии данного исследования принципы понятия «время», обозначенные С. В. Мейеном. Конструкцию времени, выдвинутую С. В. Мейеном, лучше всего характеризовать его собственными словами: «С точки зрения исследователя время выступает как изменчивость каждого окружающего объекта (индивида). Эта изменчивость в одних случаях фиксируется непосредственно: разные состояния одного и того же индивида проецируются наблюдателем на его собственную изменчивость, которую можно назвать “психологическим временем” (или “временем наблюдателя”)». Можно выделить следующие основные утверждения С. В. Мейена:

1. Время – это изменчивость объекта (индивида). Понятия объекта и изменчивости С. В. Мейен считает неопределяемыми. Далее он поясняет: «Но время – не произвольный набор фаз изменчивости индивида, а набор, упорядоченный самой природой». Из этого следует, что изменчивость понимается не как множество возможных состояний объекта, а как последовательность состояний, т. е. как траектория в пространстве состояний.

2. Изменчивость наблюдателя (психологическое время) служит фоном, на который проецируется время наблюдаемого объекта. Это утверждение перекликается с представлениями И. Канта о том, что время – внутренняя форма, привносимая в мир наблюдателем.

3. Помимо индивидуального времени существует некое обобщенное время (архетип) для объектов, относящихся к одному таксону (классу). В частности, архетипом времен класса всех материальных объектов С. В. Мейен считает физическое время[25].

Особое место занимает проблема времени в психологии. Многие, возможно, замечали по себе, что в разные моменты жизни время ощущается по-разному. С разной скоростью оно течет для человека, находящегося в кабинете зубного врача, и для влюбленного в минуты

---

[25] См. следующие работы: Мейен, С. В. Методологические аспекты теории классификации / С. В. Мейен, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1976. – № 12. – С. 67; Мейен, С. В. Методология исследования временных отношений в геологии / С. В. Мейен // Развитие учения о времени в геологии. – Киев, 1982. – С. 361; Мейен, С. В. О соотношении номогенетического и тихогенетического аспектов эволюции / С. В. Мейен // Журнал общей биологии. – 1974. – Т. 35. – № 3. – С. 353 и др.

свидания. По наблюдениям психологов, оценивая небольшие интервалы времени без часов, одни люди склонны переоценивать их длительность, другие же – недооценивать. «Психологическая минута» оказывается короче или длиннее в зависимости от настроения человека: плохое настроение растягивает ее, кажется, что время тянется слишком долго, а хорошее, наоборот, как бы сжимает его.

Законы психологического времени – это законы парадокса: если нам хочется, чтобы время шло быстрее, оно идет медленнее. А если человек хочет замедлить время, оно начинает бежать. В горе, тоске наши чувства замедляют время, а радостные, приятные переживания убыстряют его. Психологи и физиологи установили, что такое восприятие горя и радости рождено самой нашей природой. В минуты счастья, успеха в человеке усиливаются процессы возбуждения, они ускоряют ритмы нашего организма, и время от этого бежит быстрее. В минуты же горя преобладают тормозные процессы, наши ритмы замедляют свой ход, и время тянется медленнее. Возможно, многим знакомо такое понятие – «адреналиновая тоска»: в моменты тяжких переживаний в крови человека резко возрастает содержание адреналина, который усиливает душевные муки.

Печаль продлевает время. Например, вы собрались у смертного одра своего родственника, и ночь, кажется, никогда не закончится, и солнце больше не взойдет. Вы тоскуете, и так хочется, чтобы время тянулось быстрее. Но чем сильнее вы этого жаждете, тем медленнее оно тянется, потому что опыт этот относителен – ведь время течет со своей обычной скоростью. Влюбленный ждет и не дождется свою возлюбленную, ему кажется, что она слишком медлительна, в то время как девушка сама летит к нему, как на крыльях. Но юноше все равно хочется, чтобы она мчалась со скоростью света. Итак, в печали время кажется замедленным. Когда вы счастливы, когда, встретившись со своим возлюбленным или друзьями, всю ночь проводите в разговорах, то на рассвете удивляетесь, как быстро она пролетела. В общем, в печали и в радости восприятие времени различно.

Такое восприятие радости и горя происходит только в настоящем времени, когда они непосредственно переживаются. В наших воспоминаниях действует как бы обратный механизм: неприятные эмоции забываются, а радости остаются, занимая большую часть памяти. Поэтому прошлое и воспринимается в радужных тонах. Этот закон был сформулирован американским психологом У. Джеймсом: «Время, заполненное разнообразными и интересными впечатлениями, кажется быстро протекающим, но, протекши, представляется при воспоминании о нем очень продолжительным. Наоборот, время, не

заполненное никакими впечатлениями, кажется длинным, а, протекши, представляется коротким»[26].

У психологического времени есть свои механизмы, работа которых зависит от того, как человек живет и какой он видит свою жизнь в прошлом и будущем. Механизм этих часов скрыт в наших собственных представлениях о жизни, о взаимосвязи причин и следствий событий, жизненных целей и средств их достижения. Многие психологи выделяют различные типы личности в зависимости от основной для нее временной направленности: живущие в прошлом (эмоциональные, депрессивные), в настоящем (импульсивные, ощущающие) и в будущем (инициативные). Ориентация на будущее связана также с большой уверенностью в своих силах. Иногда после успешной психотерапии люди склонны изменять свою ориентацию, например, с прошлого на будущее.

Есть механическое, календарное время, которое больше подходит к природе, живущей в одном ритме, и меньше – к человеку. И, видимо, только психологическое, личное время может служить истинным мерилом нашей жизни. Ведь можно прожить длинную жизнь, влача жалкое существование, а можно жить так, чтобы в каждый день умещалась неделя, в каждый год – десятилетие. Ход психологического времени зависит от его насыщенности и содержания, а не от того, сколько раз Земля обернется вокруг Солнца. У кого в жизни больше перемен, событий, впечатлений, действий – тот и жил больше, хотя другие могут жить дольше.

Восприятие времени человеком в обыденной жизни целиком связано с периодическим контролем его по отношению к показаниям часов или к смене фаз дня (утро, день, вечер, ночь). Данное контролирование и подстраивание под земные сутки ведется человеком с помощью визуального или слухового восприятия информации, с помощью которых можно отследить и осознать текущее время. Но что будет, если оградить человека от всех часовых ориентиров? На что тогда будут ориентироваться наши внутренние часы? Человек – живое биологическое существо, у которого собственный организм ведет свой индивидуальный распорядок дня, никак не связанный с земными сутками.

Вышесказанное позволяет сформулировать следующие положения. Выделяются:

1. Личностное время, под которым понимается психотемпоральная организация взрослой личностью своего сознания и самосозна-

---

[26] *Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. – М. : Педагогика, 1991. – С. 368.*

ния, поведения и деятельности в процессе осуществления взрослым человеком его индивидуальной и групповой жизнедеятельности и общения, как сложное развивающееся целостное образование – способ жизни.

2. На психофизиологическом уровне выделяется проблема адаптации человека к системе текущего времени, что является необходимой предпосылкой для успешной ориентировки в окружающей среде. Подобного рода адаптация проявляется в различных формах. По мнению ряда авторов, отсчет времени осуществляется с помощью сложной системы, в которой сочетаются эндогенные процессы организма в виде сердечных сокращений, дыхательного цикла, цикла обмена веществ и экзогенные влияния в виде циклических ритмов, температурных изменений, изменения влажности и т. д. Связывают подобный отсчет времени с функционированием биологических часов.

3. Психологическое время значимо отличается от объективного, хронологического. Людям свойственны индивидуальные особенности восприятия времени, например, как плавно текущего или скачкообразно, как сжатого или растянутого, пустого или насыщенного. На разных этапах онтогенетического развития люди по-разному относятся к прошлому, настоящему и будущему: молодым свойственна направленность в будущее, в пожилом возрасте более значимо прошлое, имеет место ретроспективная направленность мотивов. Наряду с возрастной дифференциацией особенностей переживания времени существуют и половые отличия: мужчины склонны к большей актуализации будущего, а женщины – прошлого, которое психологически для них является более значимым.

Проведенный анализ позволил вычленить основные характеристики категории «время» и в дальнейшем положить их в основу выделения уровней отражения категории «время» в образе мира:

- набор, упорядоченный самой природой;
- образная символика времени;
- индивидуальные особенности восприятия времени, например, как плавно текущего или скачкообразно, как сжатого или растянутого, пустого или насыщенного;
- последовательность состояний;
- траектория в пространстве состояний;
- физическое время;
- стадии развития;
- жизненный цикл в целом.

Таким образом, проблема времени обладает особым статусом в жизни человека и является одной из центральных тем философской рефлексии и психологической науки.

1.2. Категория пространства

Пространство в своем изначальном значении – одна из основных форм существования материи. Оно выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов. Важнейшей чертой пространства является трехмерность. Оно имеет три направления: 1) влево – вправо; 2) вперед – назад; 3) вверх – вниз. Все эти направления наглядно выражаются тремя взаимно перпендикулярными линиями. Двигаясь параллельно им, можно пространственно определить любое тело. В истории философии и естествознания это свойство пространства не раз пытались объяснить и обосновать. То, что у пространства не менее двух направлений, по наблюдению философов, доказывало существование «правых» и «левых» модификаций тел (правая и левая рука, зеркально-симметрические формы). Древние схоласты, опираясь на учение пифагорейцев и Аристотеля, стремились объяснить трехмерность пространства соображениями о совершенстве мира: к линии, образующей длину, может быть присоединена ширина, и тогда образуется поверхность; путем присоединения высоты получается тело, но наглядно представить переход к другим измерениям невозможно, а поэтому утверждалось, что трехмерность дает совершенство и целостность. К этому добавлялись рассуждения о священном статусе числа три, поскольку все в мире имеет начало, середину и конец. Г. Галилей, критически рассматривая эти «доводы», саркастически замечал, что если число три признать совершеннее, чем четыре или два, то тогда трудно понять, почему, например, у человека и животных нет трех ног. Утверждения же о невозможности мыслить пространство больше, чем в трех измерениях, Галилей справедливо считал простым обобщением опыта.

В последнее время появились физические теории четырехмерного и многомерного пространства[27].

---

[27] *Когда ученые говорят о четырехмерном мире, они в качестве четвертого измерения берут время, считая, что пространство и время находятся в глубокой связи между собой. «Время – пространство в бытии...». Это открытие (о связи пространства и времени) принадлежит А. Эйнштейну и его теории относительности. Время – это длительность существования материальных образований и соотношение каждого из них с предшествующими образованиями. Ведь каждое материальное образование не вечно, оно возникает вследствие изменения каких-либо предшествующих ему материальных образований, проходит стадии развития и затем исчезает, превращаясь в другие материальные образования. Поэтому рассуждения о четырехмерности пространства не противоречат действительности, но не опровергают положения о трехмерности пространства, наоборот, всецело исходят из него.*

Итак, размерность (наличие трех направлений) – одно из основных свойств реального пространства. Зададимся вопросом, каков же смысл категории «пространство»? Для обыденно-житейских представлений пространство – нечто привычное, известное и даже в какой-то мере очевидное. М. Хайдеггер, пытаясь объяснить суть категории «пространство», задавался вопросом: «Пространство – та однородная, ни в одной из возможных точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость?..»[28]. Вопрос, поставленный М. Хайдеггером в такой форме, отражает принципиальную неоднозначность, отсутствие какого-либо окончательного решения проблемы пространства. По существу он является и ответом – вариантом решения, справедливость которого философ прослеживает на примере художественного пространства скульптуры: оно неоднородно, неравноценно, вторично по отношению к заполняющим его вещам.

В XX веке О. Шпенглер сделал пространство одной из опорных категорий своего исследования. Он обратил внимание на то, что ценностный статус пространства более значим для цивилизации, ценностное переживание времени – для культуры. Примат пространственной оценки мира и человека, по О. Шпенглеру, есть свидетельство угасания культуры и перехода ее в стадию цивилизации.

Понятие пространства как объективного мира имеет смысл лишь постольку, поскольку сама материя дифференцирована, структурирована. Если бы мир не имел сложной структуры, если бы он не расчленялся на предметы, а эти предметы, в свою очередь, не членились на элементы, связанные между собой, то понятие «пространство» не имело бы смысла.

Пространство является предметом исследования психологии. Исследования категории пространства связаны с ориентацией человека в пространстве и формированием пространственных представлений в целом. Существует два типа ориентации в пространстве: реальная (природно-естественная) и мыслительная (социально-культурная). В исследованиях по пространственной ориентации упоминаются некоторые факторы, например, строение предмета, его положение и направление привычного перемещения, а также размеры предметов и их расстояние друг от друга. Мир, познаваемый человеком, осознается им как целостность, единство, среда, пространство, включающее в себя множество объектов, в том числе и самого человека. Осознаваемый мир – это мир наших представлений и образов памяти. Осознаваемый мир трехмерен. Видимый мир также трехмерен. Он неограниченно

---

[28] *Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика. – С. 447.*

простирается вокруг нас и заполнен предметами, чье положение не зависит от положения наблюдателя. Мы воспринимаем себя в видимом мире как один из объектов, заполняющих этот мир. Таким образом, мы приходим к выводу, что зрительный образ имеет много общего со словом нашего естественного языка. Восприятие мира – это взаимопереход образа восприятия в образ сознания.

Исследования показывают, что психологическое пространство значимо отличается от объективного, хронологического, что подтверждается в работах Т. Н. Муладжановой, В. В. Николаевой[29], В. В. Поповича, В. А. Москвина[30]. Установлено, что наряду с возрастной дифференциацией особенностей переживания времени-пространства существуют и половые отличия. По мнению Т. Н. Березиной, «…в самом общем и глубинном смысле внутреннее пространство – это все психическое»[31]; выделяют пространство–время личности[32], пространство–время детства (Д. И. Фельдштейн, 1997). Предполагается возможность представления психики как пространственноподобного образования. Именно это и предполагал М. К. Мамардашвили для сознания, что оно может представлять собой пространственноподобное образование вне человеческого тела[33].

В психологии свойства пространства – протяженность и объем – представлены в виде содержания и структуры: содержание сознания (Д. Гартли, Дж. Пристли, 1998), структура личности (Г. Ю. Айзенк, 1994). А внутреннее пространство рассматривается как синоним понятия «внутренний (личностный) мир» или как индивидуальное «Я». В современной литературе содержание человеческой индивидуальности, уникальность личности нередко обозначают другими понятиями, на-

---

[29] *Муладжанова, Т. Н. Изменение временной ориентации личности в ситуации хронического стресса, вызванного тяжелым заболеванием / Т. Н. Муладжанова, В. В. Николаева // Неврология и психиатрия. – Киев : Здоровье, 1986. – Вып. 15. – С. 14–17.*

[30] *Москвин, В. А. Нейропсихологические аспекты исследования временной перцепции у здоровых лиц / В. А. Москвин, В. В. Попович // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия : сб. докл. / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. – М. : изд-во РПО, 1998. – С. 160–166.*

[31] *Березина, Т. Н. Жизненный путь личности: осознанный и неосознаваемый аспекты / Т. Н. Березина // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. – М., 1997. – С. 313–323.*

[32] *Абульханова-Славская, К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К. А. Абульханова-Славская // Психология формирования и развития личности. – М., 1981. – С. 19–45.*

[33] *Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 3–18.*

пример, «духовность человека», «его личностный мир» и т. д.[34]. По К. А. Абульхановой-Славской, внутреннее пространство, которое личность сама создает и структурирует, – это «жизнедеятельность человека» (там же). Поскольку восприятие человека рисует в его голове пространство простирающимся вовне, то наличие центра необходимо. Наличие центра является результатом восприятия человеком действительности и тенденции к ограничению или концентрации свойств пространства в какой-либо его точке. В соответствии с научными выводами пространство бесконечно, поэтому центром может служить любая его точка. Несмотря на целостность восприятия пространства, человек осознает его как целое с отдельными частями. Части ощущаются им либо как замкнутые вместилища объектов, либо как сами объекты, так как человек склонен выделять из целого пространства отдельные объекты.

Пространственные представления начинают формироваться в раннем детстве и присутствуют в сознании на уровне образов-представлений. На следующем этапе начинает формироваться представление о пространстве как объективной категории, обладающей своими физическими характеристиками. И только на высшем уровне познания пространство начинает включаться человеком в систему представлений человека о мире. Таким образом, понятие «пространство» формируется в процессе познания человеком окружающей действительности, природы.

Проведенный анализ позволил вычленить основные характеристики категории «пространство» и в дальнейшем положить их в основу выделения уровней концептуального видения категории «пространство» в образе мира:

• пространство представлено через объекты окружающего человека мира;

• пространство представлено через движения объектов в пространстве;

• пространство отражено в сознании в форме понятия (научное знание о пространстве) и включает в себя конкретные физические характеристики пространства как научной категории;

• психологическое пространство переживаемое;

• представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях;

• внутреннее пространство;

• пространство–время личности;

• пространство–время детства.

---

[34] Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 55–56.

1.3. Время и пространство в структуре деятельности

Современный ритм развития общества требует от человека сосредоточенности и деловитости, способности организовывать свою деятельность в пространстве с учетом временных рамок. Возникает, с одной стороны, постоянное ощущение нехватки времени, а с другой стороны, человек начинает быстро осваивать новые пространства жизнедеятельности. Проблема пространства и времени – это не только личная проблема отдельного человека, но и научная проблема, которая стала предметом изучения философии, психологии, педагогики, искусствоведения. Жизнь становится все сложнее и сложнее, поток информации захлестывает, возрастает частота событий, на которые надо откликаться, увеличивается их удельная плотность, жизнь торопится и торопит, вечно не хватает времени.

В современной теории труда немалое внимание уделяется значимости различных картин миропонимания, придающих системам труда не только познавательную, но и ценностную функцию. Фундаментальными составляющими этих различных картин миропонимания являются категории пространства и времени, которые имеют свои социокультурные основания. Сам характер труда детерминирован концепцией пространства и времени (пространства-времени), хотя в ней имеются независимые от социокультурной системы инвариантные характеристики. Концепции пространства и времени имеют познавательное и ценностное измерения, играющие немаловажную роль во влиянии на характер труда.

Основой механизмов изменения характера труда выступает фактор времени и пространства, который определяет образ жизни и социальные отношения. На это обращает внимание З. Бауман в своей статье «Капитал обретает подвижность, труд – независимость». В процессе перехода к эпохе современного общества включение «пространства» и «времени» в образ жизни и сферу трудовой деятельности играет немаловажную роль.

Концепции пространства и времени всегда находятся в определенной зависимости от культуры, основой которой является предметно-чувственная деятельность. Способы этой деятельности определяют способы постижения и освоения объективного мира и его пространственных и временных параметров. Именно культура, понимаемая как всеобщая технология человеческой деятельности, детерминирует соответствующую данной цивилизации картину мира, в том числе концепцию пространства и времени. Тем не менее нужно иметь в виду относительный характер своеобразия каждой культуры, так как ее специфичность есть проявление всеобщего в развитии человеческого общества. Эту специфичность данной культуры и следует учитывать

при рассмотрении соответствующей картины миропонимания, лежащей в основе парадигмы труда.

Своеобразие концепций пространства и времени проистекает из ориентации человеческой деятельности на те или иные социальные ценности, особенностей восприятия мира представителями той или иной культуры. Ю. К. Стрелков считает, что особенности сформированности и специфика пространственно-временных представлений определяют готовность человека к деятельности. Сознательная деятельность человека совершается во времени и не может совершаться вне его, каким бы ни был характер деятельности. Деятельность невозможно раскрыть, понять, объяснить, минуя временные термины. Время – форма человеческого бытия, форма деятельности[35].

Зачем нужно вводить время и пространство в рассмотрение деятельности? Этого требует феноменология, которая говорит о бытии в мире, о Dasein. Если мы отказываемся от времени и пространства, то следует не принимать такие понятия, как ситуация или поле. Между тем в психологии закрепились эти и другие термины, основанные на временных формах: удерживание, формирование, трансформация и др. Деятельность совершается человеком в мире, среди многих процессов, которые ее запускают, поддерживают и прекращают. Деятельность неотделима от процессов внутри организма и в окружающем мире. Деятельность содержит в себе срок и место, поскольку она направлена на цель, и – до удовлетворения потребности – память о сроке. Если деятельность не положена на время, в ней не находится места для рефлексии.

Время позволяет сопоставить различные процессы в жизни и деятельности человека с окружающим миром (людьми, событиями, предметами и процессами) и говорит об их множестве, позволяет понять, как возможна синхронизация, как схватываются и удерживаются длящиеся объекты. В совместной деятельности обсуждение, поиск оптимального пути к результату объединяют и изменяют переживания и ожидания участников. Единство и разногласие, конфликт и безразличие – групповые факторы, которые не могут не повлиять на переживания, мысли, воспоминания, ожидания, исполнение действий – формы длительности.

Внимание к времени заставляет рассматривать не одну, а несколько деятельностей сразу, относящихся к разным процессам:

- в окружающем мире (космические и биогеографические процессы);
- в организме (часы тела);

---

[35] *Стрелков, Ю. К. Временная связность образа мира / Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии Северного международного университета. – Вып. 1. – Магадан, 2001. – С. 127–157.*

• в ближайшем социальном окружении (деятельность бригады), в городе и на предприятии и др.

Деятельность субъекта должна рассматриваться в совокупности множества процессов. Это особенно ярко показывает исследование Л. Г. Дикой – «многосуточный эксперимент с депривацией сна, где испытуемым для выполнения сложной деятельности приходилось работать над своим функциональным состоянием»[36].

Ю. К. Стрелков характеризует время как понятие психологии:

1. Время неотделимо от субъекта. Субъект – в самой сути понятия времени. Живой, живущий, со своим переживанием текучести, тягучести, непрерывности, потока. Время – это поток, но в той его области, где поток проходит сквозь субъект.

2. Человек действует – это процесс. Процесс имеет собственное время. Можно сказать что-нибудь о собственном времени процесса? Действие и субъект слиты. Действие – это определенный аспект субъекта, форма субъекта. Время – это собственное процесса, который мы назвали действием человека. В этом и состоит то особенное, что отличает действие человека от других, что раскрывает его лицо: время. Во времени процесс раскрывается как особенный. Это особенное субъект создает своим усилием, сознанием, настроением.

Время – это ткань самого субъекта. Но какого субъекта? Материального или духовного, интеллектуального, интеллигибельного. Всех сразу, целого, конкретного, живого субъекта. Это ткань, а не просто объективная мерка, которая прикладывается к человеку.

3. Время предполагает систему событий, временной ряд с его особой структурой. Какое место занимает субъект в структуре временного ряда? Субъект схватывает структуру, осмысливает и удерживает структуру временного ряда. Промежутки тянутся в переживаниях субъекта. Субъект проживает длительность и создает ее своим переживанием.

Что такое время? Это мера процесса, способ его схватывания, пути размышления о нем. Чтобы способ был адекватен объекту, реальности, необходимо, чтобы в нем как можно точнее отражались особенности процесса, его тонкости и детали. Время – характеристика процесса, в котором выражается связность и последовательность, начало, конец, цикличность. Можно ли дать процессу такую характеристику помимо субъекта, включенного в процесс, осуществляющего процесс и управляющего им. Едва ли, тем более что субъект обладает памятью

---

[36] *Стрелков, Ю. К. Временная связность образа мира / Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии Северного международного университета. – Вып. 1. – Магадан, 2001. – С. 127–157.*

и способностью ощущать и переживать непрерывность, отличать ее от дискретности.

Время – характеристика процесса, которая дается с помощью терминов, среди которых основные: длительность, ритм, срок, временной синтез (единство настоящего, прошлого и будущего), событие, синхронизация, одновременность, упорядочение, последовательность, и большое число других, таких как: темп, момент, начало, конец, процесс, изменение, движение, неподвижность, цикл, период, эпоха, повторение, различие и т. п.

Понятие длительности – центральное среди терминов, характеризующих временную форму.

Длительность представлена во временном знании и структурах опыта субъекта. Сохранить и накопить знание о длительности можно через характеристику действий (ритм, темп и т. д.): а) вербальное и числовое описание процесса, указание темпа, ритма, сроков и временной структуры процесса; б) через ориентиры в действиях и сопутствующих процессах; в) опираясь на память об эмоциональных переживаниях и особенно об утомлении, которое связано с процессом исполнения. В понятие длительности, которое формируется у субъекта, выполняющего определенные действия, входят знания трудностей и приемов их преодоления, воспоминания о преодолении, об ожидании завершения процесса. Знание процесса, процедуры дает субъекту знание длительности, дает возможность оценить длительность до исполнения или после, по памяти. Временная последовательность действий субъекта наполняет длительность, является ее тканью.

Длительность предполагает способность субъекта выполнить действия – владение пространственными и временными схемами.

Время вносит движение в развертывание психического процесса, оживляет его, как это ни парадоксально звучит. Требуется психологическое рассмотрение проблемы.

Ю. К. Стрелков считает, что «в структуру любой деятельности человека входят временные задачи. Временная задача определяется одним из временных терминов, например: выдерживание ритма или темпа, выдерживание сроков и т. д. Временное определение – основная из временных задач, поскольку имеет отношение к базовому толкованию времени. Внутри этой задачи содержится определение «теперь» и временной синтез – единство прошлого, будущего и настоящего во временном горизонте. Примеры временных определений: «теперь еще не пора, рано, потом», «уже поздно, нужно было раньше», «теперь – в самый раз». Глаголы несут информацию о времени и, если временная форма глагола не соответствует контексту, собеседник пытается уточнить причину использования неадекватной формы. Это означает, что субъект даже бессознательно контролирует временные метки и временную структуру текста.

Временные задачи деятельности субъект решает, применяя образ ситуации и образ мира, которые регулируют моторную деятельность и высказывания субъекта. Время – характеристика связей, данных субъекту в образе: последовательность и одновременность, непрерывность и дискретность, длительность и ритм. Субъект не только строит и использует временное знание. О временной структуре мира субъект может говорить, трансформируя в вербальных построениях ее отдельные элементы. Когда ситуация определилась, можно сказать, что у субъекта не только возник образ ситуации, но и сформирован образ мира. Временная связность образа мира обнаруживается в действии: она обеспечивает временную глубину и временное расширение образа ситуации. Расширение – это включение в ситуацию внеситуативного содержания, переход, который имеет временную характеристику – длительность. Время, пространство, смыслы, значения – не только измерения образа мира, но и характеристики деятельности. Понятия времени строятся в зависимости от деятельности и в результате приобретают характеристики «значимо», «приурочено», «публично», «продолжительно» (или «протяженно»)[37, 38].

Временной синтез, единство прошлого, настоящего и будущего, содержит хорошо локализованное во временном ряду и четко определенное воспоминание: ситуация, которая в прошлом была выделена и получила временное определение («это, теперь, настоящее»). Задача временного определения может быть решена, если субъект владеет временными синтезами: восприятиями, следами, ожиданиями и пр., скомпонованными в единое временное целое.

По мнению Ю. К. Стрелкова, время предполагает анализ множества аспектов жизни и деятельности человека, среди которых существенна роль:

• ритмов космоса – биологических: часы тела и их соответствие ритмам космоса;

• исполнительных (поведенческих): синхронизация и временное упорядочение движений, поведения человека и некоторого процесса в окружающем мире, ритмы движений;

• когнитивных: определение настоящего как ясность и отчетливость восприятия, временные синтезы, временные определения;

---

[37] *Стрелков, Ю. К. Временная связность образа мира / Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии Северного международного университета. – Вып. 1. – Магадан, 2001. – С. 127–157.*

[38] *Серкин, В. П. Структуры и временные характеристики образа мира / В. П. Серкин, Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии СМУ. – Вып. 2. – Магадан : Кордис, 2002. – С. 91–135.*

• эмоционально-чувственных: переживание длительности, след, играющий в настоящем, прошлое, которое никогда не было настоящим, ритм смены напряжений и расслаблений;

• социальных: время как сетка встреч, как ритмы социальных процессов.

Таким образом, Ю. К. Стрелков в своих работах рассматривает деятельность, делая акцент на понятиях «срок», «длительность», «ритм», выделяя именно психологическую сторону. Система деятельности, по Ю. К. Стрелкову, пронизана сроками, которые создают и держат напряжение. Длительность связывает переживание и исполнение деятельности. Переживание длительности процесса зависит от срока завершения и меняется по мере его приближения. Понятие срока показывает ключевое значение будущего в деятельности – моменты достижения цели, удовлетворения потребности. Ритм позволяет выделить собственную временную единицу деятельности, которая, когда освоена субъектом, как схема синхронизации и упорядочения – временная. Время характеризует связность образа мира, выводя субъекта за пределы восприятия. По мнению Ю. К. Стрелкова, пространство является основой любых действий человека. Оно имеет важное значение в труде учителя, врача, переводчика.

Окружающий мир дан человеку в восприятии. Подобно тому, как время – проживаемая длительность, пространство – это проживаемая, воспринимаемая симультанность, здесь-множество. Пространство присутствует и воспринято. Восприятие – это упорядоченность множества присутствующих предметов. Порядок и его сразу-данность-субъекту – вот пункт, от которого начинается раскрытие пространства через субъект. Субъект, воспринимая, придает форму внешнему разнообразию, определяет его. Оно могло получить иную определенность в ином восприятии иного субъекта. Но пространство уже определено именно так, именно этим восприятием субъекта.

Пространство – совокупность упорядоченных, расположенных определенным образом предметов, среди которых сам субъект. Это упорядоченное окружение субъекта. Субъект воспринимает предметы в их множественности и порядке. Воспринимает себя среди предметов. Предметы могут быть неживыми и живыми и даже подобными субъекту – другими людьми. Здесь очень важно сделать добавление к определению: предметы упорядочены, организованы относительно друг друга. Система отсчета встроена в пространство. В самом порядке предметов есть рациональная форма. Эта форма может быть схвачена сразу, целиком, в единой мысли, поскольку выразима одной формулой или правилом.

По мнению Ю. К. Стрелкова, в психологии понятия «пространство» и «время» необходимы. Они легко, естественно входят в ряд основных понятий, гармонично соединяясь в базовую структуру.

Что такое это соединение? Это слитие, но такое, при котором за понятиями «пространство» и «время» остается особый смысл. Сами понятия ассимилируются, легко принимаются психологией, но при этом они не утрачивают своей особенности. Особенность их не в том, что они принадлежат естественным наукам.

Пространство и время – фундаментальные характеристики любого процесса: в его структуре (в отнесенности к упорядоченности внешнего мира) и в его течении, движении они соотносимы с процессами во внешнем мире.

Кроме Ю. К. Стрелкова спецификой пространственно-временных представлений в структуре деятельности человека занимались и другие ученые. В монографии В. П. Серкина «Образ мира и образ жизни» (глава «Образ жизни как система актуальной активности субъекта (система деятельностей)») автор смоделировал схему структуры образов жизни как системы иерархизированных мотивацией деятельностей человека, выделив в ней три уровня активности:

• уровень внутренней деятельности (субъективность пространства и времени);

• уровень коммуникации (конвенциональность пространства и времени);

• уровень практической деятельности (конструирование пространства и времени).

«На уровне внутренней деятельности представления о «пространстве» и «времени» определяются моей субъективностью. «Пространство» и «время» субъективно сжимаются и даже инверсируются: я могу думать за секунды о событиях, происходящих часами и годами, могу произвольно изменять временной порядок событий и расположение предметов, их размеры, структуру и другие свойства. На уровне коммуникации пространство и время становятся конвенциальными (согласованными с другими): чтобы встретиться с человеком, мы должны согласовать и время, и место; чтобы понимать друг друга или совместно действовать, мы должны синхронизировать наши ритмы. На уровне практической деятельности ритмы и свойства реальных предметов становятся решающими: чтобы действовать практически, я должен соотнести свое время, свои психические процессы, свои эффекторы (тело и инструментарий) с «сопротивлением реальности», со свойствами предметной реальности»[39]. По К. А. Абульхановой, вну-

---

[39] *Серкин, В. П. Образ мира и образ жизни / В. П. Серкин. – Магадан : изд-во СМУ, 2005. – С. 316.*

треннее пространство, которое личность сама создает и структурирует, – это «…жизнедеятельность человека; …деятельность – создание особого временно-пространственного континуума, в котором субъект связывает объективно разобщенные во времени и в пространстве объекты, придает им свою временную целостность и цикличность и собственные временные параметры и ритмы»[40].

В. С. Мухина отмечает, что самосознание любого индивида включает в себя ориентации во времени («был», «есть», «буду») и пространстве («которое позволяет ему стремиться адекватно воспринимать свой уникальный путь индивидуальной жизни»), и эти ориентации имеют важное значение в развитии, становлении личности, «...умение соотнести себя в прошлом, настоящем и будущем позволяет личности отрефлексировать перспективы своего собственного развития и интенсивно управлять им». Она считает эту способность важнейшим позитивным образованием, отмечая, что «наличие осознаваемой перспективы в будущем стимулирует личность к развитию. Психологическое пространство человека как личности – это не столько внешние, физические условия его жизни, сколько деятельность…»[41].

Исследователи Е. И. Головаха, А. А. Кроник считают, что «…собственное время личности является разновидностью социального времени, так как оно обусловлено включенностью индивида в общественные отношения и деятельность. Собственное время личности в наиболее общем значении – «это социальное время, в той мере, в какой содержание человеческой психики является освоенным в практической деятельности социальным опытом»[42].

М. Р. Гинзбург считает, что «в жизненном поле личности представлено пространство действования – психологическое прошлое, психологическое настоящее и психологическое будущее. С психологической точки зрения прошлое существует как опыт, будущее как проект, а настоящее как действенность»[43].

---

[40] *Абульханова, К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): избранные психологические труды / К. А. Абульханова. – М. : Московский социально-психологический институт ; Воронеж : изд-во МПО «МОДЭК», 1999. – С. 224.*

[41] *Мухина, В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина. – Екатеринбург : ИнтелФлай, 2007.*

[42] *Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев : Наук. думка, 1984. – С. 207.*

[43] *Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 46–56.*

М. М. Бахтин утверждает, что для человека его действия разворачиваются во времени и пространстве и являются средством смысловой организации, определения себя в мире. При этом важнейшей характеристикой самоопределения М. М. Бахтин считает его ориентированность в будущее[44].

В. Вунд включал длительность в объективную характеристику сознания[45]. Наряду с тремя образующими, которые выделены А. Н. Леонтьевым в рамках деятельностного подхода – чувственная ткань, значение, смысл, – в структуру сознания необходимо ввести триаду: настоящее–прошлое–будущее. Это совокупность независимых составляющих. Согласно концепции А. Н. Леонтьева, «деятельностная природа образа мира проявляется в наличии у него со свойственными физическому миру координатами пространства и времени и пятого квазиизмерения: системы значений, воплощающей в себе результаты совокупной общественной практики. Восприятие субъектом предмета происходит в пространстве, во времени и в его значении, смысле»[46].

А. Л. Носаль в диссертационном исследовании пишет, что «…собственное время личности является разновидностью социального времени, так как оно обусловлено включенностью индивида в общественные отношения и деятельность. Собственное время личности в наиболее общем значении – это социальное время, в той мере, в какой содержание человеческой психики является освоенным в практической деятельности социальным опытом»[47].

Согласно Д. Нюттен, результативность деятельности субъекта во многом определяется тем, как эта деятельность направляется, регулируется во временной перспективе. Отмечается, что будущая временная перспектива будет оказывать действенное влияние на текущую активность субъекта только при наличии у него «временной интеграции», которая является важным условием реалистичности временной перспективы. Субъект должен иметь стремление и умение связывать свое настоящее с будущим, уметь видеть в результатах своих действий собственную активность, должен уметь осознавать связи, которые соединяют его активность, события его жизни во времени, реальный момент

---

[44] *Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – С. 444.*

[45] *Вунд, В. М. Введение в психологию / В. М. Вунд. – СПб., 2002.*

[46] *Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–13.*

[47] *Носаль, А. Л. Проблемы воспитания и развития личности в практико-теоретической деятельности А. С. Макаренко / А. Л. Носаль. – М., 1999. – С. 87.*

настоящего с умопостигаемыми целями, составляющими временную перспективу[48].

Исследование специфики пространственно-временных представлений служит прогнозом для выполнения любой сознательной деятельности. Р. Х. Багова в диссертационной работе отмечает, что «…прогнозирование развития событий и собственных действий для достижения желаемых результатов является неотъемлемым моментом любой деятельности человека. Обеспечивая личности возможность постоянно выходить за свои пределы, прогнозирование может служить одним из критериев правильности принимаемых решений, выдвижения новых гипотез, осуществлять подготовку к действиям в предстоящей ситуации. Прогнозирование обуславливает и ориентировку, регуляцию, коррекцию действий в процессе деятельности, позволяет добиваться поставленных целей, выступает регулятором процесса творчества»[49].

Так определял значимость прогноза С. Л. Рубинштейн: «Человек перестал быть рабом непосредственно ситуации, действия его становятся опосредованными, могут определяться не только стимуляцией, исходящей из наличной ситуации, но и целями, задачами, лежащими за ее пределами»[50]. Исследователь алгоритмов разума Н. М. Амосов писал о времени как о «независимой переменной, которая, как и пространство, всегда участвует в деятельности интеллекта. Значительную часть своих программ он относил к будущему, несколько меньшую – к прошлому, большую часть – к настоящему»[51].

1.4. Особенности пространственно-временных представлений у этносов, формировавшихся в разных географических условиях

Нет сомнения, что мировое культурное пространство дифференцировано. Дифференциация происходила под воздействием разных факторов, важнейшими из которых являются географическое поло-

---

[48] Nuttin, J. Motivation et Perspectives d Avenir / J. Nuttin. – Louvain : Presses Universitaires de louvain, 1980. – 288 s.

[49] Багова, Р. Х. Субъективное пространство возможного действия как фактор самоопределения личности: у учащихся общеобразовательных школ : дис. … канд. психол. наук / Р. Х. Багова. – М. : РГБ, 2003. – С. 5–6.

[50] Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – С. 416.

[51] Амосов, Н. М. Алгоритмы разума / Н. М. Амосов. – Киев, 1979. – С. 80.

жение, природная основа – ландшафты – и исторические судьбы регионов.

Большинство авторов (К. Касьянова, В. О. Ключевский, Н. О. Лосский, В. И. Пантин) полагают, что Россия представляет собой особый, уникальный культурный мир. Его идентифицируют по-разному: от мира – России, реально представляющего гораздо меньшую территорию, чем наше государство сегодня, до Евразии в широком смысле (включая бывшие союзные республики и Монголию). Многие исследователи отмечают самобытность и особость российской культуры.

Особая роль природы в цивилизационной системе России издавна обращала на себя внимание различных отечественных мыслителей. Так, уже Н. М. Карамзин выделял разнообразие природных условий как характерную отличительную черту России: «Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою?»[52].

По словам В. Ключевского, природа России «часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса: своенравие климата и почвы обманывает скромные его ожидания и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит, подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить бытие, играть в удачу и есть великорусский авось»[53]. Итак, согласно В. Ключевскому, российская природа определяет структуру и сам характер процесса труда, а в связи с этим и социально-психологические характеристики русского народа, во всяком случае, основной его части – крестьян.

Другой видный русский мыслитель В. Н. Ильин, придававший решающее значение духовно-религиозному фактору, подчеркивал вместе с тем прямую связь особенностей духовного склада русских людей со спецификой окружающей их природной среды. Он подчеркивал, что Россия, страна метелей, вьюг и туманов, никак не может быть признана «страной нег и наслаждений»[54]. С особой ролью природного фактора в цивилизационной системе и, соответственно, со спецификой

---

[52] *Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. – Т. 1 / Н. М. Карамзин. – М., 1989. – С. 14–15.*

[53] *Лосский, Н. О. Характер русского народа. – Кн. 1 / Н. О. Лосский. – М. : Ключ, 1990. – С. 47.*

[54] *Ильин, В. Н. Эссе о русской культуре / В. Н. Ильин. – СПб., 1991. – С. 42.*

соотношения способов решения коренных экзистенциальных противоречий «человек–природа», «мирское–сакральное», «индивид–социум», «традиция–инновация» связан целый ряд важнейших отличительных черт «пограничных» цивилизаций планетарного уровня, большинство которых уже давно были выделены мыслителями России и Латинской Америки. В. Н. Ильин писал: «Россия, повторяем, целый мир, космос, – не только космос, но и хаос, она – хаокосмос»[55].

Особая роль природы в «пограничных» цивилизационных системах планетарного масштаба означает и особое построение их пространственно-временной структуры. Хотя любая цивилизация (культура) есть пространственно-временной континуум, соотношение между пространственными и временными параметрами различно в разных социокультурных общностях.

В социальном измерении культура – это в первую очередь мир окружающих нас вещей, несущих на себе отпечаток человеческого труда, существующих в обществе отношений, уровня и особенностей взаимодействия человека с природной средой и т. д. В этом смысле «культура» – это обработанная, очеловеченная, «окультивированная» природа. Категориям пространства и времени отводится важное место в теории цивилизаций. Для любой цивилизации (если ее рассматривать в русле культурно-исторического подхода) характерны пространственно-временные характеристики, отражающие глубокую взаимосвязь культуры с соответствующим «месторазвитием» (П. Н. Савицкий) или ландшафтом (Л. Н. Гумилев), которая и задает пределы вариативности временных ритмов. Каждая локальная цивилизация описывается как «хранитель» времени, которое отражает «вечные» и «неизменные» ценности и соответствующее данной цивилизации историческое самосознание, связывающее прошлое, настоящее и будущее. При этом, как показали, в частности, О. Шпенглер и В. Шубарт, каждая цивилизация демонстрирует характерное и свойственное только ей отношение ко времени[56].

Для более глубокого понимания оснований цивилизационной интеграции первостепенное значение имеет рассмотрение вопросов смыслового освоения пространства и времени в динамике российской культуры. Представления о пространстве и времени лежат в основе любой картины мира, поэтому исследование специфических для российской

---

[55] *Ильин, В. Н. Эссе о русской культуре / В. Н. Ильин. – СПб., 1991. – С. 60.*

[56] *Горин, Д. Г. Смысловое освоение пространства и времени в цивилизационной динамике российской культуры : дис. ... д-ра филос. наук / Д. Г. Горин. – М., 2003. – С. 321.*

культуры особенностей конституирования хронотопических контекстов позволит более адекватно описывать как современное состояние культуры, так и возможные перспективы социокультурной динамики.

Многие ученые отмечают особенности национально-культурного восприятия пространства. Ю. С. Степанов считает, что обращение с пространством – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns), по выражению американского исследователя Э. Т. Холла. На Ближнем Востоке, замечает этот автор, он чувствовал себя как бы в давке, и это часто вызывало у него ощущение тревоги. Дома и служебные помещения были устроены столь отлично от американских, что его соотечественники приспосабливались к ним с трудом и постоянно жаловались на то, что места или слишком мало, или слишком много, и оно пропадает напрасно. Различия организации пространства этим не ограничиваются. В Японии пересечения улиц имеют названия, а сами улицы – нет. Араб на простой вопрос, как пройти, дает такие указания, что европейцу невозможно ими воспользоваться, пока он не постигнет всю арабскую систему указаний. Для немца из Пруссии вы «в комнате», если можете говорить и видеть кого-нибудь в комнате, хотя бы вы и стояли на пороге. Для американца вы «в комнате» только тогда, когда внутри целиком ваше тело, и вы можете оторвать руку от дверного косяка. Колумбиец или мексиканец часто находят, что североамериканец, с которым они разговаривают, держится холодно и отчужденно только потому, что североамериканец не любит, чтобы до него дотрагивались, и отступает назад как раз тогда, когда колумбиец считает, что он подошел достаточно близко, чтобы заговорить. Для американца удобным расстоянием при разговоре будет 75 см, но для мексиканца это слишком далеко[57]. По образному выражению Н. А. Бердяева, немец всюду видит и ставит границы, русская душа «ушиблена природой» и безграничностью, а китаец всюду видит китайца[58].

В статье Г. Леви «Английское народное хозяйство» говорится, что если сравнить значение, которое имеет море для Англии и для Франции, то придется признать, что на различие в этом отношении между обеими странами часто обращают мало внимания. Относительно меньший удельный вес Франции ставится в слишком большую зави-

---

[57] *Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М., 1971. – С. 7.*

[58] *Бердяев, Н. А. О власти пространства над русской душой / Н. А. Бердяев // Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М., 1997. – С. 84.*

симость не от природных условий, а от национального характера ее населения[59].

Г. Шмоллер говорит об особенностях английского характера, которые якобы зависят от островного положения страны. Он считает, что благодаря островному положению их родины и условиям политического и экономического развития, у англичан выработался твердый и замкнутый характер. Уверенная решительность, трезвая активность, твердая сила воли являются их выдающимися чертами. Гордый и равнодушный к другим, идет англичанин своей дорогой, неуклюже, но с полным сознанием своего достоинства, просто и спокойно берется он за работу, приступает к политической деятельности, борется с тяжелыми сторонами жизни; он как бы нисходит милостиво и к отдельным людям, и ко всему человечеству, скверно относится и грубо обращается с представителями низших рас и классов, но в то же время у себя дома, в своей семье, в своей общине, приходя, он – благороден, честен, верен своему долгу, великодушен[60].

Знаток Германии и Англии лорд Голдэн считает, что англичанин действует, руководясь представлениями, немец – понятиями. Англичанин – очень редко, гораздо реже, чем немец, вырабатывает себе определенный план, устанавливает определенный принцип, прежде чем начать действовать[61].

Проблемы исследования пространственно-временных оснований культурной картины мира применительно к российской культуре приобретают дополнительную остроту, связанную с ее пограничным положением в цивилизационно-культурном пространстве Восток–Запад. Весьма интересно это проследить на китайской и казахской культурах. В пространственном отношении пограничность российской культуры всегда была источником угрозы сложнейших геополитических сдвигов (в том числе и в смысловом отношении, проявлявшемся в разворачивании ценностных основ культуры в западническом или ориенталистском направлении). В своем исследовании мы обратились к этническим группам, проживающим в различных географических условиях, а не геополитических. Термин «геополитика», на наш взгляд, в большей степени отражает влияние географических факторов на внешнюю политику государства. Мы же преследуем иную цель исследования: исследование особенностей представлений о географическом пространстве.

---

[59] *Леви, Г. Английское народное хозяйство / Г. Леви ; пер. с нем. – Петроград : изд-во «Книга», 1924. – С. 93.*

[60] *Там же.*

[61] *Там же.*

На основании трудов Н. А. Абрамовой, Ж. О. Артыкбаевой, А. Белого, Ю. Н. Гладкого, И. М. Денисовой, М. Е. Кравцовой, Лян Сяонань, Е. В. Пчелова, Н. М. Теребихина, И. В. Трутневой и др. представлено подробное описание особенностей пространственно-временной модели мира славян, китайского, казахского и нивхского этносов, которые нашли свое отражение в их географии проживания, языке, мировоззрении и философии, в традициях и праздниках.

1. Особенности пространственно-временной модели мира славян

География проживания этноса, отражающая специфику пространственно-временных представлений

Представители русской этнической группы исконно проживают на южной территории острова Сахалин в г. Южно-Сахалинске. Остров Сахалин расположен на Дальнем Востоке России и отделен от материка Татарским проливом, соединяющим Охотское и Японское моря. С севера и с востока берега Сахалина омывают холодные воды Охотского моря, с юга – воды теплого Японского моря. Пролив Лаперуза на юге отделяет Сахалин от японского острова Хоккайдо. Сахалин представляет собой длинную и узкую полосу суши, вытянутую с севера на юг вдоль дальневосточных берегов. Сахалин – гористый остров. Большая часть его территории занята горными хребтами. Низменности занимают значительно меньшую площадь, чем горы. Рек на Сахалине много. Сотни речек и ручьев сбегают с гор и несут свои воды либо в море, либо в многочисленные озера. Почти все реки Сахалина имеют небольшую длину. Течение их обычно бурное. Часто встречаются пороги и водопады. Некоторые реки центральной части острова каскадом водопадов обрываются прямо в море. Много на Сахалине озер. В большинстве случаев они небольшие по размерам. Климат Сахалина чрезвычайно своеобразен. Он отражает в себе одновременно влияние холодного Охотского и теплого Японского морей. Зимой остров испытывает охлаждающее влияние азиатского материка. Большая протяженность острова с севера на юг, его гористая поверхность и направление горных хребтов обусловливают заметные различия климата в разных частях острова. Горы хорошо прикрывают внутренние и западные части острова от идущих с востока ветров и туманов. Вышеперечисленное подчеркивает, что пространственно-временные представления островитян носят закрытый, замкнутый характер: море и остров выступают как ограничивающий элемент ландшафта.

Язык этноса, отражающий специфику пространственно-временных представлений

В рамках культурно-исторического подхода язык рассматривается как система, в которой «закодировано» восприятие мира в культуре народа, в том числе и понимание таких категорий, как пространство и время. Специфическими особенностями русской письменности, через которые возможно отследить специфику пространственно-временных представлений русских, являются следующие:

1) алфавитное письмо как набор дискретных символов – воспринимается левым полушарием – такие люди воспринимают материал дискретно (по частям), от частного к общему; предпочитают абстрактную, строго логичную, насыщенную символами (цифрами, знаками, формулами, схемами) информацию;

2) для передачи мысли фонетическое письмо занимает больше места на пространстве бумаги, что создает линейный, «поэлементный» характер речи и мысли.

Для нас представляет интерес исследование Лян Сяонань «Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода», который отмечает, что понятия «время» и «пространство» представлены в русском языке на уровне морфологии и семантики:

• русский язык принадлежит к флективному типу, может с помощью приставок (*за-, по-, про-, от-* и др.) придавать глаголам действия пространственно-временные значения;

• человек воспринимает время через пространство и использует для выражения временных отношений пространственные предлоги: *в, на, к, через, до, по, перед, под, с, от, из, за, с… на…, с… по…, от… до…, с… до…, из… в…;*

• говорящий может выражать свою симпатию ко времени при помощи суффиксов с уменьшительными и ласкательными оттенками: *годик, годок; денек, денечек; неделюшка, неделька; часик, часок; минутка, минуточка; секундочка; утречко; вечерок; ночка, ноченька; времечко* и др.;

• отрезки суток *день* и *ночь*, *утро* и *вечер* членятся на основе начала и конца дневной деятельности или на основе движения солнца;

• слово «минута» может быть связано с такими переживаниями, как тоска, одиночество, горе и т. д.;

• древние славяне делили год на *лето* и *зиму* на основе астрономии. Данное деление в значительной степени обусловливалось положением солнца;

• в русском языке в названиях месяцев не отражается цикличность времени, так как древние славяне делили год по праздникам, хозяйственным нуждам или по постам;

• «зима» и «снег» часто употребляются как «времяобозначающие» слова, выполняющие функцию имен единиц измерения времени;

• время определяется с помощью единиц пространственного кода, иногда в сочетании с единицами телесного (соматического), природно-ландшафтного и других кодов (*изо дня в день, сквозь годы; на носу, за плечами; не за горами);*

• у времени есть *пространственные характеристики*, оно может быть местом, помещением и т. д., т. е. располагаться на плоскости, иметь границы (*ограничены во времени, ограничить время*);

• время может передвигаться и действовать, как человек: *время не ждет, время не возвращается, время идет, время бежит, время (не) ушло, время проходило, время пошло, время приходило, время двигается, время останавливается, время (не) терпит, время торопит* и др. Подобно человеку, время еще может *шептать*, *оставлять кого-л., работать*;

• время играет разные роли в человеческом обществе и может иметь разные социальные статусы: «сверху» – хозяин (*время позволяет*), руководитель (*веление времени, время расставляет все по своим местам*), судья (*время рассудит*), учитель (*время учило, уроки времени*), врач (*время лечит, время врачует*); «снизу» – подчиненный (*управлять временем, распорядиться временем*), раб (*быть хозяином своего времени*); «противостояние» – союзник (*время работает на нас*), противник (*время работает против*), победитель (*время побеждает*), проигравший (*побеждать время*), убийца (*время убило*), вор (*время крадет*), жертва (*убить время);*

• время может быть *зооморфно*. Например, выполняет действия и функции различных животных: как черепаха или змея (*время ползет*), птица (*время летело птицей*);

• время может быть собственным имуществом (*времени мало, красть время, терять время, найти время, отнимать время, жалеть времени, беречь время, выделить время. Сколько ты мне еще времени дашь*?); деньгами (*экономить время, транжирить время, тратить время*); товаром или тем, что имеет цену (*ценить время, выбрать время*, *время дорого*); призом (*выиграть время*); ресурсами, даже дефицитными ресурсами (*требует времени, времени не хватило, использовать время, нужно время, сколько необходимо времени*);

• время имеет разные формы существования: оно существует в виде линий (*время началось, время кончилось, засекать время*), жидкости (*время течет, река времени, поток времени*), ткани (*выкроить время*); упругой вещи, пружины, резины (*время тянется, тянуть время, оттянуть время, сжать время*), преграды (*преодолеть время*); транспор-

та (*поезд времени*); части и целого (*время делится, остальное время, большая часть времени*)[62].

Мировоззрение этноса, отражающее специфику пространственно-временных представлений

Русский этнос имеет славянскую пространственно-временную модель образа мира. Она описана наиболее ярко в заговорах, которые являются своеобразными «дорожными картами» в инобытие пространственное и временное. В них мир посюсторонний, мир дома и людей, занимающий центральное положение, со всех сторон окружен миром потусторонним. По мере удаления от дома перед человеком по очереди как бы размыкаются кольца земных пределов – ворота, дорога/перекресток, «чисто поле», страна Лукоморье у моря, Океан-море (Белое, Черное или Хвалынское). Среди вод Океана-моря появляется знакомый нам по сказкам остров Буян, на котором возвышается гора (Алатырь-камень, Сион, Фавор, Голгофа и др.). На горе стоит дуб, столб, церковь, семибашенный дом или иная вертикаль, означающая мировое древо и центр мира мифического Лукоморья, мира изначально иного, искривленного по отношению к миру обыденному. Хозяйкой острова выступает женщина-праматерь, ведающая жизнью и смертью (змея Гарафена, царица Соломия, красна девица, Богородица Матерь Божия). Согласно изысканиям И. М. Денисовой, «в системе антропоморфного образа мира остров (камень) символизировал не что иное, как «золотник», т. е. матку Вселенной…»[63]. Таким образом, остров Буян является не только фактом мифологической географии, но и маркером мифологического времени начала творения. Остров, явленный среди безбрежных вод, – это образ первой земли, «новой» земли, райской земли золотого века.

Славянская мифологическая пространственно-временная модель характеризуется своеобразной биполярностью – в ней два противоположных священных центра: Восток – как место, откуда приходит Солнце, обладающий положительной семантикой, и Запад – как место, которое поглощает свет, обладающий отрицательной семантикой. Ось Север – Юг не имеет ярко выраженной отдельности. Север тяготеет к

---

[62] *Лян, Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лян Сяонань. – М., 2008. – С. 3–26.*

[63] *Денисова, И. М. Образ чудо-острова в контексте антропоморфной модели мира и его символы в народном искусстве / И. М. Денисова // Музей, традиции, этничность. XX–XXI вв. – СПб., 2002. – С. 68.*

Востоку, а Юг к Западу. Цветовые коды распределяются следующим образом: Восток ассоциируется с красным цветом, Север – с белым, Запад – с черным, а Юг – с синим. В результате сложения цветовых кодов «Северный полюс России, как сочетающий в себе кристаллическую логосную белизну Севера с жизнетворческим энергийным накалом Востока, просвечен золотом, которое, по словам П. А. Флоренского, «есть чистый беспримесный свет». Напротив, Южный полюс, смешавший в себе черные краски Запада с синевой Юга, воспринимается как тьма кромешная, как зияющая пустота, в которой отсутствует свет. Таким образом, в русской биполярной геосимволике Север и Юг предстают и противостоят друг другу как свет и тьма»[64].

В славянской космологии «не было различения рая и ада: слово ирий (вырий), так же, как слово рай, служит вообще обозначению потустороннего мира»[65]. В связи с этим противопоставление двух полюсов не было противопоставлением рая и ада, а связывалось скорее с летним и зимним циклами годового круга. Север (Восток) Руси и соответственно северное Лукоморье, граничащее с Белым морем, ассоциировались с царством света и лета, а Южная (Западная) Русь и южное Лукоморье, прилегающее к луке Черного и Хвалынского (Каспийского) морей, – с царством тьмы и зимы.

Цветовая символика названий морей не случайна и имеет глубокий мифологический подтекст. География реальная и мифологическая совпадают частично, что особенно заметно в ориентации лукоморской модели по вертикали. «Лукоморская мифология России, – пишет Н. М. Теребихин, – основана на архетипе космической вертикали, связующей и противопоставляющей горный (горний) ландшафт верхнего (северного) мира и степной (полевой) равнинный простор нижнего (южного) антимира. Поэтому в системе координат сакральной географии движение на север воспринимается как восхождение на вершину мировой горы, к центру мира, к небу и Богу, а обратное направление к югу расценивается как нисхождение в глубины ада, в преисподнюю земного «поля».

В зооморфных кодах Северу соответствует золоторогий Олень, который выносит из подземелья Солнце/Деву, а Югу – Змей, похищающий Деву и держащий ее в заточении весь зимний период. Оппо-

---

[64] Теребихин, Н. М. Метафизика Севера : монография / Н. М. Теребихин. – Архангельск : Поморский университет, 2004. – С. 73.

[65] Успенский, Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) / Б. А. Успенский // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. 1. – С. 153.

зиционность мифологической географии осмысляется в формах змееборческого мифа битвы Перуна, бога-громовержца, и его антагониста Велеса, хтонического бога подземно-водного царства.

Восхождение на северную лукоморскую гору и обретение первозданной райской земли золотого века осмысливались как борьба с темными силами (сказочный вариант – борьба с Кащеем Бессмертным) или с иными народами. Это восхождение стало некой идеологической парадигмой реальной колонизации и исхода русского народа на север/восток.

Продвижение на север сопровождалось основанием «новых» городов, по типу Новгорода, что с точки зрения мифологического мышления означало не новизну по отношению к городам юга, а принципиальную новизну первотворения, к которым «возвращался» русский народ, жаждущий здесь, на земле, обрести рай золотого века. «Северный путь пролегает через горизонты мифа о вечном возвращении мира и человека к своим родовым корням и истокам, к своей покинутой прародине. Предельным реальным географическим объектом в мифологии северного лукоморья стал архипелаг Новая Земля, которую поморы называли Маткой. Далее морские пути шли мифическими дорогами «новоземельских» видений островов рая и ада среди вод Студеного океана»[66].

В разные периоды существования русской культуры понятие время представлялось по-разному. В работе Е. В. Пчелова говорится, что «…в дохристианский период в языческом мире славян господствовало *природное время*. Оно основывалось на цикличности, повторяемости природных явлений и было сопряжено с хозяйственной деятельностью. Путем наблюдений над природно-хозяйственной жизнью складывался большой пласт календарных примет, формировался народный календарь русской природы. Кардинальный «перелом» связан с принятием христианства и введением Юлианского календаря. Происходило формирование религиозного, православного сознания, определенные элементы которого «накладывались» на предшествующую картину мира. *Время обрело начало и конец.* Эра от Сотворения Мира маркировала начало времени. Предполагаемые и ожидаемые Второе Пришествие и Страшный Суд означали его конец. *Цикличность сменилась линейностью*. Линейное восприятие времени стало константой русской культуры (и вообще всей европейской), актуальной до сих пор, уже вне зависимости от собственно христианского (православного) сознания. *Время оказалось возможным исчислить.* Введение эры и христианского календаря обусловило возможность счета лет от какой-то конкретной, единой «отправ-

---

[66] Теребихин, Н. М. Метафизика Севера : монография / Н. М. Теребихин. – Архангельск : Поморский университет, 2004. – С. 73–75.

ной» точки. Кроме того, церковная служба требовала вести счет часов, возникли дробные деления самого часа, и вообще весь календарь стал пространством точных математических расчетов. Счет лет стал структурой летописного повествования (само слово «летопись» подразумевало описание событий, распределенных по годам). В летописании также возникла своя начальная точка – от Р. Х. *Время стало персонифицированным.* Дни церковного календаря сопрягались с памятью тех или иных святых. *Время обрело звук.* Жители Руси (как и других стран) оповещались о начале церковных служб громким звоном колоколов. Во времена Московской Руси *Время стало публичным и наглядным.* В 1404 г. на башне княжеского терема в Кремле монах Лазарь Сербин установил первые на Руси башенные часы. Постепенно эта традиция распространилась, и жители отдельных мест получили возможность не только *услышать*, но и *увидеть* время. Это созерцание было первоначально коллективным и лишь позднее стало индивидуальным (личные часы). Таким образом, время стало *общим,* а затем и *частным* достоянием.

В 1492 г. от Р. Х. ожидался конец Света, которого не произошло. С этого момента эсхатологические предчувствия стали менее актуальными, хотя периодически вновь возникали, особенно в XVII в. Тем не менее *будущее* (по крайней мере, обозримое) *перестало быть страшным*, конец Света отодвигался все далее и все не наступал, пока и вовсе не отошел в неопределенное пространство грядущего. В 1492 г. было принято сентябрьское новогодие. Тем самым осуществился разрыв с *природным* годовым циклом, основанным на новогодии весеннем. Начало года стало с этой точки зрения *формальным.* Вероятно, уже в XVII в. наступление нового года (новолетие) начинает отмечаться как особое событие, существовала определенная церемония, проходившая на Соборной площади Кремля с участием царя и патриарха. Наступление нового года *стало значимым хронологическим рубежом.*

С середины XVI в. постепенно *время становится стабильным.* Наряду с часами неодинаковой длительности и зависящими от времени года возникает постоянная продолжительность часа с делением на 60 минут. *Время дробится на все более мелкие отрезки.* В XVII в. на циферблатах русских часов уже встречается минутная стрелка. Повсеместно значение минуты и одинаковая продолжительность часа устанавливаются с Петровской эпохи. Впоследствии *дробность времени постоянно возрастает.*

Во времена Петровской эпохи *Время стало* не только церковным, но и *гражданским.* Как Петр Великий создал гражданский алфавит, так же он создал и гражданский календарь, отделив его от церковного. Он ввел *гражданские праздники*, не связанные с церковной традицией (викториальные дни), и сделал новогодие подчеркнуто гражданским праздником. *Время обрело новое звучание*

– это было звучание ружейных и пушечных выстрелов и фейерверков (ср. современный новогодний выстрел шампанского). *Время стало европейским.* В 1699 г. была введена эра от Рождества Христова и январское новогодие, принятые в большинстве европейских стран. Гражданский календарь России теперь стал аналогичен календарю Швеции и Великобритании. *Время обрело точность.* Развитие часовых механизмов и их постепенное широкое распространение окончательно сделало единицей времени минуту, а позднее – и секунду. *Время стало стабильным.* Час стал постоянной величиной, а значимыми границами суток *полдень* и *полночь*. Значение утра и вечера, как *момента* наступления дня и ночи, уступило место пониманию их как *особых* периодов суток. В соответствии с этим произошло еще одно важнейшее изменение – *временем стала ночь*. Если раньше ночь преимущественно предназначалась для сна (а значит, была безвременьем), а пространство ночи – для темных дел (грабеж, колдовство и т. п.), то теперь ночь стала временем *жизни*. Деятельность человека могла охватывать как дневное время, так и ночное (придворная жизнь при Елизавете Петровне, работа некоторых государственных учреждений при Павле I и т. д., ср. режим работы Сталина и современные ночные клубы). Петровская эпоха манифестировала до некоторой степени *разрыв* с прошлым, начало *нового* времени. Следовательно, прошлое приобретало *негативный* оттенок (чего ранее в такой степени не наблюдалось). В советский период *Время стало гражданским.* С принятием Григорианского календаря и отделением церкви от государства произошел окончательный разрыв между гражданским и церковным календарями. В гражданской жизни Советская Россия приняла *всемирный* календарь.

Время стало возможным изменить. Это стало важнейшей культурной трансформацией в данном контексте. Произошла окончательная *десакрализация* времени. Изменявшие все большевики начали преобразование и времени (как и природы и т. д.). Впервые вопрос о передвижке часов обсуждался на заседании Совнаркома по инициативе Троцкого 16 ноября 1917 г. Часовые пояса, декретное время, пятидневка и шестидневка, летнее время – все это признаки вышеназванной установки.

Все возрастающая точность и дробность времени убыстряют его течение в культурном восприятии – время становится не просто *быстротечным*, а *мимолетным*. Оно сжимается до предела»[67].

---

[67] *Пчелов, Е. В. Время в пространстве русской культуры / Е. В. Пчелов // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца : материалы науч. конф. – М. : РГГУ, 2006. – С. 71–75.*

Традиции и праздники, отражающие специфику пространственно-временных представлений

Праздники – это неотъемлемая часть нашей духовной культуры, да и всей жизни. Праздники не придуманы – они объективно необходимы как еда, сон, труд. Это не столько отдых, сколько другое состояние сознания, противопоставленное будням. По народным представлениям, чередование будней и праздников считалось необходимой составляющей нормального течения жизни, а сбои могли привести к хаосу и гибели мира. Праздничных дней в России XVIII–XIX вв. было много: сто сорок – сто пятьдесят в году. Праздники отмечались обычно всей общиной, в них должны были участвовать все взрослые жители села, деревни, городского квартала или улицы. Игнорирование празднества людьми физически и психически здоровыми рассматривалось как грех, нарушение этических норм и Божьих установлений. «Кроме общинных праздников в русском быту существовали праздники семейные: именины и семейные братчины, отмечавшие важные события в жизни близких родственников, происшедшие в прошлом и завещанные для почитания. Общинные праздники длились несколько дней: от одного до двенадцати, в зависимости от значимости праздника. Многие из них имели так называемые предпраздники и попразднества. Предпраздник был необходим для создания у людей определенного психологического настроя на праздник. Попразднество решало задачу выведения человека из праздничного состояния в будничную, повседневную жизнь. Семейные торжества проходили обычно в течение одного дня. Каждый из праздников имел свою отмеченную давней традицией программу. Своеобразие праздничного ритуала зависело от самого события, лежавшего в основе праздника, его происхождения и значимости для общества. Каждый праздник имел своих главных и второстепенных действующих лиц, свои атрибуты, песни, заговоры, словесные формулы, нередко и свои специфические блюда.

По мнению М. М. Бахтина, праздник всегда имеет прямое отношение к *пространству и времени*. В основе его всегда лежит определенная и конкретная концепция природного (космического) и исторического времени-пространства, он связан с некими высшими целями человеческого существования, с его возрождением и обновлением. Праздничность – это своего рода форма второй жизни народа, вступившего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия. Своеобразие праздника превращает отданное ему свободное время человека в ценность культуры, имеющую ярко выраженный личностный характер, делает это свободное время истинным богатством в системе других ценностей человеческого существования. Социальная сущность праздника в первую очередь проявляется в том, что он пред-

ставляет собой особый тип социального действия людей, объединяющий их идейно, утверждающий мировоззрение данного общества, его политические, нравственные и эстетические идеалы. Праздник через обновление ценностей, напоминание важных событий, связанных с ним, выполняет роль некоего механизма передачи культурных традиций из поколения в поколение, позволяет людям осуществлять свою культурную самоидентификацию. Праздник обычно служит поводом для осмысления будущего, создания образца идеального общественного состояния, образца, являющегося существенной частью каждой развитой культуры. С праздником как фазой культурной жизни связаны культурные явления определенной прослойки общества, ее круг поступков, обычаев, символов, целых комплексов, составляющих ритуал; умение оперировать знаками счастья и предметами, знание и понимание своего места в магическом действе, гадании, игре или забаве. С праздником связана и особая сторона материальной культуры, куда входят костюмы, украшения, декорации, кухня и т. д.

Праздник разворачивается в храмах, церквах, святилищах, которые сходным образом изображают собой *Великое Пространство* – то, где перемещались божественные прародители и чьи памятные места, и священные камни суть зримые вехи, и ныне связанные с основополагающими деяниями «Творцов». Праздник – одно из главных понятий народного календаря, «сакральное» время, противопоставленное повседневному времени будней. Различаются великие, большие и малые праздники; осенние, зимние, весенне-летние и межсезонные обряды и обычаи. Праздник отличается от будней запретом на все или некоторые виды работ, который вступает накануне, после захода солнца. Само понимание праздника как опасного для людей разрыва границы между «тем» и «этим» миром составляет элемент языческой картины мира. Все праздники, как большие, так и малые, считаются опасными»[68].

Приведем примеры некоторых праздников. Летние календарные народные праздники и обряды:

«Рождество Богородицы (8/21 сентября). Народное название двунадесятого праздника Рождества Богородицы и Приснодевы Марии в память рождения Пресвятой Девы Марии. В народной традиции Богородица избавляла от скорбей и несчастий, облегчала боль, покровительствовала роженицам, была заступницей детей и девушек на выданье.

Иван Купала (24 июня/7 июля). Один из праздников древнего земледельческого календаря, когда отмечается летнее солнцестояние и

---

[68] *Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – С. 294.*

наивысший расцвет природы. По церковному календарю это праздник в честь рождества святого Иоанна Предтечи.

Ильин день (20 июля/2 августа). День памяти ветхозаветного пророка Илии. В народном представлении Илья Пророк управлял плодородием земли, был повелителем грозы, молнии и дождя. В Ильин день крестьяне не работали на земле и совершали охранительные обряды во избежание наказания пророка.

Преображение (яблочный спас) (6/19 августа). Великий двунадесятый праздник православной церкви Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Народное название праздника связано с созреванием к этому дню яблок, которые прихожане носили освящать в церковь, после чего их разрешалось есть. С этого дня начинали сбор яблок, спасовскими яблоками угощали больных и нищих.

Осенние календарные народные праздники и обряды:

Рождество Богородицы (8/21 сентября). Народное название двунадесятого праздника Рождества Богородицы и Приснодевы Марии в память рождения Пресвятой Девы Марии. В народной традиции Богородица избавляла от скорбей и несчастий, облегчала боль, покровительствовала роженицам, была заступницей детей и девушек на выданье.

Семенов день (1/14 сентября). Народное название дня памяти преподобного Симеона Столпника, основателя подвижничества, именуемого столпничеством (IV–V вв.). На Руси его называли «летопроводцем» и на протяжении 400 лет в этот день праздновали начало нового лета (года), так как в России до 1700 г. новый год начинался с 1 сентября. У крестьян в Семенов день совершали обряд осени – первой встречи осени и наступления бабьего лета.

Воздвижение (14/27 сентября). Народное название великого двунадесятого праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, установленного в честь обретения святой равноапостольной Еленой Честного Креста Христова. В этот день поднимали кресты на строящихся храмах и ставили кресты придорожные.

Покров Богородицы (1/14 октября). Народное название церковного праздника Покрова Пресвятой Богородицы в память явления Богородицы в храме в Константинополе в середине X в. В народной традиции праздник связан с завершением полевых работ и началом зимы, с первым снежным покровом земли. Считался девичьим праздником и покровителем свадеб. С этого дня молодежные гулянья переносили с улицы в избу, скот ставили на двор, охотники уходили на зимние промыслы»[69].

---

[69] *Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря : иллюстрированная энциклопедия. – СПб. : Искусство, 2001. – С. 5–11.*

Праздник в пространстве ноосферы подобен геоактивным зонам в пространстве Земли и биоактивным точкам в пространстве организма. Праздник – сакральное (от латинского «засгит» – «священное») время, противопоставленное времени будней. Это разрыв «мирского» времени, когда люди освобождаются, «опорожняются» от повседневных дел и забот. Он может заполнять несколько суток, но может укладываться и в несколько минут: молитва, посещение капища, святилища, храма, медитация, духовное песнопение.

2. Особенности пространственно-временной модели мира китайцев

География проживания этноса, отражающая специфику пространственно-временных представлений

Представители китайской этнической группы исконно проживают на территории северного Китая. Они приехали на о. Сахалин с целью изучения русского языка.

Китай – государство в Восточной Азии, третья по территории страна мира после России и Канады и первая в мире по количеству населения. На севере граничит с Монголией и Россией, на северо-востоке – с Россией и КНДР, на юге – с Вьетнамом, Бирмой (Мьянма), Лаосом, Индией, Бутаном и Непалом, на западе – с Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном, на северо-западе – с Кыргызстаном и Казахстаном. На востоке омывается Желтым морем и Восточно-Китайским морем, на юге – Южно-Китайским морем. «Китаю принадлежит также более 3400 островов, крупнейшим из которых является остров Хайнан в Южно-Китайском море. Территория Китая весьма различна и может быть разделена на шесть физико-географических регионов. Северо-запад состоит из двух бассейнов – Джунгарского на севере и Таримского на юге, а также Тянь-Шаня. В Таримском бассейне находится самая засушливая пустыня Азии Такликман-Шамо (Такла-Макан). Дюны в этом районе поднимаются до 100 м. Через Тянь-Шань проходит Турфанская низменность (Турпан-Пенди). Монгольский приграничный район находится на севере Центрального Китая. В основном это плоскогорье, состоящее из песчаных и каменистых пустынь, которые на востоке переходят в более плодородные степи. Регион пересекает несколько низких горных цепей. Северо-восток занимает полностью Маньчжурию с Маньчжурской долиной и прилегающими плоскогорьями. В Северном Китае находится Лессовое нагорье, изрезанное долинами рек и

дорогами. Северо-Китайская долина, самая обширная равнина Китая, расположена также в этом регионе. На полуострове Шандонг находится плоскогорье Шандонг. На юго-западе региона – Центральные горы. Южный Китай состоит из долины реки Янцзы и южных районов страны. На западе находится Сычуаньский бассейн, окруженный Центральными горами. С востока Тибетского плоскогорья до моря тянется возвышенность. В Гуджоу находится весьма живописный регион старых гор из песчаника. На юге лежит бассейн реки Сянцзян и реки Чжуцзян (Жемчужной).

Тибетское нагорье находится на крайнем юго-западе Китая, средняя высота – около 4510 м над уровнем моря. На юге граничит с Гималаями, на западе – с Памиром и Каракорумом, на севере с Куньлунем. На нагорье берут начало многие крупные реки: Инд, Ганг, Брахмапутра, Меконг, Янцзы и Хуанхэ (Желтая). В целом горы занимают около 43 % территории Китая, плоскогорья – 26 %, различные холмистые бассейны – около 19 %, и только 12 % территории страны можно охарактеризовать как равнины. Главными реками являются Янцзы, Хуанхэ и Сянцзян, впадающие в Тихий океан. Китаю принадлежит также часть реки Амур, формирующей большую часть северо-восточной границы с Россией. Река Янцзы – самая длинная река Азии. Большинство озер Китая находится в долине реки Янцзы: самые крупные – это Донгпинху и Пьянгху, а также Тайху и Хонгцеху. На Тибетском плоскогорье расположено несколько довольно крупных соленых озер, самым большим из них является Кин-гайху. В Маньчжурии и недалеко от монгольской границы лежит несколько озер: Хулун-Нур, Бос-Тенху, Лоп-Нур, Улансухай-Нур»[70]. Климат страны отличается в разных регионах. В Юго-Восточном Китае климат субтропический, а на крайнем юге страны – тропический.

Пространственные представления китайской группы – жителей материковой части суши – носят открытый, незамкнутый характер: чувство причастности (принадлежности) к единому пространству Земли и ее жителям.

Язык этноса, отражающий специфику
пространственно-временных представлений

1. Характерна иероглифическая письменность. Каждый иероглиф обозначает не одну букву или слог, как в европейской письменности, а целое понятие. «Важнейшей особенностью китайской письменности, –

[70] *Региональная экономика. Основной курс : учебник / под ред. : В. И. Видяпина, М. В. Степанова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – С. 686.*

пишет М. Е. Кравцова, – является независимость значения отдельного знака от фонетической нормы данного слова»[71].

2. Иероглиф занимает меньше места в пространстве листа бумаги и имеет свойства художественного образа. Иероглиф не несет в себе никаких побочных грамматических функций, а только обозначает качество, действие или предмет. Таким образом, в пространстве текста создается картина мира в целом.

3. Иероглифическая письменность, обращенная к визуальному образу, может способствовать формированию правополушарной доминантности, образному восприятию.

В работе Лян Сяонань понятия «время» и «пространство» представлены на уровне морфологии и семантики китайского языка:

- пространственно-временные границы деятельности и процесса выражаются только с помощью фазисных глаголов или частицы: *kai1 shi3* («начать»), *qi3 lai2* (частица, указывающая на начало действия);
- человек воспринимает время через пространство и использует для выражения временных отношений пространственные предлоги: *cong3* («с»)*, dao4* («до»)*, cong3…dao4* («с… до…»)*, guo4* («через»)*, zai4* («в, на»);
- все «времяобозначающие» слова нейтральны, не имеют никакого экспрессивного значения;
- отрезки суток выделяются на основе местонахождения солнца и луны, при этом сутки членятся на шесть частей: *zao3 chen2* («утро»), *shang4 wu3* («первая половина дня»), *zhong1 wu3* («полдень»), *xia4 wu3* («вторая половина дня»), *wan3 shang4* («вечер») и *ye4jian1* («ночь»);
- слово «минута» не соотносится ни с какими эмоциями и только указывает на какую-либо конкретную точку на временной оси;
- древние китайцы делили год на *весну* и *осень* на основе агрономии, т. е. это деление зависело в основном от сельскохозяйственных практик: *весна* – это сезон, когда сеют семена растений; *осень* – это сезон, когда собирают урожай;
- в названиях годового круга, суточного круга и недельного круга отражается цикличность времени. На основе периода изменения месяца китайцы разделяют год на 12 месяцев и называют эти месяцы по порядку: с *первого месяца (yi1 yue4)* до *двенадцатого месяца (shi2 er4 yue4)*. Аналогично в соответствии с движением звезд неделя разделена на 7 дней – буквально с *недели один (zhou1 yi1)* (т. е. «первый день в неделе») до *недели шесть (zhou1 liu4)* («шестой день в неделе») и *неделя солнце (zhou1 ri4)* (т. е. «воскресенье»);

---

[71] *Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : изд-во «Лань», 1999. – С. 416.*

• у времени есть *пространственные характеристики*, оно может быть местом, помещением и т. д., т. е. располагаться на плоскости, иметь границы *zai4 shi2 jian1 zhong1 (во времени), xian4 ding4 shi2 jian1 (ограничить время)*;

• время может передвигаться и действовать, как человек: *shi2 bu4 wo3 dai4 (время не ждет), shi2 jian1 liu1 zou3 (время ускользнуло), shi2 jian1 lai2 dao4 (время пришло), shi2 jian1 zou3 guo4 (время прошло), shi2 guang1 yi2 qu4 bu4 fu4 fan3 (время не возвращается)* и др.;

• время может быть хозяином (*Shi2 jian1 bu4 yun3 xu3 – время не позволяет*), руководителем (*Shi2 jian1 jue2 ding4 – время решит*), судьей (*Shi2 jian1 cai2 ding4 – время рассудит*), учителем (*Shi2 jian1 jiao1 hui4 – время учит*), врачом (*Shi2 jian1 neng2 zhi4 yu4 – время лечит*), подчиненным (*an1 pai2 shi2 jian1 – распоряжаться временем, guan3 li3 shi2 jian1 – управлять временем*), рабом (*Zuo4 shi2 jian1 de zhu3 ren2 – будь хозяином времени*), победителем (*Shi2 jian1 jiang1 zhan4 sheng4 yi2 qie4 – время победит все*), проигравшим (*zhan4 sheng4 shi2 jian1 – победить время*), убийцей (*shi2 jian1 sha1 si3 le – время убило*), вором (*Shi2 jian1 tou1 zou3 – время украло*);

• время может быть *зооморфно.* В китайском языке время не может быть черепахой, змеей или птицей, хотя для китайцев время тоже летит, но подобно не птице, а молнии;

• время может существовать в виде линий (*shi2 jian1 kai1 shi3 – время началось, shi2 jian1 jie2 shu4 – время кончилось*), жидкости (*shi2 jian1 liu2 shi4 – время течет, shi2 jian1 de he2 liu2 – река времени*), упругой вещи, пружины, резины (*shi2 jian1 chen1 de2 hen3 chang2 – время долго тянется, suo1 duan3 shi2 jian1 – сжимать время, chen1 chang2 shi2 jian1 – оттянуть время*), транспорта (*shi2 jian1 lie4 che1 – поезд времени*), части и целого (*shi2 jian1 bei4 fen1 cheng2 liang3 kuai4 – время делится на две части, da4 bu4 fen1 shi2 jian1 – большая часть времени*)[72].

Мировоззрение этноса, отражающее специфику пространственно-временных представлений

В работе М. Е. Кравцовой «История культуры Китая» отмечено, что «…для любого человеческого общества характерны космологические представления, связанные с освоением пространственно-временных параметров окружающего мира. Это является основополагающим

[72] *Лян, Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лян Сяонань. – М., 2008. – С. 3–26.*

фактом, от которого зависят характер и содержание всех свойственных данному сообществу ментальных конструктов. Доминантой для культуры древнего Китая и всей в целом китайской цивилизации является пятичленная пространственно-временная модель мира. Согласно этой модели мировое пространство делится по четырем сторонам света (восток, юг, запад и север) и выделяется особый пространственный отрезок – Центр – чжун, ассоциируемый с центром мира. Главными временными координатами в этой модели служат времена года и специальный сезон (середина летнего периода), выделяемый для Центра. Окончательное сложение этой модели произошло в иньскую эпоху.

Совместно с временами года части света образуют особые пространственно-временные зоны. Каждая из них обладает собственной символикой и образными значениями, ставшими универсалиями для китайской культуры.

Кроме Центра, особо почиталась южная пространственно-временная зона, что было связано с древнейшими верованиями и календарными реалиями: поклонение зенитному солнцу и принятие дня летнего солнцестояния за поворотный момент годового цикла. Это отразилось в существовании календарных празднеств зимнего и летнего солнцестояния, а также обязательного положения лицом на юг для государя во время церемоний.

Восток традиционно ассоциировался с рождением новой жизни. Запад считался местом, где царят хаос и враждебные человеку природные стихии. Поэтому эта сторона света связывалась с насильственной смертью и военной силой. Северная пространственно-временная зона имеет бинарную символику. С одной стороны, она ассоциируется со смертью (зима) и природным хаосом, а с другой – с чем-то сокровенно-энигматическим, содержащим зародыш нового. Поскольку понятия «сокровенного» и «таинственного» обычно включают в себя идею их постижения, то в Китае установились прочные ассоциации этой зоны с ученостью и образованием.

Для обозначения и символической передачи пространственно-временных зон использовался специальный набор знаковых рядов. Он включал цветовую, мировоззренческую, числовую и персонологическую символику.

Цветовая космологическая символика – это «пять цветов» (у сэ), являющихся нормативной и универсальной цветовой гаммой (развертывание того же пятичленного архетипа в другой плоскости): желтый (хуан) – для Центра, сине-зеленый (цин) – для северной зоны, красный (хун, чи) – для южной зоны, белый (бай) – для западной и черный (хэй) – для восточной. Каждый из цветов имеет собственное смысловое наполнение. Желтый – символ верховной власти и государя. Красный –

передает торжественно-радостные события. Белый – цвет траура и похоронных принадлежностей. Черный – используется в одеяниях ученых. Сине-зеленый цвет передает идею новой жизни»[73].

«Мировоззренческая, философская символика – это знаменитые «пять первоэлементов – первостихий» (у син): «земля» (Центр), «дерево» (восточная зона), «огонь» (южная зона), «металл» (западная зона) и «вода» (север). Пространственно-временные зоны могли также обозначаться посредством «пяти природных сущностей»: гром (Центр), ветер (Восток), солнце (юг), холод (запад) и луна (север).

В Китае существовало несколько числовых кодов, в которых композиция мирового пространства передается через определенные наборы цифровых комбинаций. К ним относятся так называемые «магический квадрат» – «Письмена из реки Ло» и «магический крест» – «План из реки Хэ». В их основе лежит структура девятиклеточного квадрата, широко используемая в геомантии, медицинских и алхимических построениях.

Наиболее популярным и универсальным в культуре Китая был следующий числовой код: «1» и все нечетные числа – обозначение Неба и мужского начала мира. «2» и все четные числа – обозначение Земли и женского начала. «3» – триада Небо–Земля–Человек, описывающая мироздание по вертикали. «4» – основные пространственно-временные зоны. «5» – мироздание по горизонтали. «6» – «шесть великих начал мира»: четыре пространственно-временные зоны, Небо и Земля. «8» – четыре части и четыре получасти света. «9» – пять пространственно-временных зон и четыре получасти света. «10» – астральное (солярное) число, восходящее к иньскому календарю (три декады по десять дней). «12» – число знаков зодиака, месяцев (по лунному календарю) и основных суточных периодов.

Персонологическая и космологическая символика включает в себя наборы зооморфных и антропоморфных божественных персонажей. Это Желтый (императорский) дракон (Центр), опознавательными признаками которого служат желтый цвет и лапы с пятью (знак власти над всем миром) когтями. Для восточной зоны – Бирюзовый дракон (Цанлун), для южной – Красная птица (Чиняо, феникс), для запада – Белый тигр (Байху) и для севера – Таинственный/Сокровенный воин (Сюаньу), представляющий собой симбиоз черепахи и змеи.

К рассматриваемым космологическим представлениям принадлежит и концепция *Женского Инь* (теневой склон холма или речного

---

[73] *Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : изд-во «Лань», 1999. – С. 416.*

берега) и *Мужского Ян* (солнечный склон) космических начал, как система универсальной дуализированности мира.

Категория «время» в Китае включает несколько относительно автономных циклов – цикличная модель времени: астрономические циклы – солнечные (год, сутки) и лунные (месяц, фазы луны), вегетативные циклы (время роста и созревания растений). Для народного восприятия каждый цикл имеет начало, расцвет, увядание и смерть, за которой следует возрождение и новый цикл. Линейная модель времени в китайском восприятии обращена и в сторону прошлого, и в сторону будущего»[74].

Традиции и праздники, отражающие специфику пространственно-временных представлений

Любовь к различным церемониям в Китае общеизвестна. В императорском Китае сложным церемониальным ритуалом были обставлены практически все сколько-нибудь значимые события в жизни человека, семьи и общества. Например, дни рождения раньше праздновались преподношением имениннику чаши с «лапшой долголетия» (ассоциируемой с долгой жизнью).

Естественно, что не могли остаться в стороне праздники общенационального масштаба. Среди праздников, имеющих наиболее древнюю историю и наиболее красочных, стали такие, как Праздник весны, Праздник фонарей, Праздник драконовых лодок, Праздник середины осени.

Праздник весны – Китайский Новый год (по лунному календарю) – самый важный и значительный общенациональный праздник. Еще в эпоху династии Ся (XXI–XVI вв. до н. э.) первый день первого месяца по лунному календарю отмечался как день начала года. Однако лишь при династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) этот день стал общенациональным праздником, отмечавшимся вплоть до установления в Китае республики. После принятия в стране григорианского календаря этот день стал именоваться Праздником весны, и в настоящее время отмечается на протяжении, по крайней мере, недели.

Праздник весны считается семейным праздником, и принято собираться для его встречи в родительском доме, где бы он ни находился. На следующий день после встречи Нового года по лунному календарю (отмечаемого канонадой фейерверков) на улицах проводятся красоч-

---

[74] *Абрамова, Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект) / Н. А. Абрамова. – Чита : ГТУ, 1998. – С. 303.*

ные празднества, проводятся выставки цветов и фонариков, танцы со львом и драконом. Праздник фонарей отмечается на 15-й день первого месяца по лунному календарю. Своим происхождением он обязан обычаю времен династии Тан вывешивать фонари на ночь в ночь на «первую полную луну» года. Праздник драконовых лодок отмечается в пятый день пятого месяца по лунному календарю. Отмечается он в память великого поэта Цюй Юаня, который, по преданию, кинулся в реку Мило, когда княжество Цин завоевало его родное княжество Чу. Праздник середины осени отмечается 15 августа по лунному календарю. Это также праздник, когда собирается вся семья.

3. Особенности пространственно-временной модели мира казахов

География проживания этноса, отражающая специфику пространственно-временных представлений

Представители казахской этнической группы исконно проживают на территории северного Казахстана Костанайской области в г. Житикара, где и проводилось исследование. «Земля казахов обширна. От Прикаспийской низменности на западе до Алтайских гор на востоке она протянулась на три тысячи километров. Казахстан с севера на юг протянулся на 1600 км. Если на севере в Петропавловске еще лежит глубокий снег, то на юге в Шымкенте уже цветет урюк»[75]. Казахстан на севере, северо-западе и востоке граничит с Россией, на юго-востоке – с Китаем, на юге – с Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном.

«Северная часть Казахстана располагается на тех же широтах, что и Калужская, Тульская, Тамбовская области России. Однако по природным условиям она значительно от них отличается, благодаря удаленности от морей и океанов характеризуется резкой континентальностью климата. Положение Северного Казахстана в глубине самого большого материка обусловливает резкую континентальность его климата, характерными чертами которого являются продолжительная холодная зима с сильными ветрами и метелями, короткое, но жаркое лето.

Природа Казахстана удивительно богата и разнообразна. На широких просторах Казахстана имеются и высокие горы, и густые леса, и обширные равнины. Рельеф Казахстана повышается с запада на восток, и с севера на юг. Самая высокая вершина расположена на край-

[75] *Турлыгул, Т. История древнего Казахстана / Т. Турлыгул, Ж. Таймагамбетов, А. Адырбек. – Алматы : Атамура, 2005. – С. 160.*

нем юго-востоке страны, в отрогах Центрального Тянь-Шаня. Это *пик Хан-Тенгри*. Его высота 6995 метров. Эта вершина находится на стыке границ Казахстана, Кыргызстана и Китая.

Юго-западные и южные районы Казахстана расположены на обширной Туранской равнине. На востоке высятся хребты горной системы Алтая. Самая высокая точка Алтая – гора *Аксоре* (Белуха). Она расположена на высоте 4506 метров. Также в восточном Казахстане расположены Калбинский хребет, горная система Тарбагатай. Горные хребты Алтая настолько разветвлены, что его делят между собой четыре государства: Китай, Россия, Казахстан и Монголия. Алтайские горы со всех четырех сторон населены в основном казахами. В общем, горы занимают 10 % всей территории Казахстана.

По сравнению с другими странами в Казахстане слабо развитая озерно-речная система. В Казахстане насчитывается 85 тысяч рек, однако длина 90 % из них не превышает 10 км. Это малые реки или речки, питающиеся талой весенней водой, а летом пересыхающие. Из 85 тысяч рек Казахстана только 228 имеют протяженность свыше 100 км. К числу крупных рек Казахстана относятся Иртыш, Есиль, Тобол, Жайык, Сырдарья, Жем, Или, Шу, Талас, Салысу. На юге и востоке страны много рек, берущих начало с горных ледников. Используя сильное и быстрое течение этих горных рек, страна ежегодно вырабатывает на гидроэлектростанциях 160 млрд кВт/ч электроэнергии. На таких реках, как Или, Иртыш, Жайык, развито судоходство. В Казахстане насчитывается более 48 тысяч озер. Из них только у 21 озера площадь превышает 100 квадратных километров. К крупным озерам относятся Каспий, Арал, Балхаш, Зайсан, Алаколь и др.»[76]. Пространственные представления казахской группы – жителей материковой части суши – носят открытый, незамкнутый характер.

Язык этноса, отражающий специфику пространственно-временных представлений

В работе Айбарша Ислам «Мировоззренческие концепты: лингвокультурологический анализ» понятие «время» представлено на лексико-семантическом уровне казахского языка:

• в казахском языке «уақыт» – время представлено такими лексемами, которые обозначают отдельные отрезки времени: 1) момент, пора, время; 2) счастливое время; счастливая пора;

---

[76] *Артыкбаев, Ж. О. Рассказы по истории Казахстана / Ж. О. Артыкбаев, А. А. Сабданбекова, Е. А. Абиль. – Алматы : Атамура, 2006. – С. 192.*

• у казахов двоякое понимание времени: линейное, с одной стороны, и как круговорот, с другой. Здесь хочется отметить, что «прямая» символизирует безвозвратное прохождение мимо, «круг» же – вечное возвращение – «колесо возврата»[77], и более короткие отрезки. Формированию круговоротного представления, видимо, способствовали повторяющиеся времена года, день и ночь. Последние у казахов отразились в тенгрианстве, где корень – «таң» означает «восход солнца». Заход солнца рассматривался как время появления нечистых сил. Следовательно, ночь – «бейуақыт» понималась как время злых духов. Казахи придавали особую значимость переходным периодам: время захода солнца – «ақ пен қызыл арасы» (букв. «между белым и красным»), которое считалось неблагоприятным;

• «уақыт» у казахов характеризуется текучестью, причем с быстротечным характером «уақыт зымырап өтіп жатыр» (букв. «время быстро проходит»);

• будущее в отличие от вышеуказанных культур у казахов понимается как то, что впереди, и нередко взор человека направлен вперед, на созерцание горизонтов в ожидании неизвестного, нового – будущего, а прошлое же позади, за спиной. Здесь, наверное, уместно сказать, что казахи представляют время как дорогу. В доисламский период «заман» – время в арабском языке означало бесконечное время, судьба, состоящее из дней («аййа мун») и ночей («лайалайн»), которые до бесконечности чередуются. Здесь также проскальзывает цельное понимание времени и судьбы;

• «заман» характеризуется изменчивостью и, что характерно, в худшую сторону, и нередко выражается сожаление о пройденном времени, которое передается выражением «дариға, заман-ай» (жалость, сожаление). Выражение «Заманың түлкі болса, тазы боласың» (букв. «если время – это лисица, то ты станешь охотничьей собакой»), требуя от человека готовности к изменениям времени, как бы советует не поддаваться им, а верховенствовать;

• по исламу, «заман» не вечен, он имеет конец «ақыр заман» – «конец света» – религиозное светопредставление, гибель мира, конец света, который по воле Аллаха наступит из-за деяний людей. В целом, как и во всех других культурах, казахское понимание данного концепта основано на циклическом и линейном времени[78].

Пространственные и временные представления в казахском языке отражены на морфологическом и синтаксическом уровнях:

---

[77] *Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М., 1994. – С. 528.*

[78] *Айбарша, Ислам. Мировоззренческие концепты: лингвокультурологический анализ / Ислам Айбарша. – Алматы, 2008. – С. 76.*

1. В современном казахском языке категория склонения имеет семь падежей. На один больше, чем в русском языке. Но названия некоторых падежей совпадают с русскими, а некоторые отличаются не только по названию, но различаются по значению и по функции. Например, местный падеж выражает место, пространство в широком понимании, где совершается действие. По значению он соответствует русским предлогам *в*, *на*, *у*, выражающим пространственные отношения.

2. Наиболее многогранно и употребительно изъявительное наклонение. В нем представлены грамматические формы глагола, выражающие временные отношения. Формы выражения и способы образования грамматической категории времени разнообразны: настоящее время конкретное, настоящее время переходящее; будущее предположительное время, неопределенное будущее время и настоящее будущее; давно прошедшее время, недавно прошедшее время, обычное прошедшее время и повествовательное прошедшее время.

3. Наличие пространственно-временных предлогов: да/де–«в», үстінде–«на», астында–«под».

4. Строй казахского языка относится к типу «агглютинативных» (или «приклеивающих») языков. Образование новых слов и грамматическое изменение форм слова происходят, главным образом, посредством последовательного присоединения к основе слова, как правило, монофункциональных морфем-аффиксов. Например: 1. Әже – бабушка. 2. Әже + лер – бабушки (+аффикс множественного числа). 3. Әже + лер + ім – мои бабушки (+аффикс принадлежности первого лица единственного числа). 4. Әже + лер + ім + із – наши бабушки (+аффикс принадлежности первого лица множественного числа). 5. Әже + лер + ім + із + де – у наших бабушек (+аффикс местного падежа). 6. Әже + лер + ім + із + де + гі – находящийся у наших бабушек (+аффикс, образующий имя прилагательное). 7. Әже + лер + ім + із + де + гі + лер – находящиеся у наших бабушек (вторично +аффикс множественного числа). 8. Әже + лер + ім + із + де + гі + лер + дікі – то, что имеется у предметов, принадлежащих нашим бабушкам (+аффикс принадлежности).

Все это – основополагающее отличие казахского языка от известных европейских языков, относящихся к индоевропейской семье языков. Данный факт подчеркивает, что для передачи мысли фонетическое письмо казахского языка занимает больше места на пространстве бумаги, что создает линейный, «поэлементный» характер речи и мысли.

Мировоззрение этноса, отражающее специфику пространственно-временных представлений

Выделим несколько основных слоев в казахском мировоззрении, относящихся к пониманию категорий времени и пространства. В работе К. Галанцева подчеркивается:

• На мифологическом, историческом и бытовом уровнях общественного сознания казахи различали, но не разделяли понятие «время» от понятия «пространство». Для казахской традиции было характерно сохранение внутренней целостности мировосприятия, включенности в мироздание, ощущение своей принадлежности к нему. Одним из проявлений этого можно считать доминировавший метод определения единиц пространства в единицах времени (от стоянки одного рода до стоянки другого столько-то дней пути, например: «одна кочевка» – 10 км, «день езды верхом» – 30 км и так далее), а также измерение отрезков времени через достаточно постоянные и наглядные фазы наблюдаемых природных процессов (движение солнечного луча через дымовое отверстие юрты по различным частям ее внутреннего пространства).

• Различение двух типов времени – сакрального, времени первотворения, застывшего и неизменяемого в категории навсегда прошедшего, описанного в соответствующей мифологии; и времени эмпирического, исторического и бытового, линейного, существующего здесь и сейчас, населенного предками и родичами, требующего измерения и учета в повседневной жизни. При этом два типа времени не проникали и не противоречили друг другу, существуя как бы в разных плоскостях, но в схожих по устройству циклах.

• Существование нескольких систем измерения времени одновременно: собственных и заимствованных. К заимствованным системам относятся 12-летний звериный цикл и 60-летний календарь. С календарями этого типа связаны появление хронологии как таковой, фиксация исторических событий, осознание ритма истории. К собственно казахскому относится годовой двухсезонный календарь, основанный на следовавших климатическо-ландшафтных особенностях и ритмах хозяйственной жизни при разделении года на период весны-лета и осени-зимы. Представление о четырех сезонах существовало, но было расплывчатым и подчиненным. Год включал в себя 12 лунных месяцев по 30 дней в каждом, древние названия которых восходят к наблюдениям за характерными природными явлениями.

• Существование систем отсчета временных отрезков, основанных на наблюдении за поведением животных, постоянно обитающих в данном ареале. К ним относятся системы отсчета на основании выделения семи периодов сезонной активности тарбагана, а также определение пяти отрезков дневного времени суток на основании его дневной активности. Сюда же относится измерение отрезков времени на основании циклов хозяйственной деятельности, привязанной к биологическим циклам домашнего скота, например, к шестикратному доению кобылиц за сутки.

• Существовали системы отсчета на основании наблюдений за движением солнца на небосводе. При этом необходимо отметить еще и

проявление уже отмеченной связи между измерениями времени и пространства, выражающееся в способах ориентации в степи в дневное (по солнцу и ландшафту) и ночное (по звездам, луне и ландшафту) время.

• Для обозначения небольших фиксированных отрезков времени использовались выражения, основанные на общеизвестных и стандартных хозяйственных процедурах. Например, время установки юрты – около одного часа, время дойки овцы – около 10 минут, время кипения одного котла чая – 8–10 минут, время выкуривания одной трубки – 3–5 минут.

Пространство делилось на свое, освоенное и обитаемое, и чужое, находящееся за пределами своего и потому потенциально враждебное.

Согласно верованиям казахов вертикальная модель мира включает в себя три яруса – *верхний, средний и нижний*. Подобные представления были широко распространены в древности, что нашло отражение и в фольклоре. Во многих сказках герои попадают то в нижний, то в верхний, небесный миры и благополучно возвращаются в мир людей. Таким образом три космических уровня сообщаются между собой. С вертикальной структурой мира были тесно связаны религиозные воззрения, пережитки которых сохранились в обычаях современных тюркских народов.

Юрта воспринималась как центр освоенного, своего пространства. Поэтому юрта несла, прежде всего, сакральные, а уже потом хозяйственные функции. В этом смысле юрта представала одновременно и как центр доброжелательной вселенной, и как модель, образ мироздания, и как священный символ, от обращения с которым зависит благополучие рода и каждого родича. Соответственно, внутренняя структура юрты и поддержание в ней установленного порядка являлись основой всего бытия рода и залогом его существования, а нарушение или несоблюдение таковых воспринималось как реальная угроза, способная нарушить миропорядок, исказить установленную структуру пространства и привести к великим бедам.

В типологии пространства юрта воспринималась как организующий элемент. Очаг, вокруг него юрта, вокруг нее хозяйственная территория, затем ближние и дальние пастбища и пути к ним, затем характерные для местности ориентиры, обозначающие границы обжитого пространства – как бы система концентрических кругов, поясов освоения, казахский космос, противостоящий хаосу, что, кстати, проявляется и в круговом построении кочевий и стоянок.

В организации пространства казахи особое значение придавали симметрии и иерархии пространства. Четко различаются и противостоят друг другу правое и левое, мужское и женское, верх и низ, север и юг. Это относится не только к юрте, где это присутствует в концентрированном виде, но и к пространству как таковому.

Характерным является сходство топонимики и топографии всех стоянок и кочевок, то есть наиболее освоенных частей пространства. Соответственно, все сезонные стойбища из года в год располагались в одних и тех же местах, что еще раз подчеркивает цикличность казахских представлений о времени и пространстве.

Сходная топография порождала сходную топонимику. Поскольку юрта воспринималась как центр мира и точка отсчета, то вокруг лежащие ключевые для ориентации элементы ландшафта обозначались в соответствии с тем же методом, отсюда обилие южных (передних) и северных (задних) гор, западных и восточных ущелий и так далее. При наименовании следующих опорных точек ландшафта использовалась градация по цвету (Красная гора, Желтый источник), по выделяющим признакам (Хвост-гора, Три горы), по сходству зрительных образов, по памятным событиям, что близко к топонимической практике других народов.

Для обозначения освоенного пространства использовались специальные маркирующие сооружения. Такие сооружения назывались «обо» и представляли собой кучи камней, устанавливавшиеся в честь родовых и местных духов на приметных точках ландшафта. «Обо» выполняли собой одновременно и функции некоего подобия святилища, и приносимой жертвы. В установленные дни в этих местах совершались особые жертвенные ритуалы.

Таким образом, в мировоззрении казахов мы видим как свои особенные, так и общие для многих этносов способы ориентации во времени и пространстве, осмысления этих категорий, служивших в том числе и основами для формирования этики и морали. Главной же характерной особенностью средневековых казахских представлений о времени и пространстве является наличие живой и одновременно архаичной традиции и практики.

Традиции и праздники, отражающие специфику пространственно-временных представлений

Одним из самых крупных праздников народов Казахстана считался Наурыз (Новый год), празднуемый в день весеннего равноденствия, 22 марта. «Истоки и ритуалы Наурыза, в том числе следы почитания природы, восходят к зороастрийскому Новому году, стереть и уничтожить которые ислам так и не смог на протяжении веков. По поверьям, в этот день народ избавлялся от зимних тягот, радовался за благополучную сохранность богатства – скота. К Наурызу каждая семья заранее готовила ритуальное блюдо (наурыздык), состоящее из семи традиционных продуктов: чумизы, пшеницы, риса, ячменя, проса, мяса и курта. Люди ходят из аула в аул, кушают это кушанье, поют песню «наурыз»,

обнимаются, поздравляют друг друга с Новым годом, желают хорошего приплода в новом году и достатка в доме. Отведав их, казахи надеялись питаться ими в течение всего года. Празднование Наурыза продолжалось три дня, и все аульчане поздравляли друг друга, желая счастья и благополучия. Как правило, Наурыз начинался айтысом между девушкой и джигитом, олицетворявшими символичную борьбу зимы и весны, и заканчивался народными играми, состязаниями, в которых активное участие принимали взрослые и молодежь, дети и женщины.

С празднованием весны связан другой общественный праздник, пользовавшийся особой популярностью в кочевом быте народа, – день перекочевки рода или целого аула с зимовок на летовки ранней весной и поздней осенью, когда возвращались к прежней зимней стоянке обратно. Эту процессию возглавляла самая красивая девушка, которой вручалось знамя. За ней следовали остальные люди, вереница вьючного скота с имуществом и юртами. На новой стоянке устраивали пиршество до самой поздней ночи, сменяя одни игры другими.

Два других праздника связаны уже с исламским ритуалом, и их проведение регламентируется Кораном. Одним из них является ураза-айт или «праздник разговения», отмечаемый первого и второго числа месяца шавваль в честь завершения поста месяца рамадан. Согласно канонам Корана, каждый правоверный мусульманин должен ежегодно в течение месяца поститься, что рассматривается как одна из важнейших обязанностей правоверного. В течение дня запрещается пить, есть, воскуривать благовония, придаваться развлечениям и даже полоскать рот водой. Дневное время должно быть посвящено работе, молитвам, чтению Корана и благочестивым размышлениям, После захода солнца и до его восхода разрешается пить и есть. В первый день месяца шавваль жизнь входит в нормальное русло и по этому поводу устраивается праздник. Обряд праздника заключается в специальной общей молитве, за которой следует праздничная трапеза и раздача милостыни беднякам. Казахи в этот праздник садятся на коня и объезжают с приветствиями родственников и знакомых, а также проводят национальные увеселительные мероприятия.

Главным мусульманским праздником является курбан-айт, или «праздник жертвоприношения», приходящийся на 71-й день после рази-айт, то есть на десятое число месяца зу-аль-хиджа. Праздник длится три-четыре дня. Обряд праздника имеет четкую историческую основу. Согласно приданию, одному из первопредков народов Северной Аравии Ибрахиму однажды во сне явился Аллах, повелевая ему, дабы испытать его веру, тайно подняться в горы и принести в жертву Аллаху своего сына Исмаила. Однако, когда тот поднялся в горы и готов был убить мальчика, Аллах, убедившись в его преданности, послал в качестве искупительной жертвы ягненка. С тех пор в день этого праздника

во всем мусульманском мире в жертву приносятся овцы и ягнята. Мясо отдается бедным и частично используется для праздничной трапезы семьи. Обязательным ритуалом праздника является общая молитва в храме, предшествующая жертвоприношению. В день праздника в каждом доме готовится трапеза, все поздравляют друг друга, обязательно организуется такое традиционное состязание, как кокпар.

Праздник первого кумыса. Для скотоводов-кочевников, которыми, без сомнения, являются казахи, кумыс является одним из основных продуктов потребления. Он восстанавливал им силы после самой голодной зимы и весны, его пили все – от мала до велика. Особенно казахи ценят первый кумыс, полученный сразу после начала дойки кобылиц. Он густой и очень вкусный. Праздник дойки кобылиц и изготовления первого в этом году кумыса падает на пятый или шестой месяц – это зависело от природных условий. В год обильной и сочной травы лошади быстро набирали силу и вес, и доение кобылиц иногда начиналось раньше. Каждый год великий хан по совету шамана «разливал молоко по земле и по воздуху». Этим священным действием он надеялся умилостивить духов, охранявших его самого и весь народ»[79].

4. Особенности пространственно-временной модели мира нивхов

География проживания этноса, отражающая специфику пространственно-временных представлений

Представители нивхской этнической группы исконно проживают на территории острова Сахалин, его северной части (п. Восток Ногликского района). Географическое положение острова Сахалин описано выше. Пространственные представления островитян носят закрытый, замкнутый характер: удаленность от материка и столицы России. Море и остров выступают как ограничивающий элемент ландшафта.

Язык этноса, отражающий специфику пространственно-временных представлений

Официальный статус нивхского языка – язык коренного малочисленного народа РФ. Нивхский язык – язык младописьменный. На со-

---

[79] *Народы и религии мира : энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков; ред. : О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 277.*

временное положение нивхского языка оказало большое влияние насильственное переселение нивхов из старых маленьких прибрежных деревень в более крупные в начале 1950-х гг. В этих крупных поселках нивхи составляют меньшинство среди местного населения (0,4 % – в Поронайске, 4,6 % – в Ногликах и 0,4 % – в Охе в 1989 г.). Такая демографическая ситуация отразилась и на языковой ситуации. Нивхский язык признавали родным 99,5 % нивхов в 1926 г., 77,1 % – в 1959 г. и только 22,2 % – в 1989 г. При этом знает язык в основном старшее поколение. В настоящее время все нивхи, говорящие на нивхском, являются билингвами, свободно говорящими также на русском, поскольку проживают среди русского населения.

Нивхский язык является младописьменным языком, основан на кириллической графической системе письма. Существует унифицированная орфографическая система, основанная на фонематическом принципе. В 1932 г. была создана письменность для амурского диалекта на основе латинской графики. Так, за 1932–1937 гг. были изданы нивхский букварь, учебники для начальной школы, в 1935 г. в г. Николаевске-на-Амуре на данной графике было издано 11 номеров «Нивхской правды», но вскоре латинская графика была признана неудобной, и в 1953 г. она была переведена на русскую основу. В 1979 г. для восточно-сахалинского диалекта была разработана письменность на основе русской графики. Нивхский язык можно отнести к недостаточно развитым литературным языкам. Норма в нем не сформировалась.

В исследовании И. В. Трутневой «Влияние билингвизма на формирование образа мира коренных народов Сахалина» (2004) отмечено, что «…нивхская письменность обращена к визуальному образу и способствует формированию правополушарной доминантности, образному восприятию. Доминирование правого полушария определяет склонность к творчеству, конкретно-образный характер познавательных процессов, дивергентное (нацеленное на выработку возможно большего числа вариантов решения проблемы) мышление. Правое полушарие мозга специализировано на оперировании образами реальных предметов, *отвечает за ориентацию в пространстве и легко воспринимает пространственные отношения*. Считается, что оно ответственно за синтетическую, симультанную (одновременную) деятельность мозга. Его функционирование обусловливает наглядно-образное мышление, которое связано с целостным представлением ситуаций и тех изменений в них, которые человек хочет получить в результате своей деятельности. Правое полушарие регулирует подсознательные процессы, аналоговую переработку информации, непроизвольный контроль поведения. Оно *производит непрерывные топологические, пространственные преобразования информации, оценку симметрии,*

структурированности, сложности объекта. Оно имеет дело не с фигурой, а с фоном, не с центром внимания, а с периферией. Таким образом, правое полушарие обеспечивает не концентрацию, а распределение внимания. Оно является хранителем непрерывной картины мира, непроизвольной эмоциональной памяти, обеспечивает интуитивное, чувственное, образное мышление, *имеет дело с актуальным временем, действиями «здесь и сейчас»*. Правое полушарие – орган человеческого бессознательного, орган подражания. Оно все воспринимает всерьез, это – полушарие обиды и депрессии»[80].

Мировоззрение этноса, отражающее специфику пространственно-временных представлений

В отношении анализа время-пространства нивхской мифологии представляет особый для нас интерес работа А. Г. Филимонова «Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы» (2002). В нивхских мифах и сказках указывается на специфическое вертикальное строение мира, который состоит из частей – мира реального, действительного, где обитают живые существа, Млых-во – мир мертвых и небеса Тло, где обитают небесные люди или духи. По своей природе мир живых существ неоднороден, несмотря на его материальность, в нем наряду с людьми, животными, рыбами, птицами обитают духи, которые часто принимают облик живых существ или пребывают в нем долгое время. Отчасти этим объясняется появление многих нивхских родов от тех или иных живых существ – тигра, собаки, лисицы, медведя, нерпы и т. д. Обиталища духов представляют собой затерянные миры и вселенные. Так А. Г. Филимонов, анализируя традиционные представления нивхов о пространстве, выявляет разницу между горизонтальным и вертикальным измерениями. «Вертикальное измерение отличается простотой и ясностью: верхний – небесный мир, средний – земной мир и нижний – подземные миры.

Средний мир был наиболее представительным и, наверное, более значимым для нивхов, так как именно с ним связаны священные акты первотворения вселенной и человека, начало летописания легендарной истории его рода.

Верхний мир – небо; по мифологическим и религиозным воззрениям нивхов, верхний мир похож на землю, но несколько отличается от нее.

---

[80] Трутнева, И. В. Влияние билингвизма на формирование образа мира коренных народов Сахалина (на материале нивхов : дис. … канд. психол. наук / И. В. Трутнева. – Хабаровск, 2004. – С. 141.

Прежде всего, небо было многоэтажным. Нивхи конца XIX – начала XX в. утверждали, что верхний мир насчитывает девять (по другим версиям семь) уровней. О девятом и восьмом небесных этажах им практически ничего не было известно. На седьмом небе жили божества и богоравные духи, на шестом – духи – хозяева звезд, на пятом – безгрешные предки, за свою благодеятельную жизнь вознесенные на небо, на четвертом – заботливые старушки, воспитывавшие девочек, предназначенных в жены земным нивхам, на третьем небе обитала супружеская чета хозяев грома и молнии. По словам знаменитой исполнительницы древненивхских *настундов (настуров)* Хыткук, земной мир – это «небо простое», что может косвенно свидетельствовать о существовании у нивхов первоначальных представлений о двучленной модели строения вселенной. Космические явления, несомненно, имели важное значение в культовой, магической, шаманской и повседневной хозяйственно-бытовой деятельности всех нивхских родов. По фазам луны и положению солнца на небосводе (восходящее, полуденное, заходящее) определялись сроки проведения ритуалов, жертвоприношений, праздников, начало таежных и водных промыслов, отправление в дальнюю дорогу, врачевательные процедуры, камлания шаманов, погодные условия и многое другое.

Нижний мир (по-нивхски – *млыво, млых*) воспринимался в основном как место обитания мертвых. Вход в нижний мир находился на западе, в стороне заката солнца. Жизнь в селении мертвых ничем не отличалась от земной, только солнце светило там тогда, когда на земле была ночь, а луна – когда день. Да и времена года были противоположны: когда на земле было лето, то там, соответственно, зима. Население загробного мира проживало так же, как и живые люди: селились родовыми общинами, промышляли рыбу, морских и таежных животных, женились при условии, если оставшийся на земле супруг вступал в новый брак, рожали детей, болели и умирали.

Горизонтальное измерение нивхского пространства, напротив, опирается на совокупность независимых друг от друга векторных направлений – пространства живых существ и обиталища духов различных стихий: огня, леса, воды, воздуха»[81]. В работе Е. В. Фадеевой говорится о том, что, согласно мифологическим представлениям нивхов, горизонтальное измерение делилось на три сферы: водную, горно-таежную и центр – ту территорию, на которой обитал человек и род

---

[81] Филимонов, А. Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Филимонов. – Хабаровск, 2002. – С. 14.

людской. «Морской, речной, озерный миры, олицетворявшие вселенскую водную стихию и прародительское лоно всего живого на земле. Культ воды включал разнообразные ритуалы моления или кормления водным божествам и духам (у нивхов весною и осенью, перед началом лова в открытом водоеме и перед подледным промыслом). Некоторые известные нам мифологические сюжеты повествуют о том, как водные божества-хозяева поучали людей рачительно хозяйствовать, бережно относиться к запасам рыбы. За нарушение установленных ими «законов природопользования» следовало суровое, но, по народному мнению, справедливое наказание. Мир горно-таежных духов у нивхов представлен божеством и духом-хозяевом: Палызом (Палызнгом). Как полагали нивхи, хозяин тайги и медведю разрешал открыть охотнику свое уязвимое место для его меткого удара, так как после совершения ритуалов медвежьего праздника вновь воскресший медведь обязательно возвратится с богатыми подарками к своим лесным сородичам. Однако эти направления не случайны, они жестко определяются рельефом и особенностями окружающей местности. В результате возникает несколько сложных систем координат, встроенных друг в друга. Подобное восприятие пространства позволяет максимально эффективно упорядочивать окружающую местность и находить нужные места в процессе повседневной деятельности. В то же время неоднородность горизонтального пространства делает возможным появление представлений о различных затерянных мирах и вселенных в пределах этого пространства»[82]. Таким образом, эти системы координат одновременно дают нивху возможность хорошо ориентироваться в пространстве и способствуют мифологизации этого пространства.

Во временной системе координат нивхов нет ярко выраженного движения, отраженного в смене дат или дней недели, но есть вечно длящееся *ных* (сегодня), которое «отражает» ближайшее прошлое и будущее, всегда являясь центральной точкой отсчета. В значительной степени нивхи переносят на время представления о пространстве. Но, в отличие от европейцев, у них не образуется при этом идеи времени как равномерной, однородной линейной протяженности, поскольку само пространство нивхов неоднородно, многомерно и инвариантно. В более широком масштабе счет времени возможен по фазам луны или

---

[82] Фадеева, Е. В. Мифы, предания и сказки о животных материковых нивхов и нивхов Сахалина (постановка вопроса) / Е. В. Фадеева ; ред. Д. В. Лихарев ; РАН ДВО, Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ. – Владивосток : Дальнаука, 1996. – С. 44.

по циклам. В конечном итоге можно прийти к выводу, что время в традиционных представлениях нивхов есть не просто отражение или выражение природных либо социальных ритмов, оно само является этими ритмами. Время сплетает их воедино, переносит качества природы на культуру и наоборот, и, следовательно, образ времени в традиционных представлениях нивхов является мифом. Поэтому природа и социум, миф и реальность в данной системе восприятия будут тождественны по своей природе, что свидетельствует о целостности, синкретичности мышления нивхского этноса.

Таким образом, в модели мироустройства нивхов можно говорить о трехчленном как вертикальном, так и горизонтальном ее строении. По вертикали: верхний – небесный, средний – земной и нижний – подземные миры. По горизонтали средний, земной, мир разделялся на три области: водную, горно-таежную и человеческую – центральную. По-видимому, этой модели предшествовала бинарная космография, в основе которой лежало противопоставление центра – мира людей и иного – по ту сторону лежащего мира нелюдей, нежити. Все потусторонние миры – это своего рода зеркальные отражения образа жизни реального человека, его духовной и материальной исторической эволюции.

Традиции и праздники, отражающие специфику пространственно-временных представлений

С религиозными воззрениями нивхов связаны два больших народных праздника – «кормление воды» и медвежий, связанный с убоем выращенного в клетке медведя. По своим верованиям нивхи были анимистами: они одушевляли живую и неживую природу, населяли мир добрыми и злыми духами. К категории живых существ относили также небесные светила, горы, воду и т. д. Из анимистических представлений возник культ «хозяев природы», тесно связанный с промысловой обрядностью. Тайга, горы, а в особенности реки, море, озера – вода как источник жизни – во многом определяли обрядовую практику нивхов. Одно из центральных мест в ней занимал праздник освобождения воды ото льда, посвящение духам воды специальной пищи и утвари. Только после «кормления воды» нивхи приступали к промыслу рыбы и морского зверя. Иначе «хозяин воды» мог не послать рыбы.

«В системе связей нивхов с внешним миром медведь играл одну из важнейших ролей. Как тотемное животное, он возглавлял иерархию родственных связей, ассоциируясь с далекими предками рода. Как подданный «пал-ызна» (духа – хозяина тайги), который, в свою очередь, подчинен курну (курн же, по Л. Я. Штернбергу, – персонификация вселенной, всего видимого мира), медведь является связующим звеном

между коллективом и окружающим миром, управляемым божествами. Наконец, надо иметь в виду, что, по крайней мере, часть духов природы, покровителей нивхов, осмысливались как умершие, ушедшие в мир природы предки. Поэтому между медведями и нивхами всегда должно существовать взаимное уважение. Кроме всего прочего, медведь часто ассоциировался с пал-ызном; считалось, что хозяин тайги иногда показывается людям, приняв вид медведя»[83].

Таким образом, медведь как объект религиозного поклонения оказывается на пересечении пространственной и временной координат духовного бытия и мифоистории нивхов. Он – главное реально действующее лицо как в культе предков, так и в промысловом культе, тесно связанном с культом природы в целом.

«Медвежий праздник сопровождался спортивными соревнованиями, играми, игрой на музыкальных инструментах. Главная идея праздника – почитание природы и ее обитателей. В настоящее время предпринимаются попытки возродить медвежий праздник как основу национального художественного творчества»[84].

Итак, пространство и время принадлежат к числу категорий, разработка которых имеет большое значение для развития науки, искусства, практики, человеческой культуры в целом. От того, как человек воспринимает, осмысливает пространственно-временные аспекты окружающего мира, как он относится к пространству и времени, во многом зависит эффективность и целенаправленность его деятельности. Мировоззренческое осознание пространственно-временного фактора в жизнедеятельности общества позволяет глубже проанализировать структуру и динамику общественного сознания. Пространство и время как универсалии культуры репрезентируют всеобщее и особенное в пространственно-временных представлениях культуры в процессе ее исторического развития.

---

[83] *Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. – Хабаровск, 1933. – С. 49, 320.*

[84] *Таксами, Ч. М. Медвежий праздник в системе традиционных верований нивхов: Экологический аспект / Ч. М. Таксами, М. М. Прокофьев, В. Д. Косарев // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах : этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. – Вып. VII. – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 65–78.*

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Психология представлений

Объектом данного исследования являются образы и представления как психологическое явление. Представления – одна из ключевых проблем психологии, поскольку показывают своеобразие перехода от ощущения к многообразным функциям памяти, мышления. Этой проблемой занимались В. А. Ганзен, А. А. Гостев, В. В. Петухов и др.

В психологической науке проблема образа принадлежит к числу фундаментальных. Изучение формирования образа окружающей действительности в сознании человека, его функций в поведении и деятельности, его мозговых механизмов имеет исключительно большое значение для развития как общей теории психологии, так и теоретических позиций специальных психологических дисциплин. Разработка этой проблемы не менее важна и для решения прикладных задач, которые ставятся перед психологией общественной практикой, особенно когда речь идет о психологическом обеспечении процессов обучения человека, проектировании его деятельности, согласовании технических устройств (в первую очередь систем передачи информации) с характеристиками и возможностями человека. Поскольку психическое отражение формируется и развивается в процессе жизнедеятельности субъекта, «обслуживая» его как целостность, оно не может не быть субъективным. Эта субъективность по-разному проявляется в различных связях человека с миром и на разных уровнях психического отражения. Общим основанием разнообразных проявлений субъективности является то, что отражение человеком окружающего мира осуществляется с той специфической, обусловленной особенностями его жизнедеятельности (индивидуально-неповторимой) позиции, которую он в этом мире занимает. Образ, регулирующий сознательную целенаправленную деятельность человека, включает, так или иначе, все *три уровня психического отражения*[85]. Многочисленные теоретические и

---

[85] *Забродин, Ю. М. Образ в системе психической регуляции деятельности / Ю. М. Забродин. – М. : Наука, 1986. – С. 170.*

экспериментальные исследования познавательных процессов позволяют выделить три основных уровня психического отражения: сенсорно-перцептивный, представлений, вербально-логический.

Первый уровень – сенсорно-перцептивный – в системе образного отражения является базовым. Формируясь на самых начальных ступенях психического развития индивида, он не теряет своего значения в течение всей его жизни. Конечно, при переходах от одних возрастных ступеней к другим он изменяется, обогащается и трансформируется. Ощущение и восприятие как исходные формы образного отражения возникают при непосредственном воздействии предметов и явлений объективной действительности на органы чувств. Именно в этих формах осуществляется превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Основная характеристика сенсорно-перцептивного отражения в том и состоит, что оно возникает в условиях непосредственного воздействия предметов и их свойств на органы чувств человека и развертывается в реальном масштабе времени. Человек воспринимает предмет в том месте, в котором тот находится, и в тот момент, когда тот действует на органы чувств. Формирующийся сенсорно-перцептивный образ выступает как «навязанный нашему уму извне». В этом проявляется «непосредственность действительности» сенсорного отражения, на котором основано доверие к показаниям органов чувств.

Чтобы у человека сформировался такой образ, который обеспечил бы ему возможность эффективно действовать в различных ситуациях, находить в каждом конкретном случае адекватное решение, недостаточно только чувственных данных, т. е. сенсорно-перцептивной информации. Необходимо раскрыть значение этих данных, выявить существенное, общее, закономерное. Иначе говоря, с точки зрения требований деятельности образ становится только тогда, когда его «чувственная ткань» (термин А. Н. Леонтьева) органически объединяется со значением, т. е. когда чувственное и рациональное образует единый сплав. Образ, отражающий только то, что в данный момент непосредственно воздействует на органы чувств, не мог бы обеспечить целенаправленности действий; в этом случае окружающая среда полностью управляла бы поведением субъекта (такой случай можно представить только теоретически). Субъективность образа включает момент пристрастности, зависимости образа от потребностей, мотивов, целей, установок, эмоций человека и т. д. Образ формируется на базе опыта, который накопил человек, в той или иной мере ассимилируя этот опыт, что особенно отчетливо выражается в случаях, когда речь идет об образах, связанных с жизненно значимой для человека деятельностью. Поэтому для изучения образа методы кратковременных проб (тестов) недостаточны. Они должны дополняться данными,

которые позволяли бы судить о том, как в изучаемом образе проявляется опыт человека, сложившаяся у него система установок, субъективных отношений, мотивов и целей.

Второй уровень отражения – это уровень представлений. Представление как ощущение и восприятие – феномен образного отражения. Но если ощущение и восприятие какого-либо предмета или его свойства возникают только при его непосредственном воздействии на орган чувств, то представление возникает без такого непосредственного воздействия. В этом смысле оно является вторичным образом предмета. Существенной особенностью представления является его панорамность, дающая субъекту возможность как бы выхода за пределы наличной (актуальной) ситуации (М. В. Гамезо, С. М. Василейский, В. Ф. Рубахин, Е. Н. Сурков и др.). При переходе от восприятия к представлению происходит преобразование сукцессивного перцептивного процесса в симультанный образ. То, что человек воспринимал последовательно, трансформируется в одновременную целостную умственную картину. В частности, как показал Н. Ф. Шемякин, при формировании топографических представлений «карта-путь» трансформируется в «карту-обозрение»[86]. Благодаря многоуровневости образа отражаемый в нем предмет (объект) презентируется человеку в многообразии своих свойств и отношений. Это, в свою очередь, обеспечивает возможность в ходе деятельности использовать то одно, то другое, то третье и т. д. свойство предмета или его отношение к другим предметам; возможность таких переходов – важнейшее условие творческих решений. Так, в исследовании А. А. Обознова (1978) выявлены два уровня содержания психического образа, регулирующего предметное действие: 1) актуально значимое и 2) потенциально значимое. Им присуща разная степень осознанности, и они играют разную роль в регуляции конкретных действий. Это исследование показало также, что только от актуально значимого содержания зависит способ выполнения действия и его смысл. Наиболее полно осознается, конечно, актуальная часть предметного содержания образа. В процессе созерцания, а точнее, целенаправленного наблюдения, развивается и обогащается образ, осуществляющий регуляцию деятельности. При формировании такого образа накапливается и как бы запасается впрок информация о предмете деятельности, средствах, способах и условиях ее выполнения. Эта информация может длительное время не использоваться, но в какой-то момент (например, в сложной ситуации) она окажется край-

[86] *Шемякин, Н. Ф. О психологии пространственных представлений / Н. Ф. Шемякин // Ученные записки ГНИИ психологии. – 1940. – Т. 1. – С. 197–236.*

не необходимой. Одно из важнейших качеств личности мастера – это профессиональная наблюдательность, позволяющая ему непрестанно накапливать впрок информацию о предмете его деятельности.

Третий уровень когнитивных процессов – это вербально-логическое мышление, речемыслительный процесс. В отличие от первых двух, относящихся к образному отражению, чувственному познанию, этот уровень – уровень понятийного отражения, рационального познания. Решая ту или иную задачу на этом уровне, субъект оперирует понятиями и логическими приемами, сложившимися в историческом развитии человечества, в которых зафиксирована общественно-историческая практика. На уровне понятийного мышления как бы разрываются ограниченные рамки индивидуального опыта, а точнее: в индивидуальный опыт включается огромный багаж знаний, выработанных человечеством.

Все сказанное позволяет заключить, что образ, регулирующий деятельность, имеет сложное строение. Он многомерен и включает ряд уровней. В процессе его формирования так или иначе синтезируются сенсорные данные разных (практически всех) модальностей. Однако ведущая роль среди них обычно принадлежит визуальной, так как именно зрение дает симультанную пространственную дифференцированную картину окружающего. По мнению Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна, образное отражение действительности человеком носит по преимуществу зрительный характер. Особая роль зрительной системы в процессах чувственного отражения определяется тем, что она выступает как интегратор и преобразователь сигналов всех модальностей. Как отмечал Б. Г. Ананьев, «универсальность ее по интеграции и переинтеграции любых по модальности сигналов поразительна»[87]. Зрительный образ вещи как бы вбирает, синтезирует, организует вокруг себя данные остальных органов чувств. Экспериментально это подтверждено В. Е. Бушуровой (1980). Визуальный характер образа имеет большое значение в процессе регуляции действий человека-оператора. Успешность принятия решения во многом зависит от способности человека «визуализировать проблемную ситуацию», наглядно представлять ее и оперировать наглядными образами. Многообразие характеристик этого образа, выявленное в исследованиях О. А. Конопкина (1980), Д. А. Ошанина (1973), позволяет рассматривать его как системный феномен, включающий ряд взаимосвязанных и весьма динамичных компонентов.

Представления как психический феномен, несмотря на всю свою важность, – до сих пор наименее изученная область психологического

---

[87] *Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. – Т. 1 / Б. Г. Ананьев. – М. : Педагогика, 1980. – С. 184.*

знания, притом, что психологи-практики постоянно работают именно с этим феноменом. Представления возникают на ранних этапах онтогенеза и поначалу не являются произвольными, они в большей степени ассоциативны, например, сновидения, которые неуправляемы. Существуют эти представления в форме психических образов, тактильных, слуховых, зрительных и т. д. Стадии их формирования на ранних этапах онтогенеза пока еще скрыты от психологического изучения. О наличии этих стадий исследователи могут судить по физиологическим и нейрофизиологическим проявлениям, а также при фиксации моторных компонентов зрения.

При исследовании психического отражения уровень представлений выделяется как самостоятельный, имеющий богатое разнообразие форм, вторичных по сравнению с непосредственными ощущениями. Представления памяти – наглядный образ предмета, воспроизведенный по памяти в воображении с максимальной полнотой отображения конкретных признаков. Они различаются по ведущему анализатору (зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные), по их содержанию (математические, технические, музыкальные). Различия в яркости, устойчивости и точности представлений памяти очень индивидуальны. Процесс формирования психических образов занимает центральное место среди основных функций человеческой личности. Без способности к формированию психических образов были бы невозможны самоосознание, речь, письмо, запоминание, сны, искусство, культура – все то главное, что присуще только человеку. Глубинная психология развилась из стремления к пониманию процесса создания образов (то есть снов, ассоциаций, памяти и фантазий) и той роли, которую этот процесс играет в формировании личности и развитии психопатологии.

Несмотря на растущее внимание к проблеме представлений самых разных областей психологии и смежных наук, приходится констатировать, что существует отставание в изучении вторичных образов по сравнению с первичными образами. Исследование представлений затруднено в теоретическом плане, поскольку среди ученых нет единого понимания представления, его внутренней психологической природы, оно рассматривается с различных точек зрения: как процесс, как продукт, как уровень психического отражения (уровень представлений) и как модель (представление о мире, представление знаний или репрезентация). Богатство существующих дефиниций представления отражает многоаспектность этой проблемы и в то же время не охватывает ее полностью. Отсутствие как общей концепции образа, так и концепции представления обусловливает терминологические проблемы и определяет влияние теоретической позиции исследователя на разработку проблемы представления.

Необходимо отметить, что методические трудности в изучении представлений вызваны отсутствием непосредственно действующего объекта, с которым может быть соотнесено содержание представления, делая представление трудно поддающейся фиксированию «летучей» структурой. Поэтому используемые в методической литературе и применяемые на практике методы обучения не всегда способствуют становлению представлений у учащихся. В современной отечественной психологии на сегодняшний день нет единого подхода, определяющего модель, структуру и условия формирования представлений (В. А. Ганзен, А. А. Гостев, В. В. Петухов).

Анализ проблемы построения субъектом образа реального мира (представления), в рамках которой предпринято настоящее исследование, требует обращения к категории «психическое или чувственное отражение». Чувственное отражение – это важный компонент процесса адаптации организма к окружающей среде. Как отмечает В. П. Зинченко, «…чувственное отражение – это психическая деятельность, субъективный познавательный процесс (так и результат этого процесса), направленный на образование адекватного объекту образа, где объект познания выступает в чувственной форме, т. е. в форме ощущений, восприятий, представлений»[88].

Представление – это первая ступень в познании, в которой впервые достаточно полно отражается это единство противоположностей, которое имеет место в любом представлении, на каждом этапе его формирования. Но это единство не одинаково в различных представлениях, поскольку конкретное и обобщенное по-разному соотносится в них.

В отечественной психологии уделялось много внимания изучению ощущений, восприятий и представлений как ступеней или этапов в процессе познания. Познание начинается как чувственное познание, ощущением и восприятием, но оно не может завершиться на этой ступени и ограничиться ей. Познание требует перехода к абстракции. Начинаясь в чувственных образах, познание, как считает С. Л. Рубинштейн, добавляет к тому, что накоплено в ощущениях и восприятиях, то, что включено в ходе познания, т. е. познание – это комплекс чувственных и нечувственных абстрактных элементов, слитых в единое целое[89].

---

[88] *Зинченко, П. И. Непроизвольное запоминание / П. И. Зинченко. – М. : изд-во АПН РСФСР, 1961. – С. 562.*

[89] *Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М. : изд-во АН СССР, 1957.*

Представление выступает посредником между чувственным и абстрактно-логическим мышлением. Колоссальные массы ощущений ассоциируются по самым разным признакам, синтезируются в актах восприятия, закрепляются в виде следовых явлений, особенно в форме представлений, и входят обобщенными группами в состав мыслительных актов. Это подтверждается исследованиями Б. Г. Ананьева (1968), Л. С. Выготского (1996), В. П. Зинченко (1964), А. Н. Леонтьева (1979), Б. Ф. Ломова (1976), И. М. Сеченова (1957) и др. Своеобразие представлений заключается в том, что, с одной стороны, они взаимосвязаны с ощущением и восприятием, а с другой стороны – с мышлением. В. П. Зинченко показал в своих исследованиях, что представления связывают в одно целое всю познавательную деятельность, создавая возможность для взаимопроникновения ее отдельных процессов.

Представления динамичны и претерпевают значительные изменения в процессе сохранения, тогда как содержание понятия строго фиксировано и сохраняется в памяти как содержание термина. Представление фиксируется в слове и в слове же выражается. Слово, фиксирующее представление, изменяется с динамикой представления. Обобщение представлений связано с вербализацией. Представление всегда называется словом, осознается.

При исследовании психического отражения уровень представлений выделяется как самостоятельный, имеющий богатое разнообразие форм, вторичных по сравнению с непосредственными ощущениями. Представления – одна из ключевых проблем психологии, поскольку они показывают своеобразие перехода от ощущения к многообразным функциям памяти, мышления и т. д.

Следует подчеркнуть, что на *первом уровне* сигнальных систем возникает способность к ощущению и ассоциативным представлениям, однако способность к восприятию, то есть способность к предметной соотнесенности, возникает позже как способность называния тех или иных предметов или явлений, окружающих человека. Понятие «восприятие» рассматривается в психологии с обязательной предметной соотнесенностью того или иного воспринимаемого явления, а также с называнием того, что воспринимается. В силу этого возникновение способности к восприятию есть показатель возникновения нового, второго уровня сигнальных систем. Этот уровень сигнальных систем отличается большей произвольностью представлений, способностью формировать, оперировать и корректировать разнообразные образы, соотносить их с предметами и значениями для себя и других.

Уровень ощущений свойствен простейшим животным, однако уровень восприятия возникает уже на более высокой степени организации. Об этом пишет А. А. Гостев. Он считает, что «вторичные образы в силу своей генетической преемственности не могут иметь ничего общего с

восприятием»[90]. В доказательство автор этого тезиса приводит данные целого ряда исследований.

Возможно, что столь категоричное суждение связано с подчеркиванием разделения этих процессов, которое не замечалось или не изучалось столь пристально ранее. На наш взгляд, здесь необходимо отметить, что новорожденный «более субъективен». У него преобладают внутренние ощущения своего самочувствия. Они объективно существуют, их порождают объективные причины – отсутствие пищи, неудобная поза, холод или избыток тепла и т. д. Эти причины и создают определенные приятные или неприятные ощущения, которые субъективны и которые пока – до развития зрительных и слуховых дифференциаций – преобладают. Именно в силу этого мы заключаем, что ребенок на данном этапе развития – существо более субъективное. Картина мира у него только начинает формироваться. Сложность, как в терминологии, так и в процедурах экспериментальных исследований, состоит в том, что продуктом ощущений, как и восприятий, становятся образы, однако особенности оперирования ими различны, в зависимости от того, на каком уровне сигнальных систем они возникают. Первичные сигналы воздействуют на наши органы чувств, идя от объективной реальности. Второсигнальные раздражители идут к каждому из нас от других людей в процессе общения.

Так или иначе просматривается лишь один критерий деления сигналов на первую и вторую сигнальные системы по происхождению и по функции – искусственное обозначение предметов и явлений, связанное с возникновением внутривидового общения, которое у человечества закрепилось в виде искусственных визуальных и слуховых сигналов. Знание этих обозначений возникает в результате внутривидового общения, а материализация этих сигналов позволяет передавать их из поколения в поколение, что и породило человеческую цивилизацию. Однако для того чтобы второй уровень сигнальной системы возник, необходимо, чтобы субъект имел возможность вызвать образный эталон не по непроизвольной ассоциации, а на основании знака или слова. Таким образом, первый уровень сигнальных систем возникает в процессе непосредственного общения субъекта с окружением. Здесь ведущим является ощущение и восприятие первого порядка, относящееся лишь к эмоциональным переживаниям.

Второй уровень сигнальных систем возникает в результате усвоения ряда условных обозначений. Усложнение психической деятельно-

---

[90] *Гостев, А. А. Образная сфера личности / А. А. Гостев. – М., 1992. – С. 19–20.*

сти осуществляется поэтапно, по мере обогащения «образного и вербального хранилища». Это обогащение на каком-то этапе и приводит к скачку в развитии, связанному с возможностью произвольно вызывать образы, оперировать ими, обобщать, создавать знаки и символы.

На втором уровне сигнальных систем существует не только речь, но и «образ», а также «знак» и «образные языки», что тесно связано со «словом», «фразой» и речевыми языками. Это обобщенная схема уровней психического отражения. На втором уровне отражения возникают образы, вторичные по отношению к первому уровню сигнальных систем, «мысленные образы», по А. А. Гостеву, образы, имеющие преимущественно внутренний информационный источник, составляющий подавляющую часть множества образных явлений. Мысленный образ в самом широком своем понимании может быть определен как образ предметов и явлений внешней реальности, переживаемый как единица содержания сознания в отсутствие соответствующей актуальной стимуляции. В этом смысле он является вторичным образом[91].

Исследования трансформации зрительных образов – мысленное вращение, сравнение, конструирование и др. – показали, что характер осуществляемых во внутреннем плане операций аналогичен физическим операциям во внешнем пространстве. Это послужило основой для вывода об изоморфных отношениях между актуально воспринимаемым и представляемым. Далее А. А. Гостев рассматривает полифункциональность образной сферы человека, считая, что конкретное проявление полифункциональности заключается в нескольких следующих проявлениях.

Функция образов – это приобретение, хранение и редуцирование информации. В случае излишней конкретности образы могут мешать процессам обобщения. Роль образов в процессе фиксации опыта зависит от личностных особенностей, например, осознания себя творцом или жертвой обстоятельств. Эта макрофункция имеет и частные проявления: образы выполняют функцию межмодального посредника в процессе фиксации опыта, переводя, например, осязательный образ в зрительный и т. д. Образы являются эффективным носителем символической репрезентации, реализуя функцию символизации, играя роль посредника в общении человека со своим внутренним миром (сновидений, фантазий, мечтаний и т. п.), позволяя внутренне реализовывать многие импульсы, которые невозможно воплотить в реальности. Образы имеют специальную психологическую утилитарность в смысле но-

---

[91] *Гостев, А. А. Образная сфера личности / А. А. Гостев. – М., 1992. – С. 15.*

сителя эффектных воспоминаний. В знаковой функции образы могут успешно выступать в качестве «опоры» для вычислений в «уме»; образы выполняют и эмоционально-экспрессивную функцию, сохраняя аффективный опыт, организуя эмоциональные реакции для адаптации.

Прогнозирующая (антиципирующая) функция образов состоит в их участии в планировании деятельности. Опыт фиксируется в виде образов для будущего использования, обеспечивая целесообразную отсрочку непосредственных реакций на основе предвидения. Мысленное представление результата деятельности – существенный признак человеческого способа субъектно-объектного взаимодействия. Особенности мысленного отражения, «растягивая» или «сжимая» время, создают новый уровень возможностей.

Функция селекции нужной информации, где образы, выступающие в роли эталонов, структурируют хаос стимулов. Здесь важную роль играет степень адекватности образов, выступающих в роли «призмы», «фильтрующего эталона», поскольку они могут и помогать, и мешать контакту с реальностью. Функция образов в роли эталонов подразумевает контроль и коррекцию текущих действий, процесса решения задач и поведения в целом. Процесс селекции связывает текущее восприятие с работой «всей временной оси», поэтому здесь особенно важны научение, адаптация и компенсации.

Ссылаясь на работы В. Ф. Рубахина, А. А. Гостев отмечает, что можно различить два вида образных эталонов: первичные, обеспечивающие отражение индивидуальных черт объектов, и вторичные, различающиеся степенью обобщенности в зависимости от класса объектов. При осуществлении прогнозирующей функции, как, впрочем, и всех других, важную роль играют «оперативные образы», отражающие динамику объектов и играющие важную роль в оперативном мышлении.

Функция образов как регулятора действий и состояний раскрывается в нескольких аспектах:

• самопознание (через понимание субъектом своих образов), включающее самопринятие и самоконтроль;

• регулирование состояния человека релаксацией (особенно с эффектами биологической обратной связи, тренировкой концентрации, развитием воли);

• поддержание и восстановление здоровья, достижение хорошего самочувствия и др.[92].

---

[92] *Гостев, А. А. Образная сфера личности / А. А. Гостев. – М., 1992. – С. 24–27.*

Таким образом, подструктура «образ» второго уровня сигнальных систем представляет собой сложнейшую систему, выполняющую жизненно важные функции в жизни человека. Но выполнение этих функций существенно зависит от особенностей включения этой подструктуры в целостную структуру сигнальных систем. Образы организуются в иерархию, вершина которой представляет собой обобщенные образы, которые становятся знаками, формирующимися в «образные языки». Образные языки, в свою очередь, имеют различные степени обобщений, свою типологию. Каждый из этих языков имеет свою специфику и существенно отличается один от другого, например, «язык жеста», «язык танца», «язык музыки», «язык живописи» и т. д. С появлением «слова», которое замещает тот или иной образ, стало возможным отражать сложные отношения между явлениями, что составляет одну из основных сторон мышления, интеллекта. Однако эта возможность связана с конструированием «слова» в «фразы», а затем образования сложных речевых языков, прошедших значительную эволюцию от тех, которыми пользовались люди первоначально, до современных речевых языков. Причем этот путь связан с обобщением образов «пиктограмм» до знаков-символов, составляющих тот или иной алфавит.

Образная и речевая системы тесно связаны между собой, при этом они обладают и определенной самостоятельностью, автономностью развития. Следует подчеркнуть, что автономность существует не только в своеобразии развития тех или иных языков, она присуща каждому конкретному человеку. Если первый уровень сигнальных систем во многом определяется индивидуальными особенностями организма, то второй уровень сигнальных систем существенно определяется эволюцией культуры, степенью приобщения человека к цивилизованным формам общения, передачи информации.

Второй уровень сигнальных систем, таким образом, распадается как бы на две относительно самостоятельные, но тесно взаимосвязанные ветви – образную и вербальную. Продуктами этого взаимодействия могут быть не только «языки», но и другие образования, которые мы относим к третьему уровню сигнальных систем.

Возникновение *третьего уровня* сигнальных систем представляет собой чрезвычайно резкий скачок в развитии психики. Третий уровень связан с возникновением метафоры. Метафорическая подструктура сигнальных систем формируется из образных метафор, вербальных метафор и метафорического языка. Эта структура выделена в самостоятельную, представленную как третья, в связи с тем, что метафора существует в реальности. Исследуется метафора главным образом лингвистами и искусствоведами, а встречается в речи или изображениях далеко не у каждого человека. К метафорической системе необходимо приобщаться так же, как к тому или иному языку.

Метафору все чаще стали рассматривать как ключ к пониманию основ мышления и процессов создания видения мира, его универсального образа: человек не столько открывает сходство, сколько создает его. Акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов: появления новых значений и их нюансов, развития эмоционально-экспрессивной лексики. Без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» – внутренней жизни человека. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом[93].

В отличие от логической операции «аналогия», метафора вызывает образные представления, что позволяет определить ее как «образную аналогию». Прорывая границы несовместимости, допущение «как если бы» снимает логические ограничения (психологические барьеры), запускает работу воображения и позволяет ему легко и свободно оперировать с образами, синтезируя новые смыслы и создавая новые смыслообразы. Тем самым в метафоре как бы потенциально заложена сила, разрушающая грани невозможного, способная приблизить далекое и возвысить обыденное, рассказать о нем новым, необычным способом[94].

Многим людям, понимающим человеческую речь, метафора не всегда доступна. Однако она является необходимой для творческого мышления. На наш взгляд, известный в психологии феномен, называемый «инсайтом», является не чем иным, как нахождением нужной метафоры. Специфика любого творческого процесса может быть описана как метафорическое мышление. Вероятно, в основе такого типа мышления лежит комплекс пространственных образов, где образ и слово нерасчленимы: например, «ночь, улица, фонарь, аптека» А. А. Блока. Кроме того, в основе такого мышления может лежать и установление дальних ассоциативных связей, например, осень – старость или есенинская «осень – рыжая кобыла».

В памяти человека закрепляются различные культурные эталоны, существующие в виде образов, знаков и символов, а также систем знаков или образных языков, например, нотная грамота, географические обозначения, математические знаки и т. п. В структуре сигнальных систем, представленной выше, они выделены в отдельную подструктуру, поскольку не являются речевыми. Они имеют речевые аналоги,

---

[93] *Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. – В кн. : Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 5–32.*

[94] *Николаенко, Н. Н. Слово и образ: левое и правое полушария мозга // Независимый психиатрический журнал / Н. Н. Николаенко. – М., 1996. – Т. II. – С. 14–18.*

так как теснейшим образом связаны с речью. Однако человек не всегда в состоянии найти речевые аналоги образа, и наоборот, в силу параллельности развития образной и вербальной сферы, их относительной самостоятельности, а иногда даже изолированности в процессе развития к некоторым речевым оборотам трудно подобрать тот или иной образ. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что от трех до десяти процентов людей не в состоянии найти образ для слова или словосочетания и наоборот. Метафора как объект исследования интересует ученых с глубокой древности. Тайна метафоры привлекала к себе мыслителей от Аристотеля до Руссо, Гегеля и Кассирера. О метафоре написано множество работ. Она интересовала не только ученых, но и самих творцов метафорического языка – поэтов, писателей, художников, кинематографистов.

За несколько последних десятилетий интерес к изучению метафоры чрезвычайно возрос среди представителей таких наук, как философия, лингвистика, искусствоведение. В психологии, в частности отечественной, пока еще не наступил этап значительного интереса к этой чрезвычайно важной проблеме. Есть интерес к метафоре или его нет, она существует как реальность. В свое время Локк обратил внимание на тот факт, что понимание многоярусной научной теории, особенно новой, иногда наталкивается на трудности, вызванные, с одной стороны, частичной концептуальной неясностью, а с другой – отсутствием адекватных средств для выражения новых понятий. Этот кризис на первых порах может частично приглушиться за счет метафорического употребления прежних терминов (Энциклопедия «Мудрость тысячелетий», с. 7–8).

«Вещь в себе»... совершенно недостижима... и для творца языка... совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать, – писал Ф. В. Ницше. – Она обозначает только отношения вещей к людям, и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами. Возбуждение нерва становится изображением! – первая метафора. Изображение становится звуком! – вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно другую и чуждую область... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям»[95].

Метафорическая структура надстраивается над образной и вербальной сферами, создавая новые возможности человека – способность к научному, техническому и художественному творчеству. Этот струк-

---

[95] *Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 11–12.*

турный уровень сигнальных систем обеспечивает творческий процесс, и возникает он несколько позже предшествующих ему уровней, которые тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга в конкретном акте деятельности.

С этим тезисом согласны многие исследователи, не являющиеся представителями психологической науки. Так, английский историк Г. Д. Ллойд писал, что метафора и аналогия являются самыми плодотворными источниками предположений, гипотез[96].

Автор известной книги «Мысль. Слово. Метафора» К. К. Жюль считает, что «появление метафор в поле языкового сознания – свидетельство определенной филогенетической и онтогенетической зрелости», связывая их с появлением басен, загадок, пословиц и т. п. Это знаменует, по его мнению, возникновение нового типа языкового сознания, не боящегося оперировать метафорами[97].

В процессе фило- и онтогенеза возникает не только вербальная, но и образная метафора. В изобразительном искусстве созданы удивительные метафорические образы, без которых уже немыслимо наше представление об искусстве. Творчество людей создает все новые и новые метафорические формы, рождающие новые смыслы и смысловые оттенки, нюансы.

Одним из важных видов метафор считают «научные метафоры», связанные с понятием «модели»; они играют исключительно важную роль в конструировании научных текстов. Модели трактуются как миниатюрные языковые системы для обсуждения тех данных, которые поддаются моделированию.

Интерес к метафоре связан также и с проблемами соотношения образного и логического, мышления и языка[98]. Один из магистральных путей переноса понятий из одной сферы в другую – от конкретного к абстрактному, от материального к духовному. В этом постоянном переносе проявляется не только гибкость человеческого разума – такой перенос необходим для постижения действительности.

Таким образом, в метафоре усматривают способ интуитивного постижения, механизма инсайта, того самого озарения, которое приходит в процессе решения задачи. В филогенезе метафорическая сфера воз-

---

[96] *Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 27.*

[97] *Жюль, К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жюль. – Киев, 1984. – С. 58.*

[98] *Pachalska M. Reintegrating of identity in patients with severe traumatic brain injury. – Acta Neuropsychologica, 2003. – V. 1. – № 2. – P. 144–158.*

никает с появлением пословиц, поговорок, загадок, а затем возникновения сложнейшего метафорического языка, лежащего в основе всеобщей человеческой культуры – мифологии, вдохновляющей поэтов, писателей и художников и по сей день.

2.2. Системный подход

Принципиальная методологическая позиция, сложившаяся в отечественной психологии, может быть сформулирована так: вся совокупность психических явлений представляет собой систему различных форм и уровней субъективного отражения человеком объективной действительности. Отражательная природа психики – ее наиболее общая и существенная характеристика[99].

Для решения задач психологического анализа рисунка и текста наиболее адекватен системный подход. Понятие «система» – главное понятие системного подхода и общей теории систем. По данным ряда исследователей, сущность системного подхода состоит в том, что системой может являться любой объект, обладающий теми или иными свойствами. Кроме понятия «система» употребляют следующие: «структура», «элементы», «иерархия», «многозначность», «системное качество» и т. д. Проблемой системного подхода занимались такие ученые, как Д. И. Дубровский, Ю. М. Забродин, В. Г. Кузьмин, В. Ф. Рубахин, Ю. И. Фейгин и др.

Системный подход предполагает рассмотрение целого через систему элементов, объединяющихся в ту или иную структуру в зависимости от цели, которая является системообразующим фактором. Сформированная структура обладает иерархическим строением, а также многомерными и многоуровневыми связями. Системный подход опирается на онтологические предпосылки структурного характера, то есть неявно предполагает некоторую «картину мира». Эта картина мира основана на взаимодействии трех категорий – вещь, свойство, отношение. Практическая деятельность ориентирует нас на восприятие мира как системы, состоящей из отдельных, пространственно отграниченных вещей. Системный подход исполняет роль промежуточного звена между общими диалектическими законами познания и методами и приемами научного исследования, используемыми в конкретных науках. На этом основании многие ученые пра-

[99] *Забродин, Ю. М. Образ в системе психической регуляции деятельности / Ю. М. Забродин. – М. : Наука, 1986. – С. 170.*

вомерно связывают методологию системного подхода с уровнем общенаучной методологии, а понятия и категории системного подхода относят не к философским, а к общенаучным понятиям. В. П. Кузьмин считает, что научные исследования XX в. привели к переходу от «предметоцентризма» к «системоцентризму». Системовидение предполагает выделение из картины мира систем разной степени сложности, изучение их элементов и системообразующих факторов. Наука XX в. в значительной степени преумножила знания о мире, человеке и его деятельности[100].

В психологических исследованиях системный подход предполагает выделение структуры и ее элементов, особенностей функционирования системы и ее развития. Системный подход в психологических исследованиях предполагает выявление структуры, а также особенностей функционирования и генезиса изучаемого явления. При анализе рисунка и текста важно определить структуру одного из ведущих феноменов психологии – сознания. Проблема сознания настолько многоаспектна, что, как считает Д. И. Дубровский, взятая в целом она может быть представлена лишь в результате чрезвычайно широкого междисциплинарного синтеза. Искомый понятийный аппарат должен носить общенаучный характер[101]. Нельзя не согласиться с автором, но важно отметить, что его слова относятся к конечному результату изучения сознания. Однако обстоятельства таковы, что сознание, являясь чрезвычайно важной категорией для психологической науки, которая была центральной даже для ранних этапов развития психологии, еще не получила достаточного уровня развития, причем именно в психологическом аспекте и применительно к изучению механизмов адаптации и развития личности.

Каждое направление в психологии по-своему рассматривает структуру сознания. В каждой психологической системе сознание характеризуется с разных сторон – по содержанию, строению и степени действенности или активности. Как правило, какая-либо одна характеристика выступает в качестве ведущей. В изучении психического отражения существуют две тесно взаимосвязанные тенденции. Первая состоит в изучении особенностей отражения физического мира, физического пространства и времени. Вторая – в изучении «внутренних условий отражения», феномена субъективного.

---

[100] Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – 2-е изд. – М., 1980. – С. 220.

[101] Дубровский, Д. И. Проблема идеального / Д. И. Дубровский. – М., 1983. – С. 74.

Исследования по проблеме сознания были направлены на определение его природы, сущности, общих свойств, причем, начиная с Аристотеля и заканчивая В. М. Бехтеревым, сознание рассматривалось как особая врожденная способность смотреть внутрь, наблюдая за своими ощущениями, восприятиями, желаниями и мыслями. С. Л. Рубинштейн же отмечал, что сознание первичное не есть смотрение вовнутрь, наоборот, сознание вовсе не способно смотреть без посредства ощущений и восприятий и при этом оно смотрит посредством них не внутрь, а на внешний мир, на его предметное бытие, порождающее ощущения и восприятия[102]. По мнению Е. В. Шороховой, в таком сложном явлении, как сознание, нельзя ничего понять, «если его рассматривать как акт индивидуальной психической деятельности. Процесс осознания – есть процесс раскрытия значения, смысла предметов и явлений, объективных связей их с другими предметами и явлениями... Психологический анализ сознания заключается в изучении процессов возникновения сознания, изменении форм его проявления, происхождения из практики и реализации в практической деятельности»[103].

Б. Г. Ананьев рассматривал человека, прежде всего, как личность, индивидуальность, раскрывая единство и взаимосвязь общественного и индивидуального сознания[104]. В работах В. Ф. Петренко (1983, 1998, 1997) и др. содержится понятие «семантическое пространство», которое имеет операциональное значение. Автор высказывает мысль о том, что независимым или даже ведущим «центром организации» ментальных пространств является сфера межличностных отношений. Формирующиеся на ранних этапах онтогенеза субъективные пространственные представления становятся прототипом организации знаний в других областях субъективной семантики. По мнению В. Ф. Петренко, в психолингвистических исследованиях, в которых семантические поля выступали методической парадигмой семантических связей, произошел переход от плоскостных, одномерных моделей, формирующих центр и периферию семантического поля, к многомерным моделям семантической организации – семантическим пространствам[105]. Анализ

---

[102] Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М. : изд-во АН СССР, 1957. – С. 328.

[103] Шорохова, Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании / Е. В. Шорохова. – М., 1969. – С. 46, 50–51.

[104] Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л. : изд-во ЛГУ, 1968. – С. 336.

[105] Петренко, В. Ф. Исследование стереотипов обыденного сознания методами психосемантики / В. Ф. Петренко, Л. Д. Сурманидзе // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 6. – С. 50–61.

литературных данных позволил выдвинуть гипотезу о трехпространственной структуре сознания, которая затем была описана в работах, выполненных совместно с В. Ф. Рубахиным и Ю. М. Забродиным, а также в ряде последующих работ. Этой гипотезе предшествовали работы В. Ф. Рубахина по проблемам приема и переработки информации человеком в различных видах его деятельности, а также описанные совместно с Ю. И. Фейгиным представления о «слойно-ступенчатой природе решения перцептивно-опознавательных задач». В соответствии с этой гипотезой процесс решения сенсорно-перцептивных задач включает в себя следующие процедуры:

а) послойный анализ, своего рода «препарирование» структуры изображений, следование от слоев с крупноразмерными элементами к слоям с более мелкоразмерными элементами;

б) ступенчато-этапную обработку информации в пределах слоя с функционированием аналитико-синтетических процедур в несколько тактов, циклично;

в) формирование на выходе слоев промежуточных образов с последующей их интеграцией в итоговый;

г) экстраполяцию этих образов к эталонным различного информационного содержания и определения эталона, изоморфного текущему образу.

Гипотеза послужила основанием для создания так называемой «слойно-ступенчатой» модели приема и переработки информации человеком, которая структурно была представлена несколькими основными слоями, условно разделенными на две основные группы: сенсорно-перцептивные или «реальные» слои, связанные с непосредственным восприятием стимула данного уровня разрешения, слои представлений, связанные с использованием лишь потенциалов восприятия за пределами возможностей разрешения воспринимаемого стимула[106]. Применительно к первичным слоям данной модели наиболее детальная разработка выполнена в работах Ю. М. Забродина. Она связана с концепцией «*сенсорного пространства*», рассматриваемого как результат отражения внешних воздействий. Сенсорное пространство обладает специальными свойствами, выделенными в процессе анализа психофизической феноменологии. Оно определяется как множество всевозможных психических образов, являющихся адекватным отражением внешних воздействий. Наиболее важным свойством сенсорного пространства является то, что оно обладает гибкостью и динамичностью топологии и метрики. В серии

---

[106] *Рубахин, В. М. Психологические основы обработки первичной информации / В. М. Рубахин. – Л., 1974. – С. 63.*

работ была осуществлена попытка построения структуры общих понятий, признаков и связей, определяющих процессы принятия решения в рамках сенсорно-перцептивного уровня отражения, а также функциональной структуры принятия решений на данном уровне.

Процессы принятия решения рассматриваются как важная надстройка над сенсорно-перцептивным материалом, который является результатом прошлого или настоящего психического отражения внешних сигналов. Переменные, включенные в экспериментальную ситуацию, делятся на две группы:

а) влияющие на процесс отражения и формирование психического образа;

б) влияющие на процессы принятия решения внесенсорные переменные.

Сенсорная информация, являясь основанием для последующего принятия решения об ответных действиях, в сенсорном пространстве строится путем сложного взаимодействия трех потоков информации, к которым относятся:

• информация, поступающая непосредственно на воспринимающие (сенсорные) системы человека;

• инструкции, условия задачи, обратные связи и т. п.;

• прошлый опыт субъекта, связанный с функционированием памяти и других психических процессов.

Только один из них – первый – является в традиционном понимании потоком внешней информации, который, поступая в сенсорное пространство и преобразуясь в нем, представляет собой так называемую «истинную» сенсорную информацию. В процессе преобразований сенсорная информация может видоизменяться и терять свое первоначальное соответствие свойствам внешних сигналов. Это указывает на то, что сенсорное пространство обладает особыми характеристиками, которые могут отличаться от первичных и хорошо знакомых характеристик физического пространства. Таким образом, с 1960-х гг. применительно к психологической реальности в публикациях стала появляться категория «пространство», например, пространство субъективное, сенсорное, семантическое и т. д. Это говорит о том, что фундаментальные категории философии стали содержательно оформляться и в психологической науке, что само по себе является весьма прогрессивным. Наличие таких категорий и позволяет сформировать предельно обобщенные модели, составленные из различных взаимосвязанных элементов.

Категорию «сознание» наиболее адекватно описывают три основных, взаимосвязанных между собой пространства: *«сенсорное», «семантическое» и «семиотическое»*. Каждое из пространств представляет собой многоалфавитную систему, отличаясь друг от друга определенной специфичностью и имея определенные зоны пересечения. Соединение

всех трех пространственных образований осуществляется в так называемом «фокусе сознания», то есть в зоне перекрытия всех трех пространств. Эту зону можно назвать «зоной наиболее ясного осознания»[107]. Данная модель согласуется с представлениями А. Н. Леонтьева о структуре сознания, который также рассматривает его три основные составляющие: «чувственную ткань сознания», «значение» и «смысл»[108].

О функционировании этой модели можно сказать следующее. Человек воспринимает что-либо, называет то, что им воспринято, и придает всему этому смысл лишь в том случае, если воспринимаемый объект активизировал определенным образом участки всех трех пространств. Иными словами, для того чтобы быть осознанно воспринятым, объект должен войти в «фокус сознания». Соответственно осознается в полной мере лишь то, что идентифицируется одновременно или последовательно в чувственной ткани сознания (сенсорном пространстве), на-

Рис. 1. *Фокус сознания (Ю. М. Забродин)*

---

[107] Забродин, Ю. М. Образ в системе психической регуляции деятельности / Ю. М. Забродин. – М. : Наука, 1986. – С. 72.

[108] Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестник Московского ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–13.

ходит свое значение в семиотическом пространстве и достигает определенного соответствия в пространстве семантическом (см. рис. 1).

Итак, явления, проникающие в фокус сознания, воспринимаются более отчетливо и осознанно, находя свое обозначение и включаясь в тот или иной смысл. Зона отчетливого сознания – «фокус сознания» – может флуктуировать в зависимости от состояния человека, особенностей его индивидуальности, уровня психического развития, состояния сознания и значимости внешнего стимула. Об этом говорил и И. Ф. Гербарт.

Каждое из пространств имеет специфическую структуру. Как уже было сказано выше, это сложнейшие многоалфавитные системы. Рассмотрим структуру каждого из них. Структура сенсорного пространства представляет собой многоалфавитную систему, состоящую из специфических мозговых структур. Это корковые отделы анализаторных систем, то есть имеется материальный субстрат, который определяет «чувственный состав конкретных образов реальности», актуально воспринимаемой или всплывающей из памяти. Эти образы относятся к прошлому или воображаемому будущему. Они различаются по модальности, чувственному тону, степени ясности и устойчивости. Физические параметры ощущений связаны с состоянием сенсорного пространства и особенностями его функционирования. Обозначение и значимость ощущений зависит от связи с другими пространствами. Так, уровень ощущений, прежде всего, связан с сенсорным пространством, а восприятие осуществляется при активации зон перекрытия сенсорного и семиотического пространств. Сенсорное пространство может иметь иерархическую структуру. Принцип устройства этой иерархии связан с развитием анализаторных систем – от более древних к более поздним, например, от тактильного к зрительному.

Структура *семиотического пространства* представлена многоалфавитной иерархической системой, в основании которой – разнообразие знаковых систем – от простейших знаков-детекторов до речевых знаков – слов и понятий. Семиотическое пространство представляет собой то, что человек усваивает в процессе приобщения к культурному наследию человечества, представленному в виде знаков и их значений. Это математические, химические, географические знаки, знаки дорожного движения, речевые знаки и т. д., которые чувственно представлены в сенсорном пространстве, а семиотическое пространство наделяет их значением, определяемым в процессе культурно-исторического опыта людей. В работе М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломова и В. Ф. Рубахина представлена классификация искусственных визуальных знаков, дополняющих систему естественного языка, которая состоит из четырех основных классов:

1) знаки-признаки или так называемые иконические знаки;

2) условные знаки;

3) проекционные знаки;

4) знаки буквенно-цифрового типа, комбинаторные по своей сути, конструктивные.

Каждая конкретная знаковая система обычно включает знаки различных классов, среди которых одни являются ведущими, определяющими и придающими специфические черты процессу решения задач в системе этих знаков. Речевые знаки – это вершина иерархии семиотического пространства, состоящая из пяти понятийных слоев[109]. Первый слой представляет собой единичные понятия, второй слой – частные, третий – особенные, четвертый – общие, пятый – всеобщие. Таким образом, вершину пирамиды речевых знаков образуют всеобщие или философские категории, которые являются предельно обобщенными и в связи с этим их немного. Это «материя» и «движение», «сущность» и «явления», «необходимое» и «случайное» и т. д. Понятия представляют собой форму значения, в котором выделены существенные признаки, упорядоченные в иерархическую структуру. Значение считается важной единицей сознания, являющейся, по мнению Л. С. Выготского, связующим узлом общения и обобщения.

Под значением обычно понимают совокупность признаков, служащих для классификации и упорядочивания объектов и явлений действительности. Системы знаков и значений создаются в общественном сознании как средство закрепления, формирования и хранения, а также передачи общественного опыта. Индивидуальное сознание в процессе жизнедеятельности, а точнее, человек, обладающий им, овладевает теми или иными системами, хотя и далеко не всеми, накопленными человечеством. В концепции А. Н. Леонтьева подчеркивается двойственная природа значения. С одной стороны, значение выступает как единица общественного сознания, интериоризуемая субъектом в процессе жизнедеятельности, а с другой – как образующая индивидуального сознания. Эти образующие индивидуального сознания как бы надстраиваются над значением, по выражению А. Н. Леонтьева, становятся «значением значений» и обозначаются им личностным смыслом, неразрывно связанным с мотивами личности, общей направленностью, целями существования[110]. Таким образом, слой пр*едставлений как бы расщепляется надвое*, образуя два относительно автономных пространства – семиотическое (со знаками и значениями) и семантическое (смысловое), о котором речь пойдет ниже.

---

[109] Гамезо, М. В. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем / М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин // Психологические проблемы переработки знаковой информации. – М., 1976. – С. 93.

[110] Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – С. 304.

Структура *семантического пространства* имеет многоалфавитные системы, объединенные в три основные подструктуры: нормативные, ситуативные и личностные смыслы – «значения значений». Деление системы семантик на три группы было выполнено в работе Д. Н. Завалишиной, Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина (1974). По мнению авторов, «человек отражает мир сразу во многих алфавитах»[111]. При этом взаимодействие алфавитов, доминирование какого-либо из них обусловлено имеющимися у человека системами семантик. Принято считать, что основу многоалфавитности составляют три системы семантик, которыми располагает человек и которые находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. Каждая из этих семантик обусловливает избирательный характер отражения мира, то есть анализ в определенных алфавитах.

Первая система семантик обозначена как ситуативная, т. е. значение отдельных элементов ситуации обусловлено целью, требованием деятельности и средствами, которыми располагает ситуация. *Вторая система семантик* связана с общепринятыми «общечеловеческими» значениями, нормами. Это социальные нормы, требования различных видов профессиональной деятельности, а также алфавиты, связанные с различными психофизиологическими характеристиками и ограничениями чувствительности человека. Это нормативная система семантик. *Третья система семантик* – индивидуальная, характеризующаяся избирательностью отражения, личной значимостью, связанная с личностными особенностями, способностями, интересами, специфическим профессиональным опытом, доминированием определенных алфавитов, а также индивидуальным опытом в решении задач. Это личностная система семантик. Семантическое пространство заключает в себе мотивационно-потребностную сферу, порождающую субъективное, эмоциональное отношение к миру. Наиболее значительное исследование, посвященное проблеме семантического пространства, выполнено В. Ф. Петренко в работе «Психосемантика сознания». В. Ф. Петренко осуществил значительный объем работы, связанный с реконструкцией категориальной системы сознания. Он наполнил значительным содержанием и экспериментальными данными особенности структуры, генезиса и функционирования индивидуальной системы значений, создав в отечественной науке направление экспериментальной психосемантики[112].

---

[111] *Завалишина, Д. Н. Психологические проблемы переработки знаковой информации / Д. Н. Завалишина, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин. – М., 1974. – С. 280.*

[112] *Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М. : изд-во Московского ун-та, 1988. – С. 208.*

В. Ф. Петренко анализирует работы отечественных и зарубежных исследователей относительно категориальных структур сознания как средства рефлексии. В. Ф. Петренко считает, что категории, являясь понятиями метауровня, образуют систему связей и отношений с другими категориями этого уровня и тем самым конкретизируют свое содержание в рамках целостной системы. Наличие системных связей категорий высшего уровня, образующих категориальную матрицу, ее проработанность и рефлексия выступают организующим фактором для установления отношений и взаимосвязей содержательных пластов каждой конкретной категории. При этом если философская категория может представлять собой понятийное образование, разворачивающееся в достаточно стройную систему взаимосвязанных суждений и представлений, которую формируют философы, то категории обыденного, житейского сознания представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения, а в качестве их носителя могут выступать образы, символы, поэтические метафоры. И тем не менее при всем различии грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями-значениями обыденного, житейского сознания достаточно условна, тем более что обыденные представления, развиваясь, обрастая системными связями и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм.

2.3. Семантические методы исследования образно-смысловой сферы

Задачей психосемантического направления (от греческого «semantikos» – обозначающий) является изучение генезиса, строения и функционирования индивидуальной системы значений, опосредствующей процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решений и т. д. Она исследует формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, символические действия, а также знаковые вербальные формы), анализирует влияние мотивационных и эмоциональных состояний субъекта[113].

Истоки зарождения психосемантики появились в недрах средневековой культуры. Пристальный интерес к «знаку», замещающему объект, привел к возникновению теории значения, для которой основным стало

---

[113] *Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – С. 494.*

соотнесение «знака» и «объекта». Этот интерес привел к бурному развитию современной психолингвистики и лингвистической семантики. Если объектом рассмотрения этих направлений являются средства, с помощью которых средства кодируются в языке, то психологические исследования семантики сосредоточены на вопросах, каким образом человек понимает смысл различной информации, как он категоризирует свои знания о мире и отношения к нему, как формируются его речевые высказывания[114].

Психосемантика предпринимает попытку создания технологии построения модели промежуточной переменной как системы значений, закрепленной в знаках. Большая часть человеческого опыта приобретена путем усвоения словесных моделей, обозначающих нечто в реальности, но реальностью не являющихся (своего рода вторичные понятия), тогда и образ мира будет являться моделью социального опыта, передающегося из поколения в поколение. Психосемантический подход позволяет описать этот приобретенный опыт, выявить групповые, индивидуальные, «имплицитные» смыслы. Человек живет в мире чувственного восприятия, в мире предметов и в мире смоделированных предметов, мире моделей, закрепленных в слове. Но каждое слово многозначно, имеет сеть ассоциативных связей. Психосемантика позволяет изучать взаимосвязь значений и взаимосвязи в системах значений. Психосемантический подход рассматривает эти взаимосвязи значений по положению того или иного слова в пространстве семантической модели. В исследовании мы опирались на концепцию изучения образа мира, основы которой были заложены А. Н. Леонтьевым (1975), а впоследствии плодотворно развитые Е. Ю. Артемьевой (1980), Г. А. Берулава (2001), Б. Ф. Ломовым (1959), В. П. Серкиным (2004), С. Д. Смирновым (1985), Ю. К. Стрелковым (2001), В. П. Яссман, Л. В. Яссман (2004).

Психосемантический метод в современной психологии приобретает все большую популярность среди исследователей. Психосемантика позволяет исследовать внутренний мир, проникнуть в систему значений. Психология психосемантики и субъективной семантики, по мнению В. П. Серкина, предполагает «исследование и реконструкцию структур субъективного опыта (систем значений и смыслов), на основе которого строится образ мира личности»[115]. По мнению А. Г. Шмелева, «психосемантические методы дают вполне алгоритмизированные процедуры, позволяющие проникнуть в индивидуальный внутренний мир испыту-

---

[114] *Когнитивная психология : учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – С. 480.*

[115] *Серкин, В. П. Методы психосемантики / В. П. Серкин. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 204.*

емого и получить в высокой степени индивидуализированную информацию о нем, а также важную структурную и количественную информацию об организации индивидуальной системы значений»[116].

По мнению Е. Ю. Артемьевой, «смысл – это след взаимодействия человека с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним. Именно благодаря смыслу структура субъективного опыта поддается не только изучению, измерению, но и трансформации. Смысл (в концепции структуры субъективного опыта – субъективная семантика) является важнейшим продуктом взаимодействия человека и мира»[117].

Исследование этнических различий методами психосемантики производится на основе изучения многих этносов. Исследование А. Закирова посвящено психосемантическому анализу обыденного сознания в этнопсихологическом аспекте на примере киргизского этноса[118]. Н. Н. Богомолова и Т. Г. Стефаненко исследовали стереотипы типичного американца и русского[119]. Исследование Н. В. Виничук посвящено психосемантическому анализу представлений о счастье китайских и российских студентов[120]. Вопросы самовосприятия русских и представителей других национальностей рассматриваются в работах Л. М. Дробижевой[121], А. Г. Шмелева[122] и др.

Ассоциативный метод анализа семантики является в работах наиболее разработанной техникой исследования семантики. Схема проведения ас-

---

[116] *Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М. : МГУ, 1983. – С. 158.*

[117] *Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : МГУ, 1980. – С. 128.*

[118] *Закиров, А. Психосемантический анализ обыденного сознания в этнопсихологическом аспекте (на материале киргизского этноса) : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. Закиров. – М., 1994. – С. 24.*

[119] *Богомолова, Н. Н. Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко // Вестник Московского ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1991. – № 3. – С. 3–11.*

[120] *Виничук, Н. В. Счастье в контексте образа мира и времени: этнопсихологический аспект / Н. В. Виничук // Известия Российского гос. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – С. 36–41.*

[121] *Дробижева, Л. М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика / Л. М. Дробижева // Советская этнография. – 1991. – № 1. – С. 3–13.*

[122] *Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М. : МГУ, 1983. – С. 158.*

социативного эксперимента довольно проста: испытуемым дается список слов и предлагается ответить первыми приходящими в голову словами. Существуют несколько разновидностей ассоциативного эксперимента: свободный, направленный, цепочечный. Ассоциативное поле у каждого человека свое и по составу наименований, и по силе связей между ними.

Актуализация той или иной связи не случайна и может зависеть даже от ситуации. Ассоциативный эксперимент проводится обычно на большой выборке испытуемых. На основе данных ассоциаций строится таблица частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости (расстояния) пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т. е. степень подобия объектов анализа устанавливается через сходства данных на них ассоциаций. Эта величина фигурирует в работах данных авторов под названиями «коэффициент пересечения», «коэффициент ассоциации», «мера перекрытия»[123]. Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота и удобство в применении. Испытуемые работают со значениями в «режиме употребления», что и позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения. Общественное сознание, как и индивидуальное, гетерогенно, оно содержит наряду с научными понятиями житейские представления, социальные стереотипы, суеверия и предрассудки. Последние также передаются из поколения в поколение и отражают определенные национально-культурные формы общественного сознания. Определенные формы деятельности небольших социальных групп (будь то шофер такси, работник отдела кадров или тренер спортивной команды) порождают свои специфические «фигуры» сознания людей, реализующих эту деятельность. Притом эта система значений может быть задана в системе образов, правил поведения. С другой стороны, в системе значений индивида есть специфические, присущие только ему, индивиду, составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом.

На характере ассоциаций, по мнению А. Е. Супрун, А. М. Клименко, Л. Н. Титовой, сказываются возраст, географические условия, профессия, этническая принадлежность человека. Это значит, что ассоциации отражают как когнитивные, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Исследователями отмечается, что принадлежность к определенному народу, одной культуре делает «центр» ассоциативного поля в це-

---

[123] *Петренко, В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В. Ф. Петренко. – М. : изд-во Московского ун-та, 1983. – С. 177.*

лом достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяемыми в данном языке. А. А. Залевская считает, что ассоциации зависят от культурно-исторических традиций народа.

Приведем некоторые примеры, полученные в результате исследования ассоциаций. На слово-стимул «хлеб» русские дают ассоциацию хлеб – соль, узбеки хлеб – чай, французы хлеб – вино[124]. В диссертационном исследовании Н. В. Виничук (2008), задачей которого стал психосемантический анализ представлений о счастье китайских и российских студентов, было выявлено, что понимание счастья китайскими студентами связано, прежде всего, с интересами общества, а у российских студентов имеет четко выраженную ориентацию на ценности личного благополучия. Основным различием представлений о счастье китайских и российских студентов является его направленность: «коллективистское» китайское счастье («быть в кругу семьи», «гармония в семье», «просто вот так сидеть с друзьями», «когда всем хорошо, и мне хорошо») и «индивидуалистское» («семья», «родители», «чтобы были друзья») – российское. В понимании счастья у русских молодых людей больше условностей и абстракции («просто состояние, когда понимаешь, что «вот оно», и оно не зависит от конкретных событий и обстоятельств», «когда все хорошо»), чем у китайских молодых людей. Это может являться базовой причиной того, что по результатам многих исследований удовлетворенности жизнью Россия сильно уступает Китаю, несмотря на то, что общий уровень качества жизни в России достаточно высокий[125].

В настоящее время в исследовании этнических различий наряду с ассоциативным методом используются другие психосемантические методы, например, *метод семантического дифференциала* (СД) В. Ф. Петренко (1988), А. О. Прохорова (2002), А. Г. Шмелева (2005). Результаты ассоциативного эксперимента послужили основой для конструирования частного семантического дифференциала на стимул пространство и время, так как еще Ч. Э. Осгуд считал семантический дифференциал своеобразной разновидностью ассоциативного эксперимента[126].

---

[124] *Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – М. : Флинта ; Московский психолого-социальный институт, 2003. – С. 232.*

[125] *Виничук, Н. В. Счастье в контексте образа мира и времени: этнопсихологический аспект / Н. В. Виничук // Известия Российского гос. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – С. 36–41.*

[126] *Осгуд, Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Осгуд, Дж. Суси, П. Танненбаум // Семиотика и искусствометрия / сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петров. – М. : Мир, 1972. – С. 278–297.*

Семантический дифференциал (СД) (от греч. semanticos – «обозначающий» и лат. differentia – «разность») – инструмент исследования семантических пространств субъекта. Этот метод разработан в середине 50-х гг. американскими учеными под руководством Ч. Э. Осгуда. Семантический дифференциал служит для качественного и количественного индексирования значений, смыслов с помощью двухполюсных шкал, задаваемых парами антонимичных прилагательных, между которыми расположены семь градаций степени вхождения того или иного слова в данное качество. Широко известный в психологии и социологии, СД мало используется в педагогических исследованиях. На наш взгляд, этот метод является весьма информативным для изучения представлений времени и пространства.

Е. Ю. Артемьева использовала в основном биполярные варианты семантического дифференциала (СД), методы свободных описаний (типа ассоциативного эксперимента) и вербальные модификации проективных методик (типа метода неоконченных предложений)[127]. В литературе отмечалось, что семантический дифференциал обладает рядом преимуществ по сравнению с другими методами, особенно при исследовании этнических различий:

1) возможность получить не только содержательные качественные характеристики, но и количественные характеристики;

2) возможность сравнительных исследований, обеспечивая идентичность факторных структур у представителей различных языковых структур;

3) возможность работы с любым контингентом испытуемых, поскольку для многих респондентов метод семантического дифференциала проще, чем другие методы психосемантики[128].

Полученные в исследовании результаты прошли процедуру факторного анализа. Данный анализ проводился с помощью метода выделения главных компонент с нормализацией Кайзера. Этот вид анализа позволяет структурированно описать итоги объемных методик за счет выделения ограниченной факторной структуры. Цель анализа – выделить факторы различия в представлении категорий «пространство» и «время» у людей разных этнических групп.

Использование методики семантического дифференциала позволяет описать неосознаваемые самими испытуемыми пласты, определяю-

---

[127] *Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : МГУ, 1980. – С. 128.*

[128] *Бороноев, А. О. Этническая психология / А. О. Бороноев, В. Н. Павленко. – СПб. : РИО СПбГУ, 1994. – С. 168.*

щие специфику уникальной культуры, представителями которой они являются. В то же время используемые толкования могут иметь как прямой, так и переносный смысл. В этом отношении на использование семантического дифференциала накладываются ограничения, требующие дополнить его данными других методик, в том числе невербального характера (проективные рисуночные тесты).

Использование рисунков и текста в психологических исследованиях в последние годы стало весьма распространенным. Однако психологический смысл того, чем является рисунок, пока еще недостаточно определен. Часто можно слышать о трудностях валидизации рисунков и анализа текста. На наш взгляд, это устаревшая точка зрения, которая должна изменяться по мере изучения специфических человеческих видов деятельности, какими являются выполнение рисунков и написание текстов. В связи с этим в задачу исследования был включен анализ рисунка как психологического феномена, продукта психической деятельности человека.

К настоящему времени уже нет сомнения в том, что рисунок – это один из важнейших источников знаний о психике человека, с помощью которого можно установить множество качественной и количественной информации, валидизировать их и успешно использовать в практике психодиагностического обследования. Подведем некоторые итоги и попробуем представить основные знания о рисунках и систематизировать их.

Рисунок – изображение, выполненное от руки с помощью графических средств (контурной линии, штриха, пятна или их различных сочетаний), является мощным средством познания действительности. Существуют многочисленные разновидности рисунка, которые различаются по методам рисования, темам, жанрам, назначению, технике и особенностям исполнения. В рисунке зафиксирован процесс отражения человеком окружающего его мира и его внутреннего состояния, содержания фантазий, воображения. Рисунок отражает уровень образного развития и уровень графической культуры, а также служит средством проникновения в сущность явлений, духовное освоение природы, воплощение философских, социальных, политических, этических и эстетических идей. В то же время рисунок есть и эстетическое явление, имеющее длительную историю, которая насчитывает тысячи лет.

Методика *«Пиктограмма»*. Изображение, содержащее выполненное рисунками сообщение, называется *пиктограммой.* Существуют *пиктограммы* и *петроглифы.* Их различие состоит в том, что пиктограммы – это исключительно рисунки, а петроглифы включают в себя также геометрические и другие элементы. К примеру, в рисуночных сообщениях, обнаруженных на севере американского континента, преобладают пиктограммы, а на юге – петроглифы.

У всех пиктограмм есть одна общая особенность: они знакомят нас лишь с одним определенным событием, по большей части бытового характера, иногда разбитым на отдельные моменты, но всегда с легко обнаруживаемой целостностью. Таким образом, можно сказать, что каждый рисунок как бы соответствует одному предложению. Задача пиктограмм заключается в наиболее наглядной передаче целых комплексов значений; вероятно, поэтому разные индивидуумы облекали свое высказывание в различную форму.

Можно выделить пять видов основных назначений, которые выполняли пиктограммы. *Первый вид* – простейшие пиктограммы, выполняющие назначение любовных посланий, которые находили у североамериканских индейцев и сибирских одулов. *Второй вид* известен как охотничьи сообщения, существовавшие почти у всех народов мира даже в доисторический период. *Третий вид* образуют магические и заклинательные формулы, в особенности распространенные у североамериканских индейцев, а также в Индонезии. *Четвертый* – донесения о боевых стычках, набегах, атаках и походах, а также надписи на могилах. *Пятый вид* – пиктограммы политического характера, например, петиции, договоры, сведения о переписи населения, а также различные заявления, предупреждения и т. п.

Анализ пиктографических сообщений показал, что наиболее характерна для них стихотворная форма с присущей ей ритмической устойчивостью, лучше всего отвечающая постоянному значению отдельных рисунков. Некоторые народы особенно любят пользоваться этой формой, поэтому мы иногда говорим о пиктографических стихах или песнях.

«Наибольший интерес, – пишет Ч. Лоукотка, – представляют знаки марийцев (восточная часть европейской России) и саамов (Швеция), жителей юга Европы, а также арабов и бразильских индейцев, в которых наблюдаются первые попытки стилизации изображений. Стилизация заметна также в некоторых наскальных рисунках Южной Европы и Северной Америки, например, в них мы находим стилизованные руки, бычьи головы и т. п.»[129]. Можно считать, что разные виды пиктограмм составляют первую ступень развития письма.

Значительный прогресс, по сравнению с неопределенными неясными пиктограммами, представляет следующая ступень развития письменности, так называемая идеографическая, логически развивающаяся из пиктографической. Поскольку слово и рисунок представляют собой два возможных способа выражения одного и того же объекта, то

---

[129] *Лоукотка, Ч. Развитие письма / Ч. Лоукотка. – М., 1950. – С. 22–23.*

люди уже на раннем этапе стали отождествлять определенные рисунки с определенными словами. Они начинают пользоваться символами, знаками, приобретающими условный характер. При этом мы видим, что очень многие знаки и символы происходят от так называемой кинетической речи. Это чисто графический, наглядный эквивалент определенного жеста, уже вошедшего в обиход. Он внедряется в письмо главным образом там, где кинетическая речь оперирует символическими движениями (часто заимствованными из магии). Например, у нас палец, приложенный к губам, означает «молчи!», а у североамериканских индейцев этот жест означает «дитя», указывая на то, что дитя не умеет говорить. Из этого жеста впоследствии возник знак «дитя», графически изображавшийся двумя параллельными черточками, пересекаемыми вертикальной третьей чертой.

Идеографическое письмо в определенном смысле уже можно назвать символическим – в тех случаях, когда с помощью рисунков хотят закрепить и передать другим известные представления, выраженные словом. Идеограммами широко пользуются современные народы, особенно для магических целей, но чаще всего это – сугубо религиозная символика, доступная лишь посвященным.

В монографии пиктограмма использовалась как метод изучения этнических особенностей образных представлений человека. Широкие возможности пиктограммы как метода, который дает исключительный материал для изучения самых различных проблем психологии, привлекают к ней все большее и большее внимание.

Итак, в современной психологии представления рассматриваются с различных точек зрения: как процесс, как продукт, как уровень психического отражения (уровень представлений) и как модель (представление о мире, представление знаний или репрезентация). Проблемой представлений занимались такие ученые, как М. В. Гамезо (1961), С. М. Василейский (1949), Забродин (1986), В. Ф. Рубахин (1961), Е. Н. Сурков (1961), Н. Ф. Шемякин (1940) и др. Богатство существующих дефиниций представления отражает многоаспектность этой проблемы и в то же время не охватывает ее полностью. С нашей точки зрения, наиболее перспективным является подход, развиваемый Ю. М. Забродиным, который считает, что образ имеет сложное строение, регулирует сознательную целенаправленную деятельность человека, включает три основных уровня психического отражения: сенсорно-перцептивный, представлений, вербально-логический. Мы опираемся также на идею многомерности представлений, которую развивает А. А. Гостев, выделяющий три уровня сигнальных систем. Первый уровень сигнальных систем возникает в процессе непосредственного общения субъекта с окружением, где ведущим является ощущение и

восприятие первого порядка, относящееся лишь к эмоциональным переживаниям. Второй уровень сигнальных систем возникает в результате усвоения ряда условных обозначений. На втором уровне сигнальных систем существует не только речь, но и «образ», а также «знак» и «образные языки», что тесно связано со «словом», «фразой» и речевыми языками. Это обобщенная схема уровней психического отражения. Третий уровень связан с возникновением метафоры. Метафорическая подструктура сигнальных систем формируется из образных метафор, вербальных метафор и метафорического языка. Этот структурный уровень сигнальных систем обеспечивает творческий процесс, и возникает он несколько позже предшествующих ему уровней, которые тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга в конкретном акте деятельности.

ГЛАВА 3

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЗЛИЧНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

3.1. Методология, организация и методы исследования

Методологическим основанием построения исследования выступила мысль А. Н. Леонтьева о том, что «человек строит в своей внутренней жизни не мир, а образ, активно вычерпывая его из объективной реальности. Человек не является регистрирующим прибором, а его внутренний мир – просто проекцией внешнего мира». А. Н. Леонтьевым была актуализирована проблема существования некоторого когнитивного образования – посредника между объективной реальностью и воспринимающим субъектом. Идеи А. Н. Леонтьева стали основанием для предположения, что, выйдя на этого «посредника», мы сможем понять специфику человеческого поведения. Именно здесь кроется тайна человеческой психики в целом[130].

Согласно Б. Ф. Ломову, основными уровнями отражения являются перцептивные процессы, представления, речемыслительные процессы и понятийное мышление. Сенсорно-перцептивное отражение формируется в условиях непосредственного взаимодействия субъекта с объектами и развертывается в реальном масштабе времени в тот момент, когда объект действует на органы чувств. Однако это не моментальная фотография, ибо сенсорно-перцептивный уровень включает момент антиципации и выступает как опережающее отражение.

Представления – это уже обобщенные образы предметов и явлений. Наиболее характерная особенность представления состоит в том, что в нем соединяется наглядность и обобщенность. Как правило, представ-

[130] *Леонтьев, А. Н. Образ мира. Избранные психологические произведения : в 2 т. – Т. II / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – С. 251–261.*

ление о том или другом объекте формируется в процессе его многократного восприятия. Благодаря этому происходит селекция признаков объекта, их интеграция и трансформация: случайные признаки отсеиваются, а фиксируются лишь наиболее характерные, а потому наиболее информативные. В представлении структура образа, поставленного восприятием, меняется – образ схематизируется, приобретая «панорамность», что дает возможность выхода за наличную ситуацию. Уровень понятийного мышления, по мнению Б. Ф. Ломова, – переход к стадии, когда «...как бы разрываются рамки индивидуального опыта, а точнее в индивидуальный опыт включается огромный багаж знаний, накопленных человечеством»[131].

«С такими представлениями трудно не согласиться, – пишет Е. Ю. Артемьева, – если понимать уровни как абстрактно заданные чистые формы, в реальном процессе неразделимо слитые. Если же их рассматривать как реальные фазы реального процесса, то вряд ли можно считать перцептивный уровень, например, уровнем, не использующим общественный опыт: простейшие перцептивные акты регулируются значениями»[132].

Другим основанием для выделения слоев субъективного опыта является спецификация их по форме фиксации следа деятельности. Первый, самый поверхностный слой соответствует первой и второй ступеням генеза – сенсорно-перцептивному и представленческому уровню отражения. Один из модельных конструктов этого слоя – «перцептивный мир» – был предложен Ю. К. Стрелковым[133]. Кроме четырех координат пространства – времени перцептивный мир характеризуется еще значениями и смыслами.

Объем перцептивного мира может меняться: полоса пространственных изменений определяется особенностями органов чувств, на временные растяжения и сжатия оказывают влияние эмоции, а семантические координаты позволяют перцептивному миру выходить за пределы чувственно воспринимаемого. Важно заметить, что «перцептивный мир» – более сложное образование, чем, скажем, образ воспри-

---

[131] *Завалишина, Д. Н. Психологические проблемы переработки знаковой информации / Д. Н. Завалишина, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин. – М., 1974. – С. 73.*

[132] *Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : МГУ, 1980. – С. 128.*

[133] *Артемьева, Е. Ю. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи / Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин // Мышление. Общение. Опыт : межвуз. темат. сб. – Ярославль : изд-во Ярославского ун-та, 1983. – С. 99–108.*

ятия. Наиболее близкий к сенсорному отражению и представлениям, он явно регулируется системой значений и смыслов, т. е. неотделим в функционировании от более глубоких слоев субъективного опыта. Элементы перцептивного мира модально представлены, хотя и могут быть результатом обработки более высокой, чем перцептивная – результатом прохождения этапа отражения в представлениях и речемыслительного этапа. Этот слой соотносится с поверхностными структурами образа мира.

Следующий слой – семантический. Следы взаимодействия с объектами зафиксированы в этом слое в виде многомерных отношений: следы атрибутированы субъективным отношением (хороший – плохой, сильный – слабый и т. д.). Инструментально такие отношения описываются методами экспериментальной психосемантики, поэтому этот слой называется семантическим.

Следы деятельности, зафиксированные в виде отношений, являются результатами всех трех ступеней генеза следа: сенсорно-перцептивного, представленческого, мыслительного, речемыслительного. При сопоставлении со слоями образа мира об этом слое можно говорить как о переходном между поверхностными и ядерными структурами: он не является только поверхностной структурой, потому что уже несет в себе кроме представления о мире некоторую целостную его свертку. Самый глубокий слой, соотносимый с ядерными структурами образа мира и формируемый при участии и самом существенном вкладе понятийного мышления, – слой амодальных структур, образующихся при «обработке» семантического слоя[134].

Концепция психологии образа, созданная А. Н. Леонтьевым (А. Н. Леонтьев, 1983, 1986), послужила методологическим основанием и темой дальнейшего исследовательского поиска. Понятие образа мира, которое ввел А. Н. Леонтьев, стало родовым понятием. На его основе в дальнейшем сложился ряд видовых понятий: образ мира в контексте субъективной семантики (Е. Ю. Артемьева, В. В. Петухов, С. Д. Смирнов, Ю. К. Стрелков); интегральный образ реальности (А. А. Гостев); картина мира (Е. Ю. Артемьева, Р. М. Грановская, Ю. С. Крыжанская, С. Д. Смирнов); перцептивный мир (Е. Ю. Артемьева); модель мира (Р. М. Грановская, О. С. Крыжанская); мир профессии (Е. Ю. Артемьева, Ю. Г. Вяткин); образ своей профессии (В. В. Овсянникова); концептуальные модели педагогического про-

---

[134] *Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : МГУ, 1980. – С. 128.*

цесса (М. С. Игнатенко); профессиональная ментальность (Д. В. Оборина); картина мира профессиональной общности (Е. А. Климов); когнитивная карта, карта-путь, карта-обозрение (И. В. Блинникова, Е. М. Величковский, Е. А. Лапин); субъективная семантика, замещающая реальность (Е. Ю. Артемьева).

Впервые структура образа мира описана С. Д. Смирновым, выделившим поверхностные и ядерные (глубинные) слои: поверхностные структуры – чувственно оформленное представление о мире, а ядерные – отторгнутые от чувственности, амодальные, знаковые системы – отражение мира в целом. По мнению С. Д. Смирнова, образ мира является первичным по отношению к чувственным впечатлениям человека, от воспринимаемого стимула любой возникающий образ, являясь частью, элементом образа мира в целом, не столько формирует, сколько подтверждает, уточняет его. «Это система экспектраций (ожиданий), подтверждающая объект-гипотезы, на основе которых идут структурирование и предметная идентификация отдельных чувственных впечатлений». С. Д. Смирнов отмечает, что вырванный из контекста сам по себе чувственный образ не несет никакой информации, так как «ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира»[135].

Вслед за С. Д. Смирновым В. В. Петухов выделил поверхностный слой образа мира (знания о мире) и ядерный слой (представление мира)[136]. Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин выделяют среди структурных компонентов образа мира перцептивный мир, в котором след не отделен от своей модальной, чувственной представленности; картину мира (семантический мир), где элементы слоя являются уже отношениями, а не чувственными образами, но еще сохраняют свою модальную специфичность; образ мира в узком смысле – слой амодальных структур, образующихся при обработке предыдущего слоя; ядерный слой является целемотивационным комплексом, который собственно определяет наполнение двух внешних слоев (перцептивного и семантического)[137].

---

[135] Смирнов, С. Д. Мир образов и образ мира как парадигма психологического мышления / С. Д. Смирнов // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 18–31.

[136] Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестнник Московского ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21.

[137] Артемьева, Е. Ю. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи / Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин // Мышление. Общение. Опыт : межвуз. темат. сб. – Ярославль : изд-во Ярославского ун-та, 1983. – С. 99–108.

Каждый уровень внешней структуры образа мира постепенно актуализирует уровни внутренней структуры. Восприятие объективной реальности является основой формирования образа мира, но это влияние происходит на поверхностном (сенсорно-перцептивном) уровне. На глубинном (ядерном) уровне влияние оказывает интеллектуальная деятельность личности. По мнению С. Д. Смирнова, ядерный уровень мира формируется в психике человека на основе системы общественно выработанных значений, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности.

Уточнение представлений об образе мира и возможных механизмах его возникновения в сознании человека совершила Е. Ю. Артемьева, которая создала теорию структуры субъективного мира. Она впервые сделала темой научного исследования вопросы: как мир находит свое отражение во внутреннем мире человека-профессионала, что происходит, когда встречаются мир профессии и внутренний мир человека-профессионала. Е. Ю. Артемьева пишет: «Такое интегральное образование, как субъективное представление мира, не образуется из ничего в каждом психическом акте, а несет в себе следы всей предыстории психической жизни человека, и должна существовать структура, организующая эти следы, позволяющая им быть реальными регуляторами и строительным материалом субъективного образа мира – структура субъективного опыта»[138].

Е. Ю. Артемьева определяет компоненты структуры субъективного опыта, а точнее, ее слои:

• «Перцептивный мир». Перцептивная модель множества определенным образом упорядоченных относительно друг друга воспринимаемых предметов, среди которых и тело самого субъекта. В перцептивном мире след не отделен от своей модальной, чувственной представленности.

• «Картина мира» – структурированная совокупность отношения к объектам мира, которая является синтезом частных модельных семантик, т. е. элементы слоя являются уже отношениями, а не чувственными образами, но сохраняют еще модальную специфичность.

• «Образ мира» – модель целостной, глобальной и надмодальной (амодальной) системы ожидания воздействия мира. Это слой амодальных структур, образующихся при обработке предыдущего слоя. «Образ мира» – не субъективная модель объектов мира и связей между ними, а сам субъективный мир»[139].

---

[138] *Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики : автореф. дис. ... докт. психол. наук / Е. Ю. Артемьева. – Ярославль, 1987. – С. 32.*

[139] *Там же.*

Изучая структуру субъективного опыта, ее роль во взаимоотношениях человека и мира, Е. Ю. Артемьева предложила выход на проблему смысла. В ее концепции смысл – это след взаимодействия человека с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним. Именно благодаря смыслу структура субъективного опыта поддается не только изучению, измерению, но и трансформации. Смысл (в концепции структуры субъективного опыта – субъективная семантика) является важнейшим из продуктов взаимодействия человека и мира. Субъективная семантика – это результат влияния на процесс мировосприятия, с одной стороны, сенсорно-перцептивной системы человеческого организма, с другой – эмоционально-оценочной системы. Вследствие действия этого механизма одна и та же ситуация (объект) для разных людей приобретают различное значение и смысловую окраску.

Значительное влияние на мировосприятие человека оказывает его этническая принадлежность и те условия среды, в которых он вырос. Согласно А. Н. Леонтьеву, «…в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено... видение мира одним народом нельзя простым кодированием перевести на язык культуры другого народа»[140].

Идея единства культуры и человека рассматривается в философских и культурологических трактовках традиций как явления, исторически «предсуществующие» отдельной личности (Л. Леви-Брюль), определяемые особым свойством исторического преемства (В. О. Ключевский), супрабиологичные и экстрасоматичные по своей природе (Л. Уайт), сконцентрированные в архетипах, образах коллективного бессознательного (К. Г. Юнг), в культурных резервах, вместивших многотысячелетний опыт человеческой истории (Д. В. Винникот). Связующий характер традиций, их устойчивость как незапамятного и надежного достояния прошлого (Э. Калло, А. Дж. Тойнби), а также открытость социальному и культурному опыту при высокой степени сохранности (Ш. Н. Эйзенштадт) обеспечивают воспроизводство культурного опыта от поколения к поколению путем так называемой социальной компрессии (В. Д. Плахов). В обыденной жизни кумулирующие традиции (К. Лоренц), представленные в материализованных программах поведения (А. И. Першиц), социально организованных стереотипах деятельности и стереотипах памяти (Ю. В. Ару-

---

[140] Леонтьев, А. Н. Национальная психология и этнопсихология / А. Н. Леонтьев // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии : избранные психол. тр. / А. Н. Леонтьев. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО «Модэк», 2001. – С. 117.

тюнян, Л. М. Дробижева, А. С. Маркарян) – обычаях, верованиях, ритуалах, – образуют устойчивый базис тех верований, на которые человек опирается как на незапамятное и надежное достояние (Э. Калло). В культуре накапливается особая форма связующей памяти – социальная память (Л. С. Выготский, Г. Гегель, К. Маркс, Л. Леви-Брюль). Такой подход дает нам основание обратиться к исследованию взаимосвязи культурных условий (реальностей предметного, природного, образно-знакового, социально-нормативного мира) и индивидуальных достижений в развитии.

Различие мировидения и миропонимания может быть обнаружено при исследовании пространственно-временных представлений, поскольку пространство и время являются базовыми координатами формирования и функционирования субъективного мира. Связь образа мира и пространственно-временных представлений прослеживается в структуре образа мира.

Говоря о соотнесенности образа мира с факторами влияния национальной культуры на субъекта, В. П. Серкин определяет: «Образ мира служит индивидуализированной культурно-исторической основой восприятия»[141]. Это позволяет нам сделать вывод о *кросскультурных различиях образа мира.* А. А. Гостев, определяя детерминанты образа мира, также говорит о влиянии на интегральный образ реальности «приобретенного опыта», атрибутов культуры, индивидуальных различий в структуре личности. «Интегральный образ реальности обладает для субъекта свойством исключительности, интимности, связан с его внутренним миром во всем его многообразии и богатстве и поэтому детерминирует различия в видении мира»[142].

С. Л. Рубинштейн отмечает, что «взаимодействие индивида с миром – жизнь, у человека-практика образуют онтологическую предпосылку возникновения познавательного отношения индивида к миру»[143]. Согласно С. Л. Рубинштейну, «то, что психическая деятельность есть отражение, означает вместе с тем, что отражение есть деятельность, процесс». В. Н. Мясищев также считает, что сложнейшие и наиболее динамические отношения человека к окружающему миру выражаются в его психической деятельности. Таким образом, объективное психологическое исследование требует изучения соотношений человека с окружающей действительностью, поскольку познать человека в его свойствах и возможностях мож-

---

[141] *Серкин, В. П. Методы психосемантики / В. П. Серкин. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 136.*

[142] *Гостев, А. А. Образная сфера личности / А. А. Гостев. – М., 1992. – С. 82.*

[143] *Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – С. 416.*

но только в соотношении с объективной действительностью. Согласно концептуальному подходу к исследованию «внутреннего мира человека», развиваемому В. Д. Шадриковым, в процессе отражения действительности и взаимодействия с реальностью «первичным является человек с его переживаниями, которые опредмечиваются»[144]. Важным при рассмотрении взаимодействия между человеком и миром является положение о том, что оно протекает в форме деятельности. Деятельности соответствует особая реальность, связывающая человека с внешним миром и представляющая собой целостность или единство образов внешней реальности и прототипов внешнего поведения.

В. П. Яссман считает, что «отражение жизненной ситуации во внутреннем мире человека предполагает ее восприятие, понимание, осознание, а также принятие решения о том, как в ней действовать. Чтобы действовать в жизненной ситуации сообразно ее объективным требованиям, человеку необходимо раскрыть ее предметную сторону, т. е. понять те отношения (смысловые, причинно-следственные, пространственно-временные и т. д.), которые образуют жизненную ситуацию и требуют от него определенных действий. Таким образом, действие человека в жизненной ситуации вытекает из осуществляемой им когнитивной деятельности, разворачиваемой в концептуальном контексте внутреннего мира человека. При этом текущее состояние внутреннего мира также во многом определяется концептуальным отношением к миру в целом. Таким образом, мы можем говорить о концептуальном видении человеком жизненной ситуации, которое с нашей точки зрения выступает внутренним условием соответствия (релевантности) требованиям ее предметной стороны»[145].

По мнению Ю. М. Забродина, вся совокупность психических явлений представляет собой систему различных форм и уровней субъективного отражения человеком объективной действительности. В нашем исследовании мы опираемся на уровневый подход к анализу особенностей субъективного мира (образа мира), разработанный и апробированный В. П. Яссманом. В своем подходе он исходит из положения А. А. Леонтьева о том, что существует общее (инвариантое) и различное (вариантное) видение мира различными людьми, а также из определения Е. Ю. Артемьевой образа мира как сложно организован-

---

[144] Шадриков, В. Д. Мир внутренней жизни человека / В. Д. Шадриков. – М. : Университетская книга, ЛОГОС, 2006. – С. 14–15.

[145] Яссман, В. П. Уровневый подход к анализу образа мира / В. П. Яссман // Материалы IV съезда Российского психологического общества «Психология – будущему России» 18–21 сентября 2007 г. – Ростов н/Д, 2007. – С. 187.

ного отражения, «накопления» в течение жизни, включающего многие уровни глубины и полноты. В. П. Яссман считает, что глубина видения предмета деятельности выступает качественной характеристикой вовлеченности человека в деятельность и позволяет описывать разные стороны процесса взаимодействия человека в различных сферах и областях жизнедеятельности. С его точки зрения раскрытие **в ассоциативном эксперименте** сущности понятий, отражающих предмет деятельности, происходит в определенном концептуальном ценностно-смысловом контексте. Соответственно смысл и значение предмета деятельности во внутреннем (субъективном) мире человека могут быть представлены на разных уровнях концептуального видения.

Под глубиной концептуального видения предмета деятельности (в дальнейшем – глубина К-видения) В. П. Яссман понимает степень постижения сущности тех отношений, которые составляют предметную сторону любой формы взаимодействия человека с миром. «Каждый уровень отражения предмета деятельности во внутреннем мире человека – это способ его измерения в определенном ценностно-смысловом контексте. Уровни указывают на глубину видения субъектом предмета своей деятельности в той или иной сфере жизнедеятельности; позволяют судить об особенностях и своеобразии образа мира и внутреннего мира человека, выступают концептуальной основой активности человека»[146].

Им выделены следующие уровни концептуального видения:

1. Поверхностное К-видение – периферический, формальный уровень концептуального видения (отражения) предмета деятельности, который определяется фрагментарностью понимания и формальностью отношения к своей миссии, что раскрывается в случайных, далеких, формальных, стереотипных, конкретно-ситуативных ассоциациях.

2. Основное (нормативное) К-видение – определяемое освоением знаний, необходимых для осуществления деятельности в соответствии с ее требованиями (видение в рамках необходимого). Для этого уровня характерны смыслы, напрямую вытекающие из предмета деятельности. Как правило, это культурно и профессионально детерминированный уровень. На этом уровне человек может демонстрировать высокий уровень овладения профессиональными знаниями в определенной сфере жизнедеятельности и профессиональное владение способами решения специфических для данной деятельности задач, высокий уровень мастерства при осуществлении деятельности, но при этом понимание

---

[146] *Яссман, В. П. Уровневый подход к анализу образа мира / В. П. Яссман // Материалы IV съезда Российского психологического общества «Психология – будущему России» 18–21 сентября 2007 г. – Ростов н/Д, 2007. – С. 187.*

предмета деятельности очерчено традиционными, принятыми в данной сфере рамками требований. Для этого уровня характерны ассоциации, отражающие императивно-операциональные знания (стратегия и тактика поведения в профессиональной деятельности); требования к личности профессионала, личностные характеристики (оценочная составляющая); теоретические знания в условной области жизнедеятельности.

3. Глубинное К-видение – видение предмета в контексте универсальных бытийных ценностей, выход за рамки требуемого, рассмотрение своей роли в деятельности как миссии, как пути, когда предмет деятельности является частью другого более широкого проекта. Смыслы, характерные для данного уровня, напрямую не вытекающие из предмета деятельности, но определяющие эволюцию, развитие субъекта в деятельности, продвижение в ней, выход на новый уровень видения предмета деятельности, перспективу развития самой деятельности. Ассоциации этого уровня означивают ценностно-смысловое «ядро» предмета. Глубинный уровень предполагает такой способ когнитивной деятельности, который начинается из наиболее возможного всеобъемлющего целого и спускается до частей как под-целых таким образом, как это свойственно действительной природе вещей, что помогает воссоздать иную реальность – более целостную и гармоничную. Предполагается, что для каждой предметной области существует свой ядерный, глубинный слой, заданный высшими ценностями или категориями, напрямую не детерминированными непосредственными задачами, решения которых требует сама ситуация деятельности.

Предложенный В. П. Яссманом уровневый подход к исследованию глубины концептуального видения опирается на понимание образа мира как системы представлений о мире и о себе в мире и как системы отношений к миру и к себе в мире.

Метод уровневого анализа ассоциаций, на который мы опирались при интерпретации результатов, позволяет говорить о том, что выделенные нами ассоциации **1-го уровня К-видения** в большей степени включают перцептивный (непосредственное отражение объективной реальности) уровень отражения. Ассоциации этого уровня в большей степени отражают особенности чувственного познания человека. Все чувственное познание носит непосредственный характер. Чувственные образы возникают постольку, поскольку предмет непосредственно воздействует на наши органы чувств и нервную систему. Чувственное познание – это ворота, через которые человек устанавливает контакт с внешним миром. С позиции диалектического материализма формы чувственного познания – это субъективные образы объективного мира. То есть их содержание объективно, т. к. определяется внешними воздействиями, а не сознанием субъекта.

Ассоциации **2-го уровня К-видения** включают культурный (этническое сознание) уровень отражения. С нашей точки зрения, он опи-

рается на рациональную сторону познания, представленную в понятиях, суждениях, умозаключениях. Рациональное познание толкуется как познание существенных свойств и связей реальности, лежащих за пределами чувственно-перцептивного и эмоционально-аффективного опыта. Это область деятельности мышления в самом широком смысле этого слова, т. е. дара осмысления предметности любого рода.

Ассоциации **3-го уровня К-видения** соответствуют метафорическому (высшему, философскому) уровню отражения. Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. «Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге»[147].

Пиктограмма – рисуночное письмо, древнейший вид письменности. Его принципиальная особенность состоит в том, что знак никак не связан со звучанием слова – он выражает смысл. Как экспериментально-психологический метод был разработан в начале 30-х г. Л. С. Выготским для опосредованного запоминания в рамках культурно-исторической теории психического развития человека, согласно которой высшие психические функции носят опосредованный характер с помощью выработанных в истории человеческого общества средств, орудий труда, знаков-символов. Дальнейшее развитие метод получил в работах А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева, Г. В. Биренбаум, Б. Г. Херсонского, С. В. Лонгиновой. В дальнейшем диапазон его применения расширился, и данный метод стали применять в патопсихологии для исследования ассоциативного мышления и логической памяти. Б. Г. Херсонский основательно модифицировал этот метод и разработал критерии стандартизации и количественной оценки полученных результатов. Это позволило гораздо шире и глубже интерпретировать образы, создаваемые в ответ на предъявляемые слова-понятия. По существу автор разработал проективный метод к анализу метода пиктограмм.

Метод пиктограмм является надежным методом в операции определения понятий, раскрытия его смысла. Раскрывая смысл понятия пиктографически, испытуемый обращается к языку образов. А. Р. Лурия отмечает, что каждое слово является не только образом предмета, но и системой потенциальных связей, в которые вступает данный предмет. При этом «для опосредованного запоминания выбираются не правильные, существенные связи, а связи, пригодные для

---

[147] *Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. – В кн. : Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 19.*

запоминания»[148]. Раскрытие смысла понятия через зрительный образ заставляет хотя бы кратко остановиться на отношении словесного и образного. В современной психологической литературе понятия рассматриваются как сложное образование, включающее и словесный, и образный компоненты. Чем конкретнее понятие, тем ниже обобщенность, тем ярче выражен образный компонент. Однако даже наиболее абстрактные понятия имеют образный компонент, и их смысл может быть объективирован в рисунках[149].

Л. В. Яссман и В. П. Яссманом был предложен геометро-динамический подход как теоретическое основание для построения модели исследования[150]. По мнению авторов, геометро-динамические паттерны составляют чувственную и пространственную матрицу познания и проявляют себя в контексте всего смыслового пространства внутреннего мира человека, смысловой системе его отношений с миром и с самим собой в мире, возникают и действуют в этом пространстве, образуя чувственно-пространственный слой понятий. Геометро-динамические образы выступают кодом (языком) мышления, с помощью которого строится образ проблемной ситуации, и, говоря словами Д. Б. Богоявленской, «осуществляется моделирование системы отношений в данной проблемной ситуации, с чем связано ее субъективное видение и индивидуализированное понимание, что Гете назвал «видящей мыслью». Исходя из сказанного, В. П. Яссман заключает, что геометро-динамическая образность составляет глубинный семантический слой познания и фиксирует систему семантических отношений, закрепленную в житейских и научных понятиях и категориях, в том числе таких универсальных, как время и пространство. Поэтому прием рисования понятий позволяет раскрывать и обсуждать их смысловое содержание и тем самым проникать в их глубинную суть.

«В зависимости от субъективного индивидуализированного понимания различных понятий и категорий, их содержание на языке геометро-динамической образности раскрывается в контексте пространственно-

---

148 Лурия, А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем / А. Р. Лурия, О. С. Виноградова // Семантическая структура слова. – М. : Наука, 1971. – С. 27–63.

149 Херсонский, Б. Г. Метод пиктограмм в психодиагностике / Б. Г. Херсонский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Речь, 2003. – С. 120.

150 Яссман, В. П. Сравнительное исследование представлений о пространстве у лиц разных национальностей / В. П. Яссман, Л. В. Яссман // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. 23–25 мая 2008 г. : в 2 т. – Хабаровск : изд-во ДВГУПС, 2008. – Т. 1. – 304 с. : ил. – С. 89–94.

временных координат. Например, многочисленными исследованиями (M. Bang, 1991; M. Leyton, 1992) установлено, что большинством людей покой и стабильность передаются преимущественно горизонтальной линейной динамикой, вертикальные линии будут передавать большее возбуждение и стремление вверх, а диагонали – большие степени напряженности. При этом формирование образа осуществляется в контексте Образа мира человека как носителя определенных этно-культурных стереотипов и той географической среды, в которой он вырос», пишет В. П. Яссман. В статье В. П. Яссмана, Л. В. Яссман «Сравнительное исследование представлений о пространстве у лиц разных национальностей» авторы доказывают, что «…прием рисования понятий как средство символического выражения дает возможность обсуждать и осознавать смысловое содержание понятий, проникая в их глубинную суть. Абстактная геометро-динамика отражает в первую очередь внутренние и микрогенетические процессы ощущаемого смысла и, в меньшей степени, обычные, культурно-определяемые коды для соотносительного указания, которое выводит рисунки за пределы их самих и связывает их с референтом, определяющим их смысл»[151].

В работе исследовались особенности раскрытия представителями разных этносов категорий «пространство» и «время» в графическом образе. Выделенные авторами критерии, с помощью которых оценивалось качество пространства, раскрываемого в графических образах, позволяют описать специфические особенности восприятия пространства и времени у разных этносов. Выделенные авторами критерии, с помощью которых оценивались качества пространства: статичность / динамичность, замкнутость / открытость, стабильность / нестабильность, абстрактность / конкретность – легли в основу анализа пиктограмм данного исследования. Предполагается, что метод пиктограмм послужит хорошим дополнением к ассоциативному эксперименту.

Таким образом, методы психосемантики: ассоциативный метод, метод семантического дифференциала, метод пиктограмм широко зарекомендовали себя в психологии сознания различных социальных групп. Они являются методологически обоснованными для исследования пространственно-временных представлений у разных этнических групп.

Целью эмпирической части работы стало выявление связи географических условий проживания (открытое и замкнутое пространство) и особенностей пространственно-временных представлений у людей.

Известно, что культура народа характеризуется своим особым способом восприятия мира. Обзор теоретических работ (Ю. В. Бромлей, Г. Д. Гачев, В. Гумбольдт и др.), посвященных особенностям формиро-

---

[151] *Яссман, В. П. Указ. соч. – С. 89–94.*

вания мировосприятия различными этносами, показывает, что специфика образа мира народов складывается под воздействием совокупности факторов. Среди факторов, которые определяют формирование этнической картины мира, выступают: культурные стереотипы, которые во многом складываются под влиянием условий проживания и хозяйствования народа, климатические условия (суровые – несуровые), языковой фактор (владение – невладение национальным языком), знание традиций, обычаев. В работе Л. Н. Гумилева культурная и физическая среда рассматриваются как носители этнической культуры. В связи с этим китайский и казахский этносы в незамкнутом географическом пространстве отличаются от замкнутого пространства островных этнических групп, таких как русский и нивхский этносы. По словам Л. Н. Гумилева, «непосредственно на человеческий организм и на любой человеческий коллектив влияет не Земля, а определенный ландшафт. Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это, образно говоря, накладывает особый отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть. Это положение равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспособляется к определенному ландшафту в момент своего сложения. В последующее время, при переселении или расселении, этнос ищет себе область, похожую на ту, в которой он сложился»[152]. С целью выявить, в какой мере географические факторы отражаются на уровне смысловой сферы, мы провели сравнительное исследование отражения понятия время и пространство в семантическом поле представителей разных этнических групп.

Исследование проводилось в 2006–2009 гг. в три этапа.

На **первом** этапе был проведен теоретический анализ литературы, подбор комплекса методик, адекватных предмету и объекту нашего исследования.

На **втором** этапе было проведено эмпирическое исследование. Исследованием было охвачено 150 человек, которые были разделены по этническому признаку на четыре группы: русские (60 человек), китайцы (30 человек), казахи (30 человек), нивхи (30 человек).

В исследовании принимали участие представители казахской этнической группы, исконно проживающие в степях Северного Казахстана

---

[152] *Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Айс Пресс : Рольф, 2001. – С. 556.*

Кустанайской обл. в г. Житикары; русской этнической группы, исконно проживающей на юге острова Сахалин в г. Южно-Сахалинске; китайской этнической группы, исконно проживающей в северной части республики Китай, и представители нивхской этнической группы, исконно проживающие в п. Восток Ногликского района севера Сахалина.

К эксперименту отнеслись этнические группы неоднозначно. Русские испытуемые проявляли интерес к заданиям, задавали интересные вопросы, пытались рассуждать вслух, с удовольствием демонстрировали свои знания. С китайскими респондентами возникал ряд трудностей, связанный с языковым барьером (китайцы обращались к словарям и переводчикам). Для эксперимента мы обратились не к тем китайцам, которые живут на острове Сахалин, а к исконным китайцам, приехавшим из своей республики для изучения русского языка в России. Нужно отметить тот факт, что все китайцы пребывали на Сахалине меньше года и тем самым не успели усвоить русский язык и, тем более, российский менталитет. Но, несмотря на этот факт, испытуемые проявляли значительный интерес к заданиям, старались ответить как можно больше и полнее, чувствовалась их ответственность и исполнительность за порученное дело.

С казахскими испытуемыми также возникали трудности, но они другого характера. Казахи вообще неохотно шли на разговор и, тем более, на заполнение бланков, ведь в Казахстане русские – это не приятные гости, а скорее недруги; чувствовалось их недоверие и подозрительность, даже некоторая опаска. Практически всем казахам приходилось объяснять суть своего исследования, важность участия именно их в эксперименте, а не кого-то другого. На вопросы они отвечали без особого желания. Могли бросить работу на половине пути, мотивируя это отсутствием времени.

Что касается нивхских испытуемых, то, безусловно, можно отметить ряд трудностей, возникших в результате совместной деятельности, тем более что нивхская этническая группа – «другая», это персистентный этнос, под которым понимается коллектив людей, существующий длительное время и в своем развитии не претерпевающий существенных изменений. Так, нивхи до сих пор рассматривают освоение русскими острова Сахалин как вторжение и вмешательство в жизнь их народа. В частности, сохранился стереотип того, что за какую-либо информацию, исходящую от нивхов по просьбе пришлых людей, последние должны непременно заплатить какими-нибудь материальными благами. При установлении четкого и доверительного контакта нивхи могут изменять характер ценности с материальных на идейные. Точно как и с казахами чувствовалось нежелание совместной деятельности. Нивхи говорили, что не знают, как отвечать на вопросы, что у них нет времени и их ждет рыбалка, могли бросить работу на половине пути. На вопросы отвечали с трудом.

В таблице 1 представлены половозрастные особенности, образование, семейное положение и сфера деятельности представителей исследуемых групп.

Таблица 1

Половозрастные особенности, образование, семейное положение и сфера деятельности представителей исследуемых групп

Этнос	Пол	Возраст	Образование		Семейное положение	Сфера деятельности
			высшее	среднее профессиональное		
Русские	Мужчины – 30 чел., 50 %	25–40 лет	100 %		25 чел. – в браке; 5 чел. – не в браке	Экономисты – 5 чел.; военные – 5 чел.; юристы – 5 чел.; переводчики – 4 чел.; инженеры – 5 чел.; врачи – 3 чел.; преподаватели – 3 чел.
Китайцы	Женщины – 30 чел., 50 %	25–40 лет	100 %		28 чел. – в браке; 2 чел. – не в браке	Бухгалтеры – 6 чел.; юристы – 7 чел.; врачи – 5 чел.; преподаватели – 8 чел.; методисты – 4 чел.
	Мужчины – 15 чел., 50 %	25–40 лет	100 %		13 чел. – в браке; 2 чел. – не в браке	Учителя – 5 чел.; переводчики – 3 чел.; пасторы – 1 чел.; продавецы – 3 чел.; бизнесмены – 3 чел.
Казахи	Женщины – 15 чел., 50 %	30–40 лет	100 %		15 чел. – в браке	Искусствоведы – 1 чел.; музыкальные работники – 1 чел.;

Окончание таблицы 1

Этнос	**Пол**	**Возраст**	**Образование**		**Семейное положение**	**Сфера деятельности**
			высшее	**среднее профессиональное**		
						учителя – 5 чел.; врачи – 4 чел.; продавцы – 4 чел.
	Мужчины – 15 чел., 50 %	25–40 лет	100 %		14 чел. – в браке; 1 чел. – не в браке	Инженеры – 10 чел.; спортсмены – 2 чел.; юристы – 3 чел.
Нивхи	Женщины – 15 чел., 50 %	25–40 лет	100 %		15 чел. – в браке	Бухгалтеры – 7 чел.; медицинские работники – 4 чел.; юристы – 2 чел.; парикмахеры – 2 чел.
	Мужчины – 15 чел., 50 %	25–40 лет	–	100 %	13 чел. – в браке; 2 чел. – не в браке	Шоферы – 2 чел.; рыбаки – 12 чел.; охранники – 1 чел.
	Женщины – 15 чел., 50 %	25–45 лет		100 %	15 чел. – в браке	Кассиры – 1 чел.; медицинские работники – 2 чел.; домохозяйки – 5 чел.; повара – 3 чел.; швеи – 1 чел.; рыбообработчики – 3 чел.

На **третьем** этапе была произведена статистическая обработка данных и интерпретация полученных результатов (2007–2009 гг.).

В ходе исследования были использованы следующие методы сбора первичной информации: наблюдение, беседа. В таблице 2 представлены основные методы исследования и критерии оценки к ним.

Таблица 2

Основные методы исследования и критерии оценки к ним

Метод	**Критерии оценки**
1. Ассоциативный метод	1. Количественно: подсчет частотности ассоциаций, тем самым определяются универсалии, получившие наибольший рейтинг по частоте встречаемости. 2. Качественно: анализ предполагает тематическую группировку ассоциаций и распределение ассоциаций по уровням глубины концептуального видения респондентами предмета исследуемой области, что осуществляется путем экспертной оценки. Тематическая группировка заключается в распределении ассоциаций по тематическим направлениям, раскрывающим определенную содержательную сторону понятия, что позволяет судить об особенностях представленности предмета деятельности во внутреннем мире респондента
2. Семантический дифференциал	1. Количественно: подсчитываются качества времени и пространства, получившие наибольшее количество голосов. 2. Качественно: этот вид анализа позволяет структурированно описать итоги объемных методик за счет выделения ограниченной факторной структуры, все статистические расчеты проводились с помощью компьютерных программ: Excel 2003, 2007 и SPSS 13
3. Метод пиктограмм	1. Количественно: пиктограммы подсчитываются и представляются разными темами. 2. Качественно: основаниями для оценки качества пространства и времени, раскрываемых в графических образах, были темы раскрытия категорий и геометро-динамический характер самих графических образов. Оценивалось по следующим критериям: статичность – динамичность; замкнутость – открытость; стабильность – нестабильность; абстрактность – конкретность

3.2. Представления о времени

3.2.1. Результаты ассоциативного эксперимента

Одним из ведущих методов, позволяющих раскрывать содержательную сторону представленности во внутреннем мире испытуемых концептуальных структур, отражающих предметную сторону деятельности человека в той или иной сфере жизни, является **ассоциативный эксперимент**. «Ассоциации, которые продуцирует респондент на заданное слово-стимул, позволяют увидеть представленность различных сторон и граней заданного понятия во внутреннем мире (ментальной сфере) человека, что позволяет обнаруживать особенности и специфические различия внутреннего мира и образа мира у разных групп испытуемых»[153]. Нами был использован вариант проведения ассоциативного эксперимента, разработанный и апробираванный В. П. Яссманом: «Методика исследования глубины понимания предмета деятельности и предметного содержания явления».

Процедура проведения ассоциативного эксперимента

Методика является индивидуальной по форме проведения и диалогической по своей природе. Она не требует никакого оборудования или специальных бланков, кроме карандаша с бумагой, на которую экспериментатор будет записывать ход диалога. Методическая процедура представляет собой структурированную серию заданий.

Шаг 1. Выбрать понятие-стимул, отражающий предметную сторону деятельности. В качестве стимула выбираются такие понятия, которые концептуально отражают предмет исследуемой области. В нашем случае это были понятия «время» и «пространство».

Шаг 2. Испытуемому предлагается дать на заданное слово-стимул ассоциации.

Шаг 3. На основе частотного анализа полученных ассоциаций выделяются универсалии, которые в дальнейшем будут подвергнуты уровневому анализу.

Шаг 4. Нарисовать заданное понятие (метод пиктограмм).

После получения необходимого объема информации экспериментатор осуществляет анализ данных, полученных в ходе ассоциативного

---

[153] *Яссман, В. П. Уровневый подход к анализу образа мира / В. П. Яссман // Материалы IV съезда Российского психологического общества «Психология – будущему России» 18–21 сентября 2007 г. – Ростов н/Д, 2007. – С. 187.*

эксперимента при помощи частотного, качественного анализа, а также с помощью экспертной оценки. Количественный анализ заключается в подсчете частотности ассоциаций. Тем самым определяются универсалии, получившие наибольший рейтинг по частоте встречаемости. Качественный анализ предполагает тематическую группировку ассоциаций и распределение ассоциаций по уровням глубины понимания респондентами предмета исследуемой области, что осуществляется путем экспертной оценки. Тематическая группировка заключается в распределении ассоциаций по тематическим направлениям, раскрывающим определенную содержательную сторону понятия, что позволяет судить об особенностях представленности предмета деятельности во внутреннем мире респондента.

Испытуемым предлагалось ответить любыми другими словами на понятия «пространство» и «время». Первоначально мы выписали общее количество ассоциаций на понятия «пространство» и «время» в каждой этнической группе. Затем все ассоциации были подвергнуты семантическому анализу. Для того чтобы выявить глубину понимания респондентами предмета деятельности, все полученные ассоциации распределяются в соответствии с предложенной нами трехуровневой системой оценивания (поверхностные, основные (нормативные) и глубинные). В нашем понимании каждый уровень отражения предмета деятельности во внутреннем мире человека – это способ его измерения в определенном ценностно-смысловом контексте. Мы считаем, что выделенные уровни обозначают ценностно-смысловые контексты, в которых происходит измерение отображаемого во внутреннем мире человека; указывают на глубину концептуального видения субъектом предмета своей деятельности в той или иной сфере жизнедеятельности; позволяют судить об особенностях и своеобразии образа мира и внутреннего мира человека; выступают концептуальной основой активности человека. Эмпирически нами выделено следующее содержательное наполнение уровней:

1. Поверхностное К-видение – периферический, формальный уровень концептуального видения (отражения) предмета деятельности, который определяется фрагментарностью понимания и формальностью отношения к своей миссии; что раскрывается в случайных, далеких, формальных, стереотипных, конкретно-ситуативных ассоциациях.

2. Основное (нормативное) К-видение – определяемое освоением знаний, необходимых для осуществления деятельности в соответствии с ее требованиями (видение в рамках необходимого). Для этого уровня характерны смыслы, напрямую вытекающие из предмета деятельности. Как правило, это культурно и профессионально детермини-

рованный уровень, где человек может демонстрировать высокий уровень овладения профессиональными знаниями в определенной сфере жизнедеятельности и профессиональное владение способами решения специфических для данной деятельности задач, высокий уровень мастерства при осуществлении деятельности, но при этом понимание предмета деятельности очерчено традиционными, принятыми в данной сфере рамками требований. Для этого уровня характерны ассоциации, отражающие императивно-операциональные знания (стратегия и тактика поведения в профессиональной деятельности); требования к личности профессионала, личностные характеристики (оценочная составляющая); теоретические знания в условной области жизнедеятельности.

3. Глубинное К-видение – видение предмета в контексте универсальных бытийных ценностей, выход за рамки требуемого, рассмотрение своей роли в деятельности как миссии, как пути, когда предмет деятельности является частью другого, более широкого проекта. Смыслы, характерные для данного уровня, напрямую не вытекающие из предмета деятельности, но определяющие эволюцию, развитие субъекта в деятельности, продвижение в ней, выход на новый уровень видения предмета деятельности, перспективу развития самой деятельности. Ассоциации этого уровня означивают ценностно-смысловое «ядро» предмета. Глубинный уровень предполагает такой способ когнитивной деятельности, который начинается из наиболее возможного всеобъемлющего целого и спускается до частей как подцелых таким образом, как это свойственно действительной природе вещей, что помогает воссоздать иную реальность – более целостную и гармоничную. Предполагается, что для каждой предметной области существует свой ядерный, глубинный слой, заданный высшими ценностями или категориями, напрямую не детерминированными непосредственными задачами, решение которых требует сама ситуация деятельности.

В настоящее время в науке (А. В. Дроздова, М. С. Каган, С. В. Мейен, Ю. К. Стрелков, Н. И. Трубников) (см. глава 1 раздел 1.1) представлены следующие аспекты анализа и описания категории «время»:

- объективное время;
- физическое время;
- изменчивость каждого окружающего объекта (индивида);
- набор, упорядоченный самой природой;
- образная символическая символика времени;
- социальное время;
- время поколения;
- время истории;

• последовательность и смена состояний объекта; траектория в пространстве состояний;
• психологическое время;
• личностное время;
• индивидуальное время;
• стадии развития, жизненный цикл в целом;
• экзистенциальное время: длительность, ритмы, темпоральность, смена и следование актов и процессов индивидуальной человеческой жизни, не сводимое ни к объективному безличному времени, ни к интегральному социальному времени, ни к психологическому или субъективному времени;
• биологическое время;
• время на психофизиологическом уровне (отсчет времени осуществляется с помощью сложной системы, в которой сочетаются эндогенные процессы организма в виде сердечных сокращений, дыхательного цикла, цикла обмена веществ и экзогенные влияния в виде циклических ритмов, температурных изменений, изменения влажности и т. д. Связывают подобный отсчет времени с функционированием биологических часов).

На основе представлений о времени, описанных в науке, были выделены следующие уровни анализа ассоциаций.

1. Перцептивный уровень представлений, которому соответствуют ассоциации 1-го уровня К-видения. Выделены группы ассоциаций, которые описывают:

1.1. события, переживаемые во времени;

1.2. образную символику времени;

1.3. последовательность и смену состояний объекта; траекторию в пространстве состояний; социальное время индивида, личностное время, психологическое время;

1.4. субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени, например, как плавно текущего или скачкообразно, как сжатого или растянутого, пустого или насыщенного; время на психофизиологическом уровне.

2. Культурный уровень представлений, которому соответствуют ассоциации 2-го уровня К-видения: время выступает как изменчивость каждого окружающего объекта (индивида); набор, упорядоченный самой природой; физическое время; стадии развития и длительность существования материальных образований; социальное, индивидуальное бытие как порядок и мера.

3. Метафорический уровень представлений, которому соответствуют ассоциации 3-го уровня К-видения – образные аналогии.

Русские респонденты

В исследовании приняло участие 60 человек русских респондентов, которые дали 2329 ассоциаций на понятие «время».

На основании частотного анализа были выделены семантические универсалии. Семантической универсалией называется список выделенных для данного стимула координат, одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых (Е. Ю. Артемьева, 1999; В. П. Серкин, 2004).

Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для русских отражение в сознании понятия «время».

У 50–85 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *часы, жизнь, день, минуты, секунда, ночь, старость, работа.*

От 28–49 % респондентов называли ассоциации (47 ассоциаций): *деньги, год, стрелки часов, утро, будильник, детство, зима, лето, молодость, вечер, смерть, весна, любовь, осень, век, месяц, юность, неделя, вечность, цифры, скорость, бесконечность, ожидание, песок, рождение, дети, будущее, возраст, сон, учеба, сутки, дорога, отдых, обед, вода, циферблат, дата, настоящее, прошлое, годы, солнце, встреча, мгновение, столетие, звонок, ужин, телефон.*

От 10–27 % назвали следующие ассоциации (31 ассоциация): *урок, завтрак, час, пространство, перемена, необратимость, школа, суета, движение, числа, радость, опаздывать, день, рождение, пара, мечты, бег, история, механизм, человек, цветы, миг, вера, полет, события, периоды, секундомер, свадьба, судьба, река, сумерки, опыт.*

Меньше 10 % респондентов назвали следующие ассоциации (81 ассоциация): *пунктуальность, красота, счастье, разлука, поколение, песочные часы, расписание, мир, семья, полдник, надежда, свет, болезнь, расстояние, рассвет, новости, точность, кукушка, сессия, юбилей, семестр, новый год, куранты, сезон, ребенок, золото, страх, быстро, грусть, люди, пустота, мысли, камень, младенчество, отрочество, отпуск, занятие, дерево, рост, бессмертие, воздух, путь, неизвестность, время года, эра, течение, календарь, режим, длительность.*

Качественный анализ осуществлялся путем экспертной оценки. В качестве экспертов выступили 10 человек, имеющих высшее психологическое образование, – преподаватели Сахалинского государственного университета.

На рисунке наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «время» по уровням у русских респондентов (см. рис. 2).

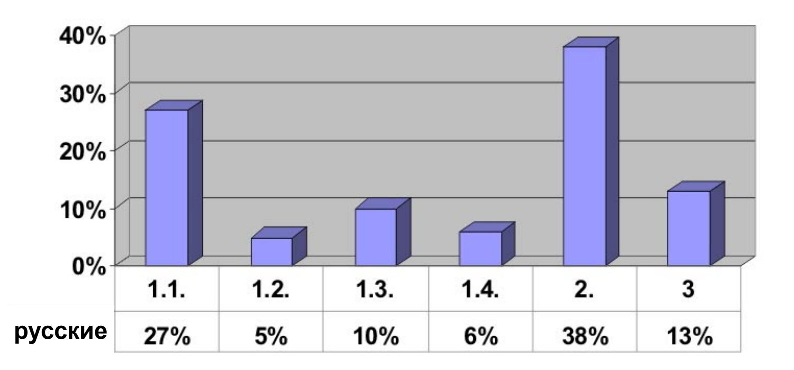

Рис. 2. *Распределение семантического поля на понятие «время» у русских респондентов с позиции уровневого подхода*

В таблице 3 представлено распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у русских респондентов.

Выяснилось, что в образе мира русских респондентов понятие время отражено преимущественно следующим образом:

• культурный уровень представлений, которому соответствуют выделенные нами ассоциации 2-го уровня К-видения (38 % всех ассоциаций): день, минуты, секунда, ночь, год, утро, зима, лето, вечер, весна, осень, век, месяц, неделя, будущее, сутки, годы, дата, настоящее, прошлое, столетие, мгновение, солнце, час, механизм, события, периоды, сумерки;

• перцептивный уровень представлений, которому соответствуют выделенные нами ассоциации 1-го уровня К-видения. Это события, переживаемые во времени (27 % всех ассоциаций): часы, работа, стрелки часов, будильник, цифры, ожидание, учеба, отдых, обед, циферблат, встреча, звонок, ужин, телефон, урок, завтрак, перемена, пара и др.;

• на метафорическом уровне представлений, которому соответствуют выделенные нами ассоциации 3-го уровня К-видения (13 % всех ассоциаций): жизнь, бесконечность, вера, вечность, история, любовь, опыт, пространство, смерть, судьба, дети, человек;

• осознание категории «время» как последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний (10 % всех ассоциаций): возраст, детство, молодость, рождение, старость, юность;

• через субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени представлены (6 % всех ассоциаций): движение, миг, необратимость, опаздывать, радость, скорость, сон, суета;

Таблица 3

Распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у русских респондентов

РУССКИЕ 1286 ассоциаций					
Уровень 1 47 %				**Уровень 2 Физическое время 483 ассоциации 38 %**	**Уровень 3 Экзистенциальное время 169 ассоциаций 13 %**
1.1. События, переживаемые во времени 346 ассоциаций 27 %	**1.2. Образная символика времени 69 ассоциаций 5 %**	**1.3. Последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний 125 ассоциаций 10 %**	**1.4. Субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени 79 ассоциаций 6 %**		
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Часы 51	Деньги 24	Старость 34	Скорость 17	День 36	Жизнь 38
Работа 30	Песок 15	Детство 22	Сон 15	Минуты 36	Смерть 20
Стрелки часов 23	Дорога 13	Молодость 21	Суета 8	Секунда 35	Любовь 20
Будильник 22	Вода 12	Юность 18	Движение 8	Ночь 34	Вечность 18
Цифры 17	Река 6	Рождение 15	Радость 8	Год 27	Бесконечность 17

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6
Ожидание 16		Возраст 15	Необратимость 8	Утро 22	Дети 15
Учеба 15			Опаздывать 8	Зима 21	Пространство 9
Отдых 13			Бег 8	Лето 21	История 7
Обед 13			Миг 7	Вечер 20	Человек 7
Циферблат 12				Весна 20	Вера 6
Встреча 11				Осень 19	Опыт 6
Звонок 11				Век 19	Судьба 6
Ужин 10				Месяц 18	
Телефон 10				Неделя 18	
Урок 9				Будущее 15	
Завтрак 9				Сутки 13	
Перемена 9				Годы 12	
Пара 8				Дата 12	
Мечты 8				Настоящее 12	
Числа 8				Прошлое 12	

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6
Школа 8				Столетие 11	
День рождения 8				Мгновение 11	
Цветы 7				Солнце 11	
Полет 6				Час 9	
Свадьба 6				Механизм 7	
Секундомер 6				События 6	
				Периоды 6	
				Сумерки 6	

• образная символика времени (5 % всех ассоциаций): деньги, песок, дорога, вода, река.

Китайские респонденты

В исследовании приняло участие 30 человек китайских респондентов, которые дали 503 ассоциации на понятие «время».

На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для китайских респондентов отражение в сознании понятия время.

У 33–67 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *часы, день, год, утро, дата, минута, секунда, будущее, весна, лето, осень, зима, изменение, полдень, ночь, движение, луна, отсчет, пространство, золото.*

У 10–30 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *скоро, мало, снег, число, столетие, миг, мгновение, старость, река, течение, солнце, работа, завтрак, жизнь, нынешнее, прошлое, история, начало, свободное, прошедшее, настоящее, вчера, сегодня, завтра, позавчера, момент, послезавтра.*

На рисунке наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «время» по уровням у китайских респондентов (см. рис. 3).

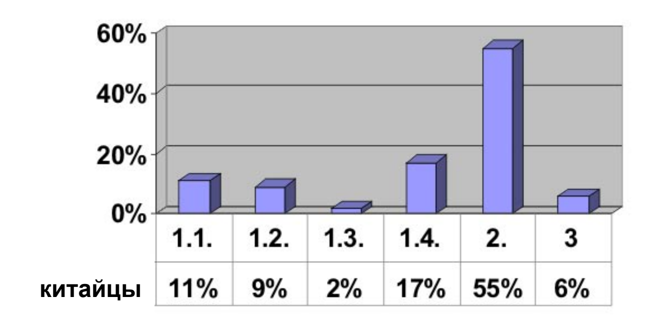

Рис. 3. *Распределение семантического поля на понятие «время» у китайских респондентов с позиции уровневого подхода*

В таблице 4 представлено распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у китайских респондентов.

Таблица 4

Распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у китайских респондентов

КИТАЙЦЫ – 396 ассоциаций					
Уровень 1 39%				**Уровень 2 Физическое время 217 ассоциаций 55 %**	**Уровень 3 Экзистенциальное время 23 ассоциации 6 %**
1.1. События, переживаемые во времени 44 ассоциации 11 %	**1.2. Образная символика времени 36 ассоциаций 9 %**	**1.3. Последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний 8 ассоциаций 2 %**	**1.4. Субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени 68 ассоциаций 17 %**		
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Часы 20	Луна 10	Старость 8	Отсчет 10	День 20	Пространство 10
Работа 8	Золото 10		Движение 10	Год 15	Жизнь 7
Завтрак 8	Река 8		Течение 8	Утро 10	История 6
Число 8	Снег 8		Скоро 8	Дата 10	
			Мало 8	Минута 10	

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6
			Миг 8	Секунда 10	
			Мгновение 8	Будущее 10	
			Момент 4	Весна 10	
			Свободное 4	Лето 10	
				Осень 10	
				Зима 10	
				Изменение 10	
				Полдень 10	
				Ночь 10	
				Солнце 8	
				Столетие 8	
				Нынешнее 6	
				Прошлое 6	
				Начало 6	
				Прошедшее 4	

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6
				Настоящее 4	
				Вчера 4	
				Сегодня 4	
				Завтра 4	
				Позавчера 4	
				Послезавтра 4	

Мы видим, что для китайских респондентов характерно преимущественно представление понятия «время» на культурном уровне представлений, которому соответствуют ассоциации 2-го уровня К-видения (55 % всех ассоциаций): день, год, утро, дата, минута, секунда, будущее, весна, лето, осень, зима, изменение, полдень, ночь, движение, столетие, нынешнее, прошлое, начало, конец, античный, прошедшее, настоящее, вчера, сегодня, завтра, позавчера.

Понятие «время» представлено на перцептивном уровне представлений, которому соответствуют выделенные нами ассоциации 1-го уровня К-видения, следующими смысловыми категориями:

• осознание времени как субъективного эндогенного процесса организма (17 % всех ассоциаций): отсчет, движение, течение, скоро, мало, миг, мгновение, момент, свободное;

• события, переживаемые во времени (11 % всех ассоциаций): часы, работа, завтрак, число;

• образная символика времени (9 % всех ассоциаций): река, снег, луна, золото;

• последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний (2 % всех ассоциаций): старость.

Понятие «время» представлено на метафорическом уровене представлений, которому соответствуют выделенные нами ассоциации 3-го уровня К-видения (6 % всех ассоциаций): пространство, жизнь, история.

Казахские респонденты

В исследовании приняло участие 30 человек казахских респондентов, которые дали 633 ассоциации на понятие «время».

На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для казахских респондентов отражение в сознании понятия «время».

У 40–70 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *часы, жизнь, день, годы, прошлое, будущее, настоящее, ночь, утро.*

У 10–30 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *секунда, месяц, старость, бесконечность, век, вечер, минуты, работа, зима, лето, осень, весна, день рождения, холодно, закат, период, дорога, неделя, воздух, космос, мгновение, вечность, столетие, этап, стадия, завтра, грядущее, детство, быстрота, остановка, таймер, скоротечность, история, события, этапы жизни, дата, новости, стрелки, цифры, режим, ограничение, деньги, купаться, любовь, река, круг, сутки, невидимость, промежуток, место, пора, эпоха, момент, минувшее, предыдущее, истекшее, былое, жара, дождь, снег, град, молния, гром, ветер и др.*

На рисунке наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «время» по уровням у казахских респондентов (см. рис. 4).

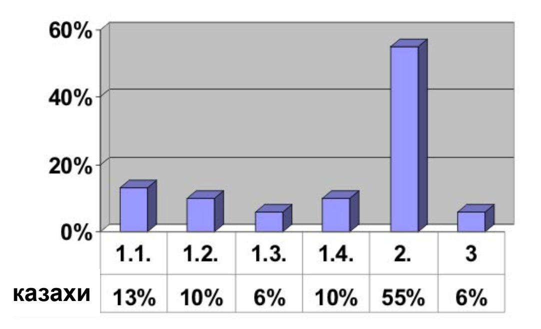

Рис. 4. *Распределение семантического поля на понятие «время» у казахских респондентов с позиции уровневого подхода*

В таблице 5 представлено распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у казахских респондентов.

Анализ результатов показал, что для всей выборки казахских респондентов характерно преимущественно представление понятия «время» на культурном уровне представлений, которому соответствуют ассоциации 2-го уровня К-видения (55 % всех ассоциаций): день, годы, ночь, утро, секунда, месяц, бесконечность, век, вечер, минуты, зима, лето, осень, весна, закат, период, сегодня, неделя, вечность, столетие, завтра, грядущее, события, этапы жизни, пора, эпоха, минувшее, предыдущее, истекшее, былое, предшествующее, рассвет, час, квартал, тысячелетие, эра, размерность, время суток, времена года, вчера, этап, стадия, дата, сутки, прошлое, будущее, настоящее, скорость.

Для казахских респондентов характерно представление времени на перцептивном уровне представлений, которому соответствуют ассоциации 1-го уровня К-видения:

• время представлено через события, переживаемые во времени (13 % всех ассоциаций): часы, работа, купаться, новости, режим, досуг, трата, учеба, завтрак, обед, полдник, ужин, полдень, полночь, ожидание, события;

• время представлено как субъективный эндогенный процесс организма, индивидуальные особенности восприятия времени (10 % всех ассоциаций): холодно, молодость, жара, дефицит, избыток, миг, момент, полноценное, невидимость, промежуток, быстрота, остановка, таймер, скоротечность, ограничение;

Таблица 5

Распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у казахских респондентов

КАЗАХИ 525 ассоциаций					
Уровень 1 39 %				**Уровень 2 Физическое время 288 ассоциаций 55 %**	**Уровень 3 Экзистенциальное время 33 ассоциации 6 %**
1.1. События, переживаемые во времени 66 ассоциаций 13 %	**1.2. Образная символика времени 51 ассоциация 10 %**	**1.3. Последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний 33 ассоциации 6 %**	**1.4. Субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени 54 ассоциации 10 %**		
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Часы 21	Воздух 6	Старость 9	Холодно 6	День 15	Жизнь 15
Работа 6	Дорога 6	День рождения 6	Быстрота 6	Годы 12	Космос 6
Купаться 3	Кукушка 3	Детство 6	Остановка 6	Ночь 12	История 3
Новости 3	Дождь 3	Юность 3	Молодость 3	Утро 12	Любовь 3
Режим 3	Снег 3	Зрелость 3	Жара 3	Прошлое 12	Смерть 3

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
Трата 3	Град 3	Рождение 3	Дефицит 3	Будущее 12	Истина 3
Учеба 3	Молния 3	Возраст 3	Избыток 3	Настоящее 12	
Завтрак 3	Гром 3		Миг 3	Секунда 9	
Обед 3	Ветер 3		Момент 3	Месяц 9	
Полдник 3	Календарь 3		Полноценное 3	Бесконечность 9	
Ужин 3	Река 3		Невидимость 3	Век 9	
Полдень 3	Деньги 3		Промежуток 3	Вечер 9	
Полночь 3	Круг 3		Таймер 3	Минуты 6	
Ожидание 3	Стрелки 3		Скоротечность 3	Мгновение 6	
События 3	Цифры 3		Ограничение 3	Зима 6	
				Лето 6	
				Осень 6	
				Весна 6	
				Закат 6	
				Период 6	

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
				Этап 6	
				Стадия 6	
				Неделя 6	
				Вечность 6	
				Столетие 6	
				Завтра 6	
				Грядущее 6	
				Этапы жизни 3	
				Пора 3	
				Эпоха 3	
				Минувшее 3	
				Предыдущее 3	
				Истекшее 3	
				Былое 3	
				Предшествующее 3	

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6
				Рассвет 3	
				Час 3	
				Квартал 3	
				Тысячелетие 3	
				Эра 3	
				Размерность 3	
				Время суток 3	
				Времена года 3	
				Вчера 3	
				Сегодня 3	
				Дата 3	
				Сутки 3	
				Скорость 3	

• время отражает явления, длящиеся во времени, – образная символика (10 % всех ассоциаций): кукушка, дождь, снег, град, молния, гром, ветер, календарь, река, деньги, воздух, дорога, круг, стрелки, цифры;

• время представлено как последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний (6 % всех ассоциаций): юность, зрелость, день рождения, детство, рождение, возраст, старость.

Наименее всего представлено время на метафорическом уровне (6 % всех ассоциаций): истина, космос, история, любовь, смерть, жизнь.

Нивхские респонденты

В исследовании приняло участие 30 человек нивхских респондентов, которые дали 241 ассоциацию на понятие «время».

На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для нивхских респондентов отражение в сознании понятия «время».

У 27–40 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *работа, море, часы, деньги, учеба, отдых, семья, молодость, старость, возраст, детство, ветер*.

У 10–23 % респондентов понятие «время» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *солнце, луна, звезды, океан, год, стрелка, берег, река, рыбалка, снег песок, дождь.*

На рисунке наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «время» по уровням у нивхских респондентов (см. рис. 5).

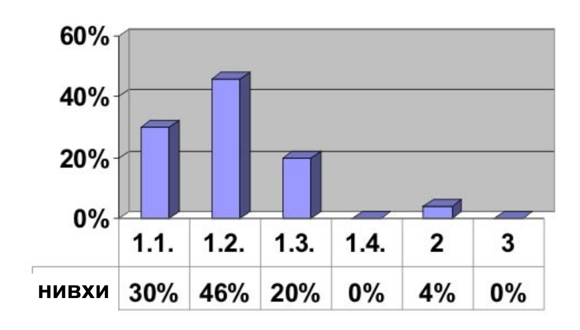

Рис. 5. *Распределение семантического поля на понятие «время» у нивхских респондентов с позиции уровневого подхода*

В таблице 6 представлено распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у нивхских респондентов.

Таблица 6

Распределение семантических универсалий на понятие «время» по уровням у нивхских респондентов

НИВХИ 164 ассоциации					
Уровень 1 96 %				**Уровень 2 Физическое время 6 ассоциаций 4 %**	**Уровень 3 Экзистенциальное время 0 ассоциаций 0 %**
1.1. События, переживаемые во времени 50 ассоциаций 30 %	**1.2. Метафоры 76 ассоциаций 46 %**	**1.3. Последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний 32 ассоциации 20 %**	**1.4. Субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени 0 ассоциаций 0 %**		
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Работа 12	Море 10	Молодость 8		Год 6	
Часы 10	Деньги 8	Старость 8			
Учеба 8	Ветер 8	Возраст 8			
Отдых 8	Солнце 7	Детство 8			
Семья 8	Луна 7				

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5	6
Рыбалка 4	Звезды 7				
	Океан 6				
	Стрелка 5				
	Берег 5				
	Река 4				
	Песок 3				
	Дождь 3				
	Снег 3				

Анализ результатов показал, что для всей выборки нивхских респондентов характерно преимущественно представление понятия время на перцептивном уровне представлений, которому соответствуют выделенные нами ассоциации 1-го уровня К-видения:

• высокий процент занимают ассоциации, вошедшие в уровень 1.2 – образная символика времени (46 % всех ассоциаций): море, деньги, ветер, солнце, луна, звезды, океан, стрелка, берег, река, песок, дождь, снег;

• высокий процент также занимают ассоциации, вошедшие в уровень 1.1 – события, переживаемые во времени (30 % всех ассоциаций): часы, семья, работа, учеба, отдых, рыбалка;

• время представлено и как последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний – уровень 1.3 (20 % всех ассоциаций): молодость, старость, возраст, детство.

Понятие «время» представлено на культурном уровне представлений, которому соответствуют ассоциации 2-го уровня К-видения (4 % всех ассоциаций): год.

Интересен тот факт, что у нивхских респондентов не выявлены представления о времени на метафорическом уровне, которому соответствуют ассоциации 3-го уровня К-видения.

Сравнительный анализ по группам

Сравнительный анализ распределения универсалий по уровням осуществлялся при помощи коэффициента корреляции Спирмена (ρ_s). В общем коэффициент корреляции Спирмена, как любой другой коэффициент корреляции, применяется в том случае, когда необходимо оценить степень близости (связи) двух категорий. В нашем случае коэффициент Спирмена применялся для оценки близости двух групп в представлении понятия «время». Цель анализа – выяснить, какие группы наиболее похожи в представлении понятия времени. В таблицах 7 и 8 представлены результаты корреляционного анализа на понятие «время» и сравнительный анализ оценок времени людьми разных национальностей.

Таблица 7

Результаты корреляционного анализа на понятие «время»

Уровни	**Национальность**							
	китайцы	**ранг, китайцы**	**казахи**	**ранг, казахи**	**нивхи**	**ранг, нивхи**	**русские**	**ранг, русские**
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
1.1	11	3	13	2	30	2	27	2

Окончание таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.2	9	4	10	3	46	1	5	6
1.3	2	6	6	5	20	3	10	4
1.4	17	2	10	4	0	5	6	5
2	55	1	55	1	4	4	38	1
3	6	5	6	6	0	6	13	3

Операции с рангами	**d1–d2**	**(d1–d2)^2**	**d1–d3**	**(d1–d3)^2**	**d1–d4**	**(d1–d4)^2**	**d2–d3**	**(d2–d3)^2**	**d2–d4**	**(d2–d4)^2**	**d3–d4**	**(d3–d4)^2**
1.1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0
1.2	1	1	3	9	–2	4	2	4	–3	9	–5	25
1.3	1	1	3	9	2	4	2	4	1	1	–1	1
1.4	–2	4	–3	9	–3	9	–1	1	–1	1	0	0
2	0	0	–3	9	0	0	–3	9	0	0	3	9
3	–1	1	–1	1	2	4	0	0	3	9	3	9
Сумма		8		38		22		18		20		44

Таблица 8

Сравнительный анализ оценок времени людьми разных национальностей

ρ Спирмена	**ρ эмпирическое**	**ρ критическое**	**Уровень значимости**	**Вывод**
казахи–китайцы	0,77	0,72	0,05	Казахи и китайцы одинаково оценивают время
китайцы–нивхи	–0,09			Китайцы и нивхи по-разному оценивают время
китайцы–русские	0,37			Китайцы и русские по-разному оценивают время
казахи–нивхи	0,49			Казахи и нивхи по-разному оценивают время
казахи–русские	0,43			Казахи и русские по-разному оценивают время
нивхи–русские	–0,26			Нивхи и русские по-разному оценивают время

Корреляционный анализ выявил, что категория время при $\rho_{кр}$ = *0,72* и р = *0,05* представляется одинаково только казахскими и китайскими респондентами (ρ_s = 0,77). Высокий уровень различий семантического наполнения категории «время» выявлен между русскими и нивхскими респондентами (ρ_s = 0,26); китайскими и нивхскими респондентами (ρ_s = 0,09); в меньшей степени представлен уровень различий между китайскими и русскими респондентами (ρ_s = 0,37); казахскими и нивхскими респондентами (ρ_s = 0,49); казахскими и русскими респондентами (ρ_s = 0,43).

Отражение в семантическом пространстве категории «время» у нивхских респондентов значимо отличается от представителей других этнических групп. Корреляционный анализ выявил у нивхов значимые различия со всеми этническими группами.

На рисунке 6 представлены результаты, полученные на группах сравнения методом ассоциативного эксперимента.

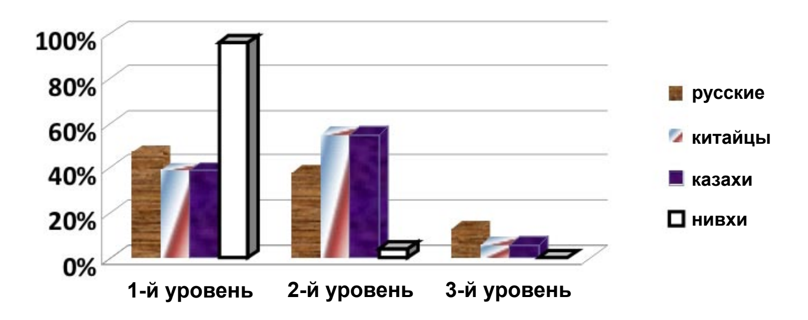

Рис. 6. *Диаграмма распределения универсалий на понятие «время» по уровням*

Перцептивному уровню представлений соответствуют выделенные нами ассоциации 1-го уровня К-видения. Перцептивный уровень представлений преобладает у нивхов (96 %), затем следуют русские испытуемые (47 %), одинаковые показатели у казахских (39 %) и китайских (39 %) испытуемых. Анализ ассоциаций позволил выделить следующие подуровни:

1.1. События, переживаемые во времени: семантические универсалии «часы» и «работа» характерны для всех этнических групп, универсалия «завтрак» – для русских, китайцев и казахов; «учеба» – для русских, казахов и нивхов; «отдых» – для русских и нивхов; «обед», «ужин» и «ожидание» – для русских и казахов. На этом уровне самые

высокие показатели у нивхских (30 %) и русских (27 %) респондентов, затем следуют казахские (13 %) и китайские (11 %) испытуемые.

1.2. Образная символика времени: семантическая универсалия «река» характерна для всех этнических групп; универсалия «снег» – для китайцев, казахов и нивхов, «деньги» – для русских, казахов и нивхов, «луна» – для китайцев и нивхов, «дорога» – для русских и казахов, «песок» – для русских и нивхов, универсалии «дождь», «ветер» и «стрелки» встречаются у казахских и нивхских испытуемых. Образная символика времени преобладает у нивхов (46 %), затем следуют казахские (10 %), китайские (9 %) и русские (5 %) испытуемые.

1.3. Последовательность внутренних состояний, траектория в пространстве состояний: семантическая универсалия «старость» характерна для всех этнических групп; универсалии «детство» и «возраст» – для русских, казахов и нивхов, «юность» и «рождение» – для русских и казахов, универсалия «молодость» – для русских и нивхов. На этом уровне самые высокие показатели у нивхских (20 %) и русских (10 %) респондентов, затем следуют казахские (6 %) и китайские (2 %) испытуемые.

1.4. Время как субъективное переживание: ассоциация «миг» представлена во всех этнических группах; ассоциация «движение» – у русских и китайцев, «момент» – у китайцев и казахов. У нивхских респондентов вообще не выделились универсалии этого типа. У китайских респондентов – 17 %, у казахов – 10 %, у русских – 6 % ассоциаций.

Культурному уровню представлений соответствуют выделенные нами ассоциации 2-го уровня К-видения. Установлено, что у всех четырех групп респондентов понятие «время» представлено в образе мира как набор, упорядоченный самой природой, физическое время. Самые высокие показатели представлены у китайских и казахских респондентов (55 %), затем следуют русские испытуемые (38 %) и нивхские (4 %). Семантическая универсалия «год» характерна для всех этнических групп; универсалии «день», «минута», «секунда», «ночь», «утро», «лето», «осень», «зима», «весна», «настоящее», «прошлое», «будущее» и другие – характерны для русских, китайских и казахских респондентов. Установлено также, что у нивхских респондентов нет семантических универсалий, имеющих пересечения с другими группами.

Метафорическому уровню представлений соответствуют выделенные нами ассоциации 3-го уровня К-видения. Хотя ассоциации этого уровня у всех респондентов представлены в меньшей степени, тем не менее выявлены и определены межгрупповые различия: третий уровень преобладает у русских респондентов (13 %); у китайских и казахских респондентов глубинный уровень представлен одинаковыми показателями процентов (6 %). У нивхских респондентов ассоциации третьего уровня отсутствуют. Выявлены семантические универсалии,

характерные для всех этнических групп: «жизнь» и «история»; универсалия «пространство» встречается у русских и китайцев; универсалии «любовь» и «смерть» – у русских и казахов. У нивхских респондентов отсутствуют семантические универсалии, характерные для этого уровня.

3.2.2. Результаты семантического дифференциала

Исследование представлений о времени было дополнено методом семантического дифференциала. По мнению Ч. Э. Осгуда, он позволяет измерять так называемые коннотативные значения, т. е. «добавочные» семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски.

Процедура проведения семантического дифференциала

Материал: испытуемому предлагается набор из 50 прилагательных, расположенных парами и снабженных шкалами с цифрами от 0 до 3.

Инструкция: Подумайте о том, что такое **время** (**пространство).** Не конкретно **время (пространство)** вашей жизни или настоящего момента (места проживания, нахождения), а **время (пространство)** в глобальном понимании. Перед вами набор шкал. Каждая представляет собой пару противоположных по значению прилагательных. Оцените понятие «время (пространство)», исходя из вашего представления о нем. Оцените, пожалуйста, ваше представление о **времени** (**пространстве)** следующим образом. Перед вами список попарно сгруппированных прилагательных, выражающих качественно противоположные характеристики оцениваемого понятия. Обведите в кружок цифру (из ряда 3210123), которая, по вашему мнению, наиболее точно определяет степень выраженности данного конкретного качества (характеристики) у понятия **«время (пространство)»**, при условии, что 0 – качество не выражено; 1 – слабо выражено; 2 – средне выражено; 3 – сильно выражено.

Например: вы выбираете из пары «слабый–сильный» характеристику «слабый» и полагаете, что это качество у понятия **«время (пространство)»** выражено сильно, тогда из ряда цифр 3210123, между словами «слабый – сильный», обведите цифру 3, ту, которая ближе к слову «слабый», т. е. левее от 0 – центра шкалы. Просим вас не пропускать пар слов и сделать свой выбор по каждой паре.

ПРИМЕЧАНИЕ: Необходимо выбирать и оценивать понятие каждый раз только одним словом из пары!

БЛАГОДАРИМ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

легкий	3 2 1 0 1 2 3	тяжелый
радостный	3 2 1 0 1 2 3	печальный
слабый	3 2 1 0 1 2 3	сильный
плохой	3 2 1 0 1 2 3	хороший
большой	3 2 1 0 1 2 3	маленький
темный	3 2 1 0 1 2 3	светлый
активный	3 2 1 0 1 2 3	пассивный
противный	3 2 1 0 1 2 3	приятный
горячий	3 2 1 0 1 2 3	холодный
хаотичный	3 2 1 0 1 2 3	упорядоченный
гладкий	3 2 1 0 1 2 3	шершавый
простой	3 2 1 0 1 2 3	сложный
расслабленный	3 2 1 0 1 2 3	напряженный
влажный	3 2 1 0 1 2 3	сухой
родной	3 2 1 0 1 2 3	чужой
мягкий	3 2 1 0 1 2 3	твердый
дорогой	3 2 1 0 1 2 3	дешевый
быстрый	3 2 1 0 1 2 3	медленный
злой	3 2 1 0 1 2 3	добрый
жизнерадостный	3 2 1 0 1 2 3	унылый
любимый	3 2 1 0 1 2 3	ненавистный
свежий	3 2 1 0 1 2 3	гнилой
умный	3 2 1 0 1 2 3	глупый
острый	3 2 1 0 1 2 3	тупой
чистый	3 2 1 0 1 2 3	грязный

Ключ к семантическому дифференциалу на понятия «время» и «пространство»

+	легкий	3 2 1 0 1 2 3	тяжелый	–
+	радостный	3 2 1 0 1 2 3	печальный	–
–	слабый	3 2 1 0 1 2 3	сильный	+
–	плохой	3 2 1 0 1 2 3	хороший	+
+	большой	3 2 1 0 1 2 3	маленький	–
–	темный	3 2 1 0 1 2 3	светлый	+
+	активный	3 2 1 0 1 2 3	пассивный	–

–	противный	3 2 1 0 1 2 3	приятный	+
+	горячий	3 2 1 0 1 2 3	холодный	–
–	хаотичный	3 2 1 0 1 2 3	упорядоченный	+
+	гладкий	3 2 1 0 1 2 3	шершавый	–
–	простой	3 2 1 0 1 2 3	сложный	+
+	расслабленный	3 2 1 0 1 2 3	напряженный	–
–	влажный	3 2 1 0 1 2 3	сухой	+
+	родной	3 2 1 0 1 2 3	чужой	–
+	мягкий	3 2 1 0 1 2 3	твердый	–
+	дорогой	3 2 1 0 1 2 3	дешевый	–
+	быстрый	3 2 1 0 1 2 3	медленный	–
–	злой	3 2 1 0 1 2 3	добрый	+
+	жизнерадостный	3 2 1 0 1 2 3	унылый	–
+	любимый	3 2 1 0 1 2 3	ненавистный	–
+	свежий	3 2 1 0 1 2 3	гнилой	–
+	умный	3 2 1 0 1 2 3	глупый	–
+	острый	3 2 1 0 1 2 3	тупой	–
+	чистый	3 2 1 0 1 2 3	грязный	–

Факторный анализ проводился с помощью метода выделения главных компонент с нормализацией Кайзера. Этот вид анализа позволяет структурированно описать итоги объемных методик за счет выделения ограниченной факторной структуры. Цель анализа – выделить факторы различия в представлении категорий «пространство» и «время» у людей разных этнических групп.

В рамках проведения данного вида анализа мы ограничились трехфакторной структурой, т. к. это позволило нам выделить наиболее значимое в структуре представления времени.

Русские респонденты

Таблица 9

Факторная структура времени у русских респондентов

№ фактора	**Название фактора**	**Вклад фактора (% общей дисперсии)**
1	«Добрый»	20,5
2	«Гладкий»	18,8
3	«Активный»	7,5

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 46,8 %) являются:

Фактор 1

Добрый (0,746), любимый (0,724), жизнерадостный (0,707), родной (0,687), радостный (0,642), хороший (0,571), чистый (0,518), легкий (0,517), горячий (0,514), приятный (0,503).

Фактор 2

Гладкий (0,782), сухой (0,769), большой (0,710), расслабленный (0,708), острый (0,663), дешевый (–0,561).

Фактор 3

Активный (0,652), быстрый (0,645), сложный (0,611), умный (0,591).

Метод семантического дифференциала показал, что для русской этнической группы характерны следующие факторы: добрый, гладкий, активный.

Китайские респонденты

Таблица 10

Факторная структура времени у китайских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Добрый»	20,0
2	«Жизнерадостный»	15,9
3	«Пассивный»	13,9

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 49,7 %) являются:

Фактор 1

Добрый (0,918), приятный (0,832), любимый (0,797), сложный (0,700), напряженный (–0,678), тяжелый (–0,533).

Фактор 2

Жизнерадостный (0,819), быстрый (0,710), горячий (0,706), светлый (0,637), радостный (0,618), свежий (0,549), умный (0,500).

Фактор 3

Пассивный (–0,8002), большой (0,680), острый (0,643), хаотичный (–0,602), мягкий (0,518).

Метод семантического дифференциала показал, что для китайской этнической группы характерны следующие факторы: добрый, жизнерадостный, активный.

Казахские респонденты

Таблица 11

Факторная структура времени у казахских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Жизнерадостный»	24,5
2	«Гладкий»	12,3
3	«Активный»	10,3

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 47,0 %) являются:

Фактор 1

Жизнерадостный (0,834), добрый (0,672), чистый (0,659), сильный (0,656), любимый (0,608), хороший (0,591), острый (0,584), умный (0,574), сухой (0,542), родной (0,527), свежий (0,510).

Фактор 2

Гладкий (0,784), радостный (0,745), легкий (0,731), расслабленный (0,547).

Фактор 3

Активный (0,651), дорогой (0,625), приятный (0,609), холодный (–0,598), светлый (0,566), большой (0,501).

Метод семантического дифференциала показал, что для казахской этнической группы характерны следующие факторы: жизнерадостный, гладкий, активный.

Нивхские респонденты

Таблица 12

Факторная структура времени у нивхских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Свежий»	24,8
2	«Чистый»	15,5
3	«Пассивный»	11,1

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 51,4 %) являются:

Фактор 1

Свежий (0,780), любимый (0,768), хороший (0,749), добрый (0,738), жизнерадостный (0,701), радостный (0,685), приятный (0,654), родной (0,604).

Фактор 2

Чистый (0,847), умный (0,713), острый (0,706), гладкий (0,706), упорядоченный (0,706), сильный (0,656), быстрый (0,637), добрый (0,635), сухой (0,604).

Фактор 3

Пассивный (–0,562), расслабленный (0,560), легкий (0,532), большой (0,531).

Метод семантического дифференциала показал, что для нивхской этнической группы характерны следующие факторы: свежий, чистый, пассивный.

В таблице 13 представлены факторные различия в восприятии категории «время» представителями разных этнических групп.

Таблица 13

Ведущие факторы, характерные для всех этнических групп на понятие «время»

	Русские	**Китайцы**	**Казахи**	**Нивхи**
Фактор 1	Добрый	Добрый	Жизнерадостный	Свежий
Фактор 2	Гладкий	Жизнерадостный	Гладкий	Чистый
Фактор 3	Активный	Пассивный	Активный	Пассивный

Исследование временных представлений нами было дополнено методом пиктограмм.

3.2.3. Результаты метода пиктограмм

В основу анализа пиктограмм данного исследования лег принцип анализа пиктограмм, предложенный В. П. Яссманом, Л. В. Яссман. Авторами был предложен геометро-динамический подход как теоретическое

основание для построения модели исследования[154]. С их точки зрения, геометро-динамические паттерны составляют чувственную и пространственную матрицу познания и проявляют себя в контексте всего смыслового пространства внутреннего мира человека, смысловой системы его отношений с миром и с самим собой в мире, возникают и действуют в этом пространстве, образуя чувственно-пространственный слой понятий. Геометро-динамические образы выступают кодом (языком) мышления, с помощью которого строится образ проблемной ситуации. В. П. Яссман заключает, что геометро-динамическая образность составляет глубинный семантический слой познания и фиксирует систему семантических отношений, закрепленную в житейских и научных понятиях и категориях, в том числе таких универсальных, как время и пространство. Поэтому прием рисования понятий позволяет раскрывать и обсуждать их смысловое содержание и тем самым проникать в их глубинную суть.

«В зависимости от субъективного индивидуализированного понимания различных понятий и категорий, их содержание на языке геометро-динамической образности раскрывается в контексте пространственно-временных координат. Например, многочисленными исследованиями (M. Bang, 1991; M. Leyton, 1992 и др.) установлено, что большинством людей покой и стабильность передаются преимущественно горизонтальной линейной динамикой, вертикальные линии будут передавать большее возбуждение и стремление вверх, а диагонали – большие степени напряженности. При этом формирование образа осуществляется в контексте Образа мира человека как носителя определенных этнокультурных стереотипов и той географической среды, в которой он вырос», – пишет В. П. Яссман. Вместе с тем абстрактная геометро-динамика отражает в первую очередь внутренние и микрогенетические процессы ощущаемого смысла и в меньшей степени обычные, культурно-определяемые коды для соотносительного указания, что выводит рисунки за пределы их самих и связывает их с референтом, определяющим их смысл.

Авторами были выделены критерии, с помощью которых оценивалось качество времени и пространства: статичность–динамичность; замкнутость–открытость; стабильность–нестабильность; абстрактность–конкретность.

---

[154] *Яссман, В. П. Сравнительное исследование представлений о пространстве у лиц разных национальностей / В. П. Яссман, Л. В. Яссман // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. 23–25 мая 2008 г. : в 2 т. – Хабаровск : изд-во ДВГУПС, 2008. – Т. 1. – С. 89–94.*

Процедура проведения метода пиктограмм

Процедура диагностики довольно проста: испытуемым предлагается нарисовать **время (пространство).** Исследовались особенности раскрытия ими категории **«время (пространство)»** в графическом образе. В основу анализа пиктограмм данного исследования лег принцип анализа пиктограмм, предложенный В. П. Яссманом, Л. В. Яссман. Авторами были выделены критерии, с помощью которых оценивалось качество времени и пространства. Анализ полученных результатов (рисунков) осуществлялся путем выявления тем, раскрывающих категории «время» и «пространство» и качества времени и пространства, раскрываемого в графических образах. Основаниями для оценки качества времени были темы раскрытия категорий «пространство» и «время» и геометро-динамический характер самих графических образов. Качество времени и пространства оценивалось по следующим критериям: статичность–динамичность; замкнутость–открытость; стабильность–нестабильность; абстрактность–конкретность.

Русские респонденты

Частотный анализ изображений времени у русских респондентов выявил большое разнообразие тем, раскрывающих эту категорию. В таблице 14 представлены результаты частотного анализа тем (см. табл. 14).

Таблица 14

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «время» русскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Часы	17	20
Вода	12	14
Стрела развития	10	12
Расцвет и увядание	7	8
Природа	5	6
Времена года	3	4
День и ночь	3	4
Спираль бесконечности	3	4
День	3	4
Пространство жизнедеятельности	3	4
Человек, идущий в прошлое	2	2

Окончание таблицы 14

Темы	Количество тем	%
Дорога	2	2
Песок	1	1
Расцвет	1	1
Смена погоды	1	1
Смена настроения	1	1
Человек, идущий в будущее	1	1
Волна	1	1
Движение	1	1
Круг	1	1
Время старое и время новое	1	1
Настоящее и прошлое время	1	1
Цифры	1	1
Ожидание	1	1
Радость	1	1
Смена дня и ночи	1	1

Из таблицы 14 видно, что при изображении времени у русских респондентов преобладают темы: часы, вода, стрела развития, расцвет и увядание, природа, времена года, день и ночь, спираль бесконечности, день, пространство жизнедеятельности.

Китайские респонденты

В таблице 15 представлены результаты частотного анализа тем (см. табл. 15).

Таблица 15

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «время» китайскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Часы	10	24
Река	6	14
Человек, идущий в будущее	3	7
Стрела развития	3	7

Окончание таблицы 15

Темы	Количество тем	%
Предметы жизнедеятельности	3	7
День	2	6
День и ночь	2	6
Деньги	2	6
Ограниченность времени	1	2
Спираль бесконечности	1	2
Человек, плывущий в лодке	1	2
Радость	1	2
Любовь к Богу	1	2
Круг	1	2
Семья	1	2
Движение вперед	1	2
Ожидание отдыха	1	2
Расцвет и увядание	1	2
Работа	1	2

Из таблицы видно, что при изображении времени у китайских респондентов преобладают темы: часы, река, человек, идущий в будущее, стрела развития, предметы жизнедеятельности.

Казахские респонденты

В таблице 16 представлены результаты частотного анализа тем (см. табл. 16).

Таблица 16

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «время» казахскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Часы	16	36
Вода	3	7
Стрела развития	2	4
Радость	2	4

Окончание таблицы 16

Темы	Количество тем	%
Время живое	2	4
Ночь	2	4
День и ночь	2	4
Развитие	1	2
Куб	1	2
Расцвет и увядание	1	2
Природа	1	2
Человек и природа	1	2
День	1	2
Пространство жизнедеятельности	1	2
Эволюция	1	2
Бесконечность	1	2
Прошлое и настоящее	1	2
Лето	1	2
Преемственность поколений	1	2
Отдых	1	2
Уходящее время	1	2
Ожидание	1	2
Скачка в прошлое	1	2

Из таблицы 16 видно, что при изображении времени у казахских респондентов преобладают темы: часы, вода.

Нивхские респонденты

В таблице 17 представлены результаты частотного анализа тем (см. табл. 17).

Таблица 17

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «время» нивхскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Часы	16	40
Предметы жизнедеятельности	4	10

Окончание таблицы 17

Темы	Количество тем	%
Работа	4	10
Цикличность времени	3	8
Стрела развития	2	5
Год	2	5
Море	2	5
Круг	1	2
Зима	1	2
Дождь	1	2
Ромб	1	2
Семья	1	2
Овал	1	2
Время живое	1	2

Из таблицы 17 видно, что при изображении времени у нивхских респондентов преобладают темы: часы, предметы жизнедеятельности, работа, цикличность времени.

Сводный сравнительный анализ тем, раскрывающих категорию «время», показывает, что русские преимущественно раскрывают категорию «время» темами: часы, вода, стрела развития, расцвет и увядание, природа, времена года, день и ночь, спираль бесконечности, день, пространство жизнедеятельности. Китайцы – темами: часы, река, человек, идущий в будущее, стрела развития, пространство жизнедеятельности. Казахи – темами: часы, вода. Нивхи – темами: часы, предметы жизнедеятельности, работа, цикличность времени.

При частотном анализе изображений времени у всех респондентов преобладают темы часов, воды, стрелы развития, предметов жизнедеятельности, затем темы расцвета и увядания, дня и ночи, дня, круга, ожидания, далее время представлено темами семьи, природы и движения и другие темы. На рисунке 7 представлены сводные сравнительные показатели тем, раскрывающих понятие «время» у лиц разных национальностей.

Основаниями для оценки качества времени, раскрываемого в графических образах, были темы раскрытия категории «время» и геометро-динамический характер самих графических образов.

Сводный сравнительный анализ качества времени, раскрываемого в графических образах, на основании выраженности критериев и мето-

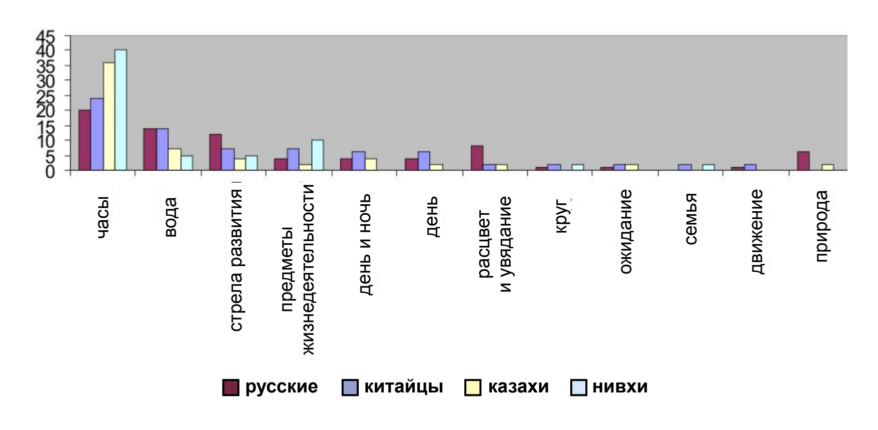

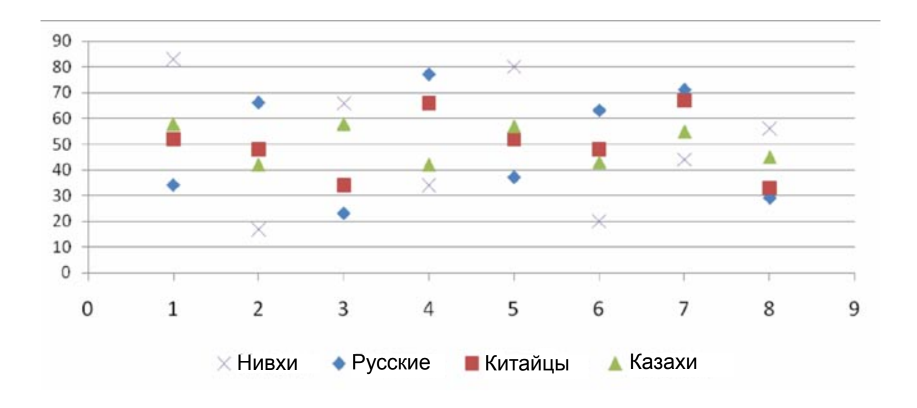

Рис. 7. *Сводные сравнительные показатели тем, раскрывающих понятие «время» у лиц разных национальностей*

да экспертной оценки позволил составить профили качества времени по всем респондентам (см. табл. 18). Качественный анализ осуществлялся путем экспертной оценки. В качестве экспертов выступили 10 человек, имеющих высшее психологическое образование, – преподаватели Сахалинского государственного университета.

Таблица 18

Сводные сравнительные показатели профилей качества изображения времени по всем критериям анализа графических образов у разных этнических групп

Этносы	Статичность %	Динамичность %	Замкнутость %	Открытость %	Стабильность %	Нестабильность %	Абстрактность %	Конкретность %
Русские	34	66	23	77	37	63	71	29
Китайцы	52	48	34	66	52	48	67	33
Казахи	58	42	58	42	57	43	55	45
Нивхи	83	17	66	34	80	20	44	56

1 – статичность; 2 – динамичность; 3 – замкнутость; 4 – открытость;
5 – стабильность; 6 – нестабильность; 7 – абстрактность; 8 – конкретность

Рис. 8. *Сводные сравнительные показатели профилей качества изображения времени по всем критериям анализа графических образов у разных этнических групп (%)*

Результаты геометро-динамического анализа пиктограмм на понятие «время» представлены на рисунке 8 (см. рис. 8).

Критерии, с помощью которых оценивалось качество времени, раскрываемого в графических образах, обнаруживают следующее тематическое наполнение.

Статичность представлена такими образами, как: часы; предметы жизнедеятельности; шкала времени; цифры; радующийся человек; солнце; луна; день; линия с очерченными границами; улыбка; сердце; семья; деньги; машина; остров в море; дом; природа.

Динамичность – река; водопад; времена года; песок, сыплющийся сквозь пальцы; спираль; стрела развития; смена дня и ночи; смена погоды; три реки, впадающие в море; человек, поднимающийся по лестнице вверх; кувшин с выливающейся водой; гипербола; волнообразная линия; идущий человек; знак бесконечности; уплывающий корабль; скачущий всадник и др.

Замкнутость – часы; водопад; линия с очерченными границами; сердце с крестом внутри; стрела внутри куба; песочные часы; знак бесконечности; дом и др.

Открытость – природа; закат; смена времен года; одуванчик; песок; стрела развития; спираль; звезда; луна; солнце; облака; дождь;

листопад; трава; деревья; кувшин с выливающейся водой; лес; река; младенец; старик; девочка; человек, поднимающийся вверх по лестнице; человек, плывущий в лодке; улыбка; семья; деньги; машина; остров в море и др.

Стабильность – часы; одуванчик; река; линия с делением; дорога; цифры; солнце; радующаяся девочка; человек и природа; луна; пространство жизнедеятельности; радость; ночь; сон; работа; семья; предметы жизнедеятельности и др.

Нестабильность – бурлящая река; закат; спираль; стрела развития; смена дня и ночи; смена погоды; три реки, впадающие в море; река; человек, поднимающийся по лестнице вверх; кувшин с выливающейся водой; гипербола; волнообразная линия; идущий человек; знак бесконечности; стрелки, движущиеся по кругу; скачущий всадник; мчащийся поезд и др.

Абстрактность – природа; водопад; закат; одуванчик; песок; стрела развития; спираль; звезда; луна; облака; солнце; дождь; листопад; трава; деревья; кувшин с выливающейся водой; лес; река; младенец; старик; девочка; человек, поднимающийся по лестнице вверх; гипербола; волнообразная линия; идущий человек; знак бесконечности; стрелки, движущиеся по кругу; скачущий всадник; мчащийся поезд; спираль; улыбка; сердце; семья; деньги; машина; ноги, идущие вперед, и др.

Конкретность – часы; цифры; буква, обозначающая время.

Сводный сравнительный анализ качества времени, раскрываемого в графических образах, на основании выраженности критериев позволил составить профили качества времени по всем респондентам:

у русских время характеризуется динамичностью, открытостью, нестабильностью, абстрактностью (см. рис. 9).

у китайцев – статичностью, открытостью, стабильностью, абстрактностью (см. рис. 10).

у казахов – статичностью, замкнутостью, стабильностью, абстрактностью (см. рис. 11).

у нивхов – статичностью, замкнутостью, стабильностью, конкретностью (см. рис. 12).

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «время»	Профили качества времени
	Река Трава Бревно Камни Дерево	1. Природа 2. Вода	Динамичность Открытость Нестабильность Абстрактность
	Песок в руке, высыпающийся сквозь пальцы	Песок	Динамичность Открытость Нестабильность Абстрактность
	Спираль, переходящая в стрелу, направленную вверх	Спираль	Динамичность Открытость Нестабильность Абстрактность

Рис. 9. *Примеры пиктограмм на понятие «время» у русских респондентов*

Пиктограмма	**Изображение**	**Тема, раскрывающая категорию «время»**	**Профили качества времени**
	Улыбка	Радость	Статичность Открытость Стабильность Абстрактность
	Семья	Семья	Статичность Открытость Стабильность Абстрактность
	Доллар	Деньги	Статичность Открытость Стабильность Абстрактность

Рис. 10. *Примеры пиктограмм на понятие «время» у китайских респондентов*

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «время»	Профили качества времени
	Часы; окно с цветами, спящий человек в кровати	1. Часы 2. Ночь 3. Отдых	Статичность Замкнутость Стабильность Абстрактность
	Будильник с лицом человека	Радость	Статичность Замкнутость Стабильность Абстрактность
	Будильник; круг, разделенный наполовину линией, отделяющей день от ночи	1. Часы 2. День и ночь	1) Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность 2) Динамичность Нестабильность Абстрактность

Рис. 11. *Примеры пиктограмм на понятие «время» у казахских респондентов*

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «время»	Профили качества времени
	Часы	Часы	Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность
	Школа	Предметы жизнедеятельности	Статичность Замкнутость Стабильность Абстрактность
	Будильник с лицом человека	1. Часы 2. Время живое	Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность

Рис. 12. *Примеры пиктограмм на понятие «время» у нивхских респондентов*

3.3. *Представления о пространстве*

3.3.1. Результаты ассоциативного эксперимента

В основу критериев анализа ассоциаций были положены теоретические представления ученых (К. А. Абульхановой, Т. Н. Березиной, В. А. Москвиной, Т. Н. Муладжановой, В. В. Николаевой, В. В. Попович и др. (см. главу 1 раздел 1.2).

Представлены следующие аспекты анализа и описания категории «пространство»:

• через объекты окружающего человека мира;

• через движения объектов в пространстве;

• пространство отражено в сознании в форме понятия (научное знание о пространстве) и включает в себя конкретные физические характеристики пространства как научной категории;

• психологическое пространство переживаемое;

• представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях;

• внутреннее пространство;

• пространство–время личности;

• пространство–время детства.

На основе представлений о пространстве, описанных в науке, были выделены следующие уровни анализа ассоциаций.

Перцептивный уровень представлений, которому соответствуют ассоциации 1-го уровня К-видения. Выделены группы ассоциаций, которые описывают:

1.1. объекты окружающего человека мира;

1.2. движения объектов в пространстве.

Культурный уровень представлений, которому соответствуют ассоциации 2-го уровня К-видения. На этом уровне пространство отражено в сознании респондентов в форме понятия (научное знание о пространстве) и включает в себя конкретные физические характеристики пространства как научной категории.

Метафорический уровень представлений, которому соответствуют ассоциации 3-го уровня К-видения (образные аналогии). Формируется на базе второго уровня и отражает переход личности на теоретический уровень познания. Внутри ассоциации разбились на две подгруппы:

3.1. Психологическое пространство переживаемое; внутреннее пространство, пространство–время личности; пространство–время детства.

3.2. Экзистенциальные представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях.

Русские респонденты

Исследование проводилось с русскими респондентами (60 человек), проживающими на острове Сахалин. Всего у русских респондентов получено 1827 ассоциаций на понятие «пространство». На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для русских отражение в сознании понятия «пространство». Результаты ассоциативного эксперимента позволили получить данные о том, как может быть представлено понятие «пространство» в образе мира русских респондентов в целом.

У 35–65 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *небо, воздух, космос, море, бесконечность, пустота, мир, дом, земля, свобода.*

У 20–35 % респондентов называли ассоциации: *звезды, дорога, лес, город, солнце, ветер, поле, комната, планета, вселенная, жизнь, вода, время, галактика, площадь, улица, облака, помещение, океан.*

У 10–20 % респондентов назвали следующие ассоциации: *одиночество, природа, птица, пустыня, самолет, окно, простор, мысль, глубина, деревья, огонь, полет, человек, степь, страх, туман, дождь, луна, люди, равнина, цветы, страна, горы, долина, зеркало, луг, свет, тишина, необъятность, темнота, стена, движение, душа, территория, смерть, водопад, река, темнота.*

Меньше 10 % респондентов назвали следующие ассоциации: *широта, расстояние, скорость, снег, свет, любовь, счастье, низ, животные, невесомость, песок, бездна, воля, большой дом, ночь, атмосфера, сады, высь, семья, банка, объем, круг, холод, путь, белый, квартира, тетрадь, стол, чистота, сон, пропасть, верх, горе, окружение, дети, трава, часы, слова, магазин, ширина, машина, глобальность, машина, век, парашют, окружение, потолок, войны, колебание, далеко, высота, вечность, шар, горизонт, свежесть, гроза, высоко, остров, куб.*

Качественный анализ осуществлялся путем экспертной оценки. В качестве экспертов выступили 10 человек, имеющих высшее психологическое образование, – преподаватели Сахалинского государственного университета.

На рисунке 13 наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «пространство» по уровням у русских респондентов (см. рис. 13).

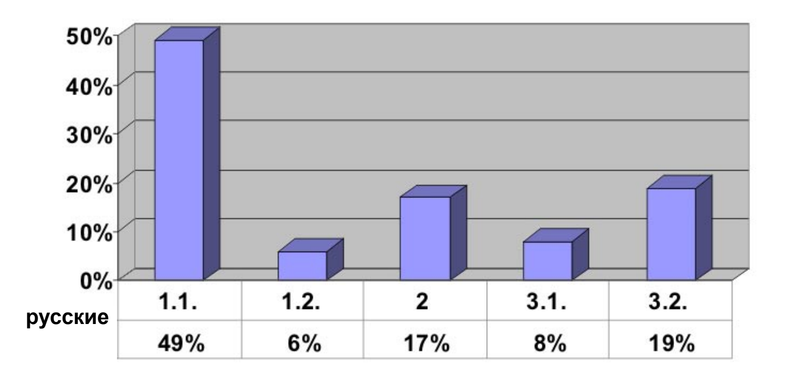

Рис. 13. *Распределение семантического поля на понятие «пространство» с позиции уровневого подхода у русских респондентов*

В таблице 19 представлено распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у русских респондентов.

Выяснилось, что в образе мира русских респондентов понятие «пространство» отражено преимущественно следующим образом:

• на перцептивном уровне представлений через объекты окружающего человека мира (49 % всех ассоциаций – уровень 1.1): звездное небо, дом, лес, город, солнце, ветер, поле, комната, вода, площадь, улица, облака, океан, помещение, пустыня, окно, природа, огонь, деревья, луна, люди, человек, равнина, дождь, степь, туман, цветы, страна, свет, луг, зеркало, горы, долина, водопад, река, стена;

• на метафорическом уровне представлений (19 % всех ассоциаций – уровень 3.2): бесконечность, пустота, мир, планета, вселенная, жизнь, время, галактика, свет, душа, смерть;

• на культурном уровне представлений (научное знание о пространстве), включает в себя конкретные физические характеристики пространства как научной категории (17 % всех ассоциаций – уровень 2): воздух, космос, море, земля, звезды, простор, глубина;

• на метафорическом уровне представлений как психологическое пространство (8 % всех ассоциаций – уровень 3.1): свобода, одиночество, мысль, страх, темнота, тишина, необъятность;

• на перцептивном уровне представлений через движение объектов в пространстве (6 % всех ассоциаций – уровень 1.2): птица, самолет, полет, движение, дорога.

Таблица 19

Распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у русских респондентов

Русские – 877 ассоциаций				
Уровень 1 55 %		**Уровень 2 17 %**	**Уровень 3 27 %**	
1.1. Пространство как объекты окружающего человека мира 430 ассоциаций 49 %	**1.2. Отражение движения в пространстве 57 ассоциаций 6 %**	**Пространство как научная категория 153 ассоциации 17 %**	**3.1. Психологическое пространство, переживаемое; внутреннее пространство, пространство–время личности; пространство–время детства 69 ассоциаций 8 %**	**3.2. Экзистенциальные представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях 167 ассоциаций 19 %**
1	**2**	**3**	**4**	**5**
Звездное небо 40	Дорога 20	Воздух 33	Свобода 21	Бесконечность 24
Дом 22	Птица 11	Космос 32	Одиночество 11	Пустота 23
Лес 19	Самолет 11	Море 26	Мысль 10	Мир 23
Город 19	Полет 9	Земля 22	Страх 8	Планета 17
Солнце 19	Движение 6	Звезды 20	Темнота 6	Вселенная 16
Ветер 19		Простор 10	Тишина 6	Жизнь 16
Поле 17		Глубина 9	Необъятность 6	Время 14

Продолжение таблицы 19

1	2	3	4	5
Комната 17				Галактика 14
Вода 15				Природа 11
Площадь 14				Свет 7
Улица 14				Душа 6
Облака 14				Смерть 6
Океан 13				
Помещение 13				
Пустыня 11				
Окно 11				
Природа 11				
Огонь 9				
Деревья 9				
Луна 8				
Люди 8				
Человек 8				
Равнина 8				
Дождь 8				
Степь 8				
Туман 8				
Цветы 7				
Страна 7				
Свет 7				

Окончание таблицы 19

1	2	3	4	5
Луг 7				
Зеркало 7				
Горы 7				
Долина 7				
Водопад 6				
Река 6				
Стена 6				

Китайские респонденты

В исследовании приняло участие 30 человек китайских респондентов, которые дали 383 ассоциации на понятие «пространство». На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для китайских респондентов отражение в сознании понятия «пространство».

- У 20–67 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *звезда, победа, атмосфера, море, космос, галактика, мир, планета, широкий, океан, небо, объем, вселенная, измерение, территория, глубина, север, юг, запад, восток, верх, невесомость, бог, душа, жизнь, луна, хорошо.*
- У 10–20 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *счастье, любовь, широта, вместимость.*

На рисунке 14 наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «пространство» по уровням у китайских респондентов (см. рис. 14).

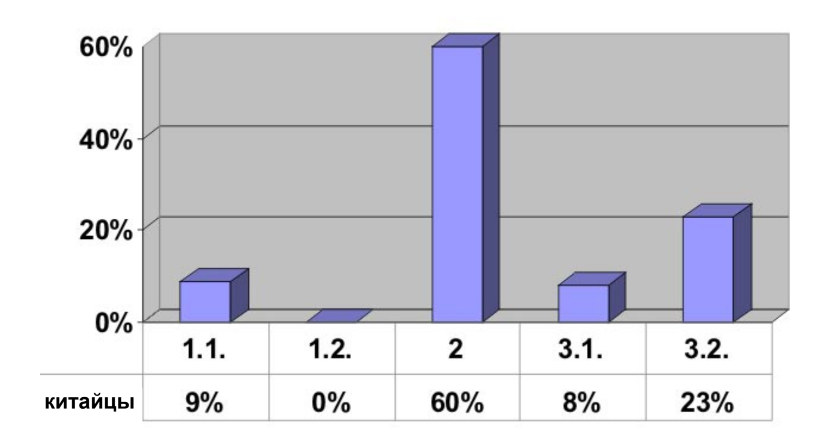

Рис. 14. *Распределение семантического поля на понятие «пространство» с позиции уровневого подхода у китайских респондентов*

В таблице 20 представлено распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у китайских респондентов.

Таблица 20

Распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у китайских респондентов

Китайцы – 258 ассоциаций				
Уровень 1 **9 %**		**Уровень 2** **60 %**	**Уровень 3** **31 %**	
1.1. Пространство как объекты окружающего человека мира **22 ассоциации** **9 %**	**1.2. Отражение движения в пространстве** **0 ассоциаций** **0 %**	**Пространство как научная категория** **156 ассоциаций** **60 %**	**3.1. Психологическое пространство, переживаемое; внутреннее пространство, пространство–время личности; пространство–время детства** **20 ассоциаций** **8 %**	**3.2. Экзистенциальные представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях** **60 ассоциаций** **23 %**
1	**2**	**3**	**4**	**5**
Небо 8		Звезда 20	Победа 14	Галактика 10
Океан 8		Атмосфера 12	Хорошо 6	Мир 8
Луна 6		Море 12		Планета 8
		Космос 12		Вселенная 8
		Широкий 8		Бог 6
		Объем 8		Душа 6
		Измерение 8		Жизнь 6
		Территория 8		Счастье 4
		Невесомость 8		Любовь 4
		Глубина 8		

Окончание таблицы 20

1	2	3	4	5
		Север 8		
		Юг 8		
		Запад 8		
		Восток 8		
		Верх 8		
		Вместимость 4		
		Широта 4		
		Земной шар 4		

Отметим, что для китайских респондентов характерно преимущественно представление о пространстве на культурном уровне представлений (60 % всех ассоциаций, уровень 2): звезда, атмосфера, море, космос, широкий, объем, измерение, территория, невесомость, глубина, север, юг, запад, восток, верх, вместимость, широта, земной шар.

Понятие «пространство» представлено следующими смысловыми категориями:

• на метафорическом уровне (экзистенциальные представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях) (23 % всех ассоциаций, уровень 3.2): галактика, мир, планета, вселенная, бог, душа, жизнь, счастье, любовь;

• на метафорическом уровне как психологическое пространство (8 % всех ассоциаций, уровень 3.1): хорошо, победа;

• на перцептивном уровне через объекты окружающего человека мира – 9 % всех ассоциаций (уровень 1.1): небо, океан, луна.

Представления через движения объектов в пространстве у китайских респондентов не выявлено.

Казахские респонденты

В исследовании приняло участие 30 человек казахских респондентов, которые дали 383 ассоциации на понятие «пространство». На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для казахских респондентов отражение в сознании понятия «пространство».

У 23–67 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *степь, космос, сфера, земля, солнце, луна, небо, широкое, горизонт, большое, узкое, простор, безразмерность, бесконечность, вселенная, планета.*

У 10–20 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *объем, высота, ширина, длина, звезды, координата, экватор, абстрактность, свет, азимут, широта, долгота, смерть, вера, неограниченность, необъятность, воздух, природа, атмосфера, дорога, ценность, личное, собственность, дорогое, свобода, величие, тьма, мысль, сон, красота, пустота.*

На рисунке 15 наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «пространство» по уровням у казахских респондентов (см. рис. 15).

В таблице 21 представлено распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у казахских респондентов.

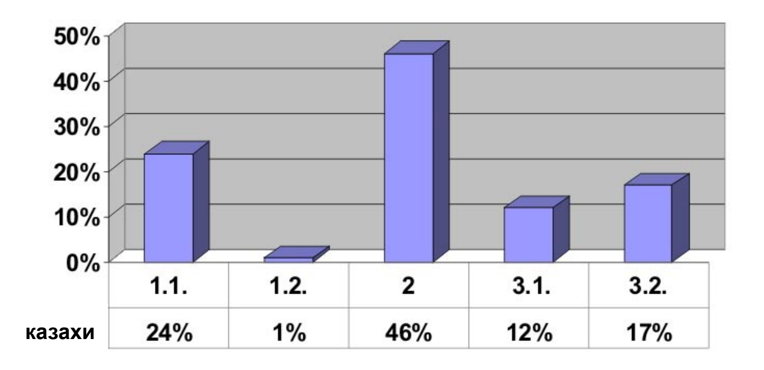

Рис. 15. *Распределение семантического поля на понятие «пространство» с позиции уровневого подхода у казахских респондентов*

Анализ результатов показал, что для всей выборки казахских респондентов характерно преимущественно представление пространства на культурном уровне (46 % всех ассоциаций, уровень 2): космос, сфера, земля, широкое, узкое, простор, объем, высота, ширина, длина, координата, экватор, азимут, широта, долгота, звезды, большое, атмосфера.

На втором месте понятие «пространство» отражено через объекты окружающего человека мира – перцептивный уровень представлений (24 % всех ассоциаций, уровень 1.1): степи, луна, солнце, небо, горизонт, воздух, природа.

На третьем месте понятие «пространство» отражено через представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях – метафорический уровень (17 % всех ассоциаций, уровень 3.2): абстрактность, вера, свет, смерть, безразмерность, бесконечность, вселенная, планета, неограниченность, мир, пустота.

На предпоследнем месте представлено психологическое пространство, переживаемое – метафорический уровень (12 % всех ассоциаций, уровень 3.1): необъятность, величие, дорогое, личное, мысль, пустота, свобода, собственность, сон, тьма, ценность, красота.

На последнем месте представлено отражение движения в пространстве – перцептивный уровень представлений (1 % всех ассоциаций, уровень 1.2): дорога.

Таблица 21

Распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у казахских респондентов

Казахи – 286 ассоциаций				
Уровень 1 25 %		**Уровень 2 46 %**	**Уровень 3 29 %**	
1.1. Пространство как объекты окружающего человека мира 68 ассоциаций 24 %	**1.2. Отражение движения в пространстве 3 ассоциации 1 %**	**Пространство как научная категория 131 ассоциация 46 %**	**3.1. Психологическое пространство, переживаемое; внутреннее пространство, пространство–время личности; пространство–время детства 34 ассоциации 12 %**	**3.2. Экзистенциальные представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях 50 ассоциаций 17 %**
1	**2**	**3**	**4**	**5**
Степи 20	Дорога 3	Космос 15	Необъятность 4	Безразмерность 7
Луна 12		Сфера 14	Ценность 3	Вселенная 7
Солнце 12		Земля 12	Личное 3	Планета 7
Небо 10		Широкое 10	Собственность 3	Бесконечность 6
Горизонт 8		Узкое 8	Дорогое 3	Абстрактность 4
Воздух 3		Простор 8	Свобода 3	Свет 4
Природа 3		Большое 8	Величие 3	Смерть 4
		Объем 6	Тьма 3	Вера 4
		Высота 6	Мысль 3	Неограниченность 4
		Ширина 6	Сон 3	Пустота 3

Окончание таблицы 21

1	**2**	**3**	**4**	**5**
		Длина 6	Красота 3	
		Звезды 6		
		Координата 5		
		Экватор 5		
		Азимут 5		
		Широта 4		
		Долгота 4		
		Атмосфера 3		

Нивхские респонденты

В исследовании приняло участие 30 человек нивхских респондентов, которые дали 371 ассоциацию на понятие «пространство». На основании частотного анализа были выделены универсалии. Частотный анализ ассоциаций позволил выявить наиболее характерное для нивхских респондентов отражение в сознании понятия «пространство».

У 20–60 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *небо, море, поля, океан, река, леса, дом, земля, природа.*

У 10–20 % респондентов понятие «пространство» ассоциируется в образе мира с такими категориями, как: *звезды, горы, куб, воздух, мяч, кислород, стройка, остров, площадь, вокзал, аэропорт, ракета, космонавт, батут, гимнаст, летчик, водопад, тишина, сон, наркоз, расстояние, годы, дети, дорога, деревья, кусты, вода.*

На рисунке 19 наглядно представлено распределение смыслового поля на понятие «пространство» по уровням у нивхских респондентов (см. рис. 16).

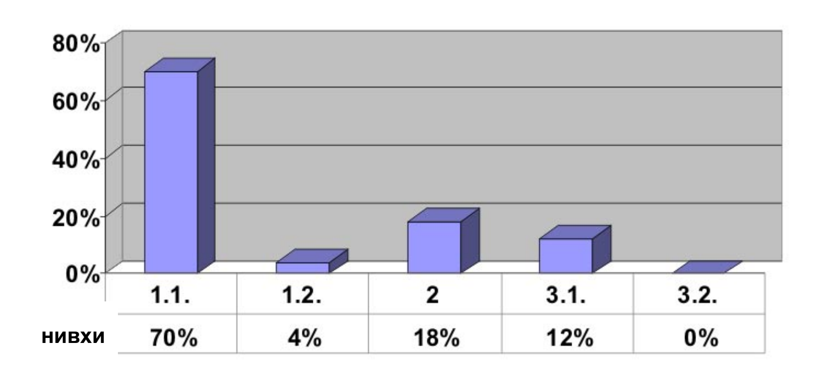

Рис. 16. *Распределение семантического поля на понятие «пространство» у нивхских респондентов с позиции уровневого подхода*

В таблице 22 представлено распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у нивхских респондентов.

Таблица 22

Распределение семантических универсалий на понятие «пространство» по уровням у нивхских респондентов

Нивхи – 150 ассоциаций				
Уровень 1 74 %		**Уровень 2 18 %**	**Уровень 3 8 %**	
1.1. Пространство как объекты окружающего человека мира 105 ассоциаций 70 %	**1.2. Отражение движения в пространстве 6 ассоциаций 4 %**	**Пространство как научная категория 27 ассоциаций 18 %**	**3.1. Психологическое пространство переживаемое; внутреннее пространство, пространство–время личности; пространство–время детства 12 ассоциаций 8 %**	**3.2. Экзистенциальные представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях 0 ассоциаций 0 %**
1	**2**	**3**	**4**	**5**
Поля 9	Ракета 3	Море 9	Сон 3	
Океан 9		Земля 6	Наркоз 3	
Небо 9		Воздух 3	Годы 3	
Река 9		Звезды 3	Дети 3	
Леса 6		Куб 3		
Дом 6		Расстояние 3		
Природа 6				
Мяч 3				

Окончание таблицы 22

1	2	3	4	5
Кислород 3				
Стройка 3				
Остров 3				
Площадь 3				
Вокзал 3				
Аэропорт 3				
Космонавт 3				
Батут 3				
Гимнаст 3				
Летчик 3				
Водопад 3				
Горы 3				
Города 3				
Вода 3				
Деревья 3				
Кусты 3				

Анализ результатов показал, что для всей выборки нивхских респондентов характерно представление пространства на перцептивном уровне – пространство представлено через объекты окружающего человека мира (70 % всех ассоциаций, уровень 1.1): небо, поля, океан, река, леса, дом, природа, мяч, кислород, стройка, остров, площадь, вокзал, аэропорт, космонавт, батут, гимнаст, летчик, водопад, горы, города, вода, деревья, кусты, влажность, комната, улица, город;

• пространство представлено на культурном уровне через конкретные физические характеристики пространства (18 % всех ассоциаций, уровень 2): море, воздух, звезды; земля, куб, расстояние;

• пространство представлено на метафорическом уровне как психологическое пространство, переживаемое (12 % всех ассоциаций, уровень 3.1): сон, наркоз, годы, дети;

• пространство представлено на перцептивном уровне через движения объектов в пространстве (4 % всех ассоциаций, уровень 1.2): ракета, дорога.

Представления человека, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях, у нивхских респондентов не выявлено.

Сравнительный анализ по группам

В таблицах 23 и 24 представлены результаты корреляционного анализа на понятие «пространство» и сравнительный анализ оценок пространства людьми разных национальностей.

Таблица 23

Результаты корреляционного анализа на понятие «пространство»

Уровни	**Национальность**							
	китайцы	**ранг, китайцы**	**казахи**	**ранг, казахи**	**нивхи**	**ранг, нивхи**	**русские**	**ранг, русские**
1.1	9	3	24	2	70	1	49	1
1.2	0	5	1	5	4	4	6	5
2	60	1	46	1	18	2	17	3
3.1	8	4	12	4	12	3	8	4
3.2	23	2	17	3	0	5	19	2

Операции с рангами	d1–d2	(d1–d2)^2	d1–d3	(d1–d3)^2	d1–d4	(d1–d4)^2	d2–d3	(d2–d3)^2	d2–d4	(d2–d4)^2	d3–d4	(d3–d4)^2
1.1	1	1	2	4	2	4	1	1	1	1	0	0
1.	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0	–1	1
2	0	0	–1	1	**–2**	4	–1	1	–2	4	–1	1
3.1	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0	–1	1
3.2	–1	1	–3	9	0	0	–2	4	1	1	3	9
Сумма		2		16		8		8		6		12

Таблица 24

Сравнительный анализ оценок пространства людьми разных национальностей

ρ Спирмена	ρ эмпирическое	ρ критическое	уровень значимости	Вывод
Казахи–китайцы	0,90	0,72	0,05	Казахи и китайцы одинаково оценивают пространство
Китайцы–нивхи	0,20			Китайцы и нивхи по-разному оценивают пространство
Китайцы–русские	0,60			Китайцы и русские по-разному оценивают пространство
Казахи–нивхи	0,60			Казахи и нивхи по-разному оценивают пространство
Казахи–русские	0,70			Казахи и русские по-разному оценивают пространство
Нивхи–русские	0,40			Нивхи и русские по-разному оценивают пространство

Корреляционный анализ выявил, что категория «пространство» при $\rho_{кр}$ = *0,72* и р = *0,05* воспринимается одинаково казахскими и китайскими респондентами (ρ_s = 0,90). Категория «пространство» представлена по-разному китайскими и нивхскими респондентами (ρ_s = 0,20); китайскими и русскими респондентами (ρ_s = 0,60); казахскими и нивхскими респондентами (ρ_s = 0,60); казахскими и русскими респондентами (ρ_s = 0,70); русскими и нивхскими респондентами (ρ_s = 0,40). Кор-

реляционный анализ показал, что семантическое наполнение категории «пространство» у русских и нивхских респондентов (проживающих в замкнутом пространстве острова) существенно отличается от казахских и китайских респондентов, проживающих в условиях открытого пространства.

На рисунке 17 представлены результаты, полученные на группах сравнения методом ассоциативного эксперимента (см. рис. 17).

Рис. 17. *Диаграмма распределения универсалий на понятие «пространство» по уровням*

Перцептивный уровень представлений (1-й уровень К-видения). На этом уровне самые высокие показатели у нивхских (74 %) респондентов, затем следуют русские испытуемые (55 %), затем казахские (25 %) и китайские (9 %) испытуемые.

Анализ ассоциаций позволил выделить следующие подуровни:

• Пространство как объекты окружающего человека мира: семантическая универсалия «небо» характерна для всех этнических групп, универсалия «океан» – для русских, китайцев и нивхов; «луна» – для русских, китайцев и казахов; «солнце» и «степи» – для русских и казахов; «дом», «лес», «город», «поле», «вода», «площадь», «природа» и «деревья» – для русских и нивхов. На этом уровне самые высокие показатели у нивхских (70 %) респондентов, затем следуют русские (49 %) респонденты, казахские (24 %) и китайские (9 %).

• Отражение движения в пространстве: птица, самолет, полет, движение, дорога. Причем чаще представлены ассоциации этого типа у русских респондентов (6 %), затем следуют нивхские (4 %) и казахские (1 %). У китайских испытуемых отражение движения в пространстве не выявлено.

Культурный уровень представлений (2-й уровень К-видения). Установлено, что у всех четырех групп понятие «пространство» представлено в своем изначальном значении – одна из основных форм существования материи и понимается как порядок расположения одновременно сосуществующих объектов: воздух, космос, сфера, простор, глубина, широкий, объем, измерение, территория, невесомость, высота, ширина, длина и др. Анализ показал, что семантическая универсалия «звезды» характерна для всех этнических групп; универсалия «космос» – для русских, китайцев и казахов; «море» – для русских, китайцев и нивхов; универсалия «земля» – для русских, казахов и нивхов; «воздух» – для русских и нивхов; «простор» – для русских и казахов; «глубина» – для русских и китайцев; «атмосфера», «широкое», «объем» и «широта» – для китайцев и казахов. Причем наибольшее количество универсалий второго уровня представлено у китайских (60 %) и казахских респондентов (46 %), затем следуют нивхские (18 %) и русские испытуемые (17 %).

Метафорический уровень представлений (3-й уровень К-видения). Хотя ассоциации этого уровня у всех респондентов представлены в меньшей степени, тем не менее выявлены и определены межгрупповые различия: ядерный, глубинный слой понимания пространства доминирует у китайских (31 %), казахских (29 %) и русских респондентов (27 %). Наименее всего представлен глубинный уровень у нивхских респондентов (8 %). Все универсалии этого уровня также можно, в свою очередь, разделить по типам:

• Психологическое пространство: «свобода» и «мысль» характерны для русских и казахских респондентов. У китайских и нивхских респондентов отсутствуют пересечения универсалий, характерных для этого уровня.

• Онтологические категории, воспринимаемые или переживаемые в пространственных категориях: «планета», «вселенная» характерны для русских, китайцев и казахов; «бесконечность», «пустота», «свет» и «смерть» – для русских и казахов; «мир», «жизнь» и «душа» – для русских и китайцев.

3.3.2. Результаты семантического дифференциала

Обработка результатов семантического дифференциала на понятие «пространство» осуществлялась через факторный анализ. В рамках проведения данного вида анализа мы ограничились трехфакторной структурой, т. к. это позволило нам выделить наиболее значимое в структуре представления пространства.

Русские респонденты

Таблица 25

Факторная структура пространства у русских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Светлый»	22,7
2	«Быстрый»	20,8
3	«Свежий»	6,7

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 50,2 %) являются:

Фактор 1

Светлый (0,830), радостный (0,761), легкий (0,748), расслабленный (0,740), мягкий (0,697), сухой (0,687), острый (0,672), гладкий (0,604), приятный (0,604).

Фактор 2

Быстрый (0,803), активный (0,673), жизнерадостный (0,656), горячий (0,552), родной (0,550).

Фактор 3

Свежий (0,629), добрый (0,579), упорядоченный (0,527), большой (0,519), любимый (0,516), сильный (0,515), хороший (0,501).

Понятие «пространство» у русских респондентов характеризуется как светлое, быстрое, свежее.

Китайские респонденты

Таблица 26

Факторная структура пространства у китайских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Жизнерадостный»	29,0
2	«Активный»	19,6
3	«Светлый»	10,3

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 58,9 %) являются:

Фактор 1

Жизнерадостный (0,894), приятный (0,882), свежий (0,854), любимый (0,813), добрый (0,764), дорогой (0,751), сильный (0,566), хороший (0,558).

Фактор 2

Активный (0,793), быстрый (0,791), твердый (0,701), умный (0,693), упорядоченный (0,663), хаотичный (–0,623).

Фактор 3

Светлый (0,652), расслабленный (0,638), чистый (0,624), горячий (0,607), влажный (–0,590), простой (–0,569), радостный (0,565), гладкий (0,554).

Понятие «пространство» у китайских респондентов характеризуется как жизнерадостное, активное, светлое.

Казахские респонденты

Таблица 27

Факторная структура пространства у казахских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Хороший»	30,4
2	«Родной»	10,8
3	«Большой»	8,8

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 50 %) являются:

Фактор 1

Хороший (0,796), чистый (0,790), приятный (0,774), светлый (0,694), свежий (0,635), сильный (0,565), гладкий (0,559), медленный (0,510).

Фактор 2

Родной (0,785), любимый (0,717), упорядоченный (0,698), добрый (0,644), простой (–0,635), активный (0,513).

Фактор 3

Большой (0,867), легкий (0,784), радостный (0,766), жизнерадостный (0,566).

Понятие «пространство» у казахских респондентов характеризуется как хорошее, родное, большое.

Нивхские респонденты

Таблица 28

Факторная структура пространства
у нивхских респондентов

№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
1	«Любимый»	22,1
2	«Расслабленный»	11,4
3	«Сильный»	9,5

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 43 %) являются:

Фактор 1

Любимый (0,810), активный (0,779), жизнерадостный (0,702), свежий (0,681), умный (0,574), влажный (–0,554).

Фактор 2

Расслабленный (0,695), родной (0,669), добрый (0,628), простой (–0,551), упорядоченный (0,519), горячий (0,508), чистый (0,504).

Фактор 3

Сильный (0,645), быстрый (0,631), радостный (0,631), сладкий (0,572), хороший (0,554), мягкий (0,515).

Понятие «пространство» у нивхских респондентов характеризуется как любимое, расслабленное, сильное.

В таблице 29 представлены факторные различия в восприятии категории «пространство» представителями разных этнических групп.

Таблица 29

Ведущие факторы, характерные для всех этнических групп, на понятие «пространство»

	Русские	Китайцы	Казахи	Нивхи
Фактор 1	Светлый	Жизнерадостный	Хороший	Любимый
Фактор 2	Быстрый	Активный	Родной	Расслабленный
Фактор 3	Свежий	Светлый	Большой	Сильный

Исследование пространственных представлений нами было дополнено методом пиктограмм.

3.3.3. Результаты метода пиктограмм

Принцип анализа пиктограмм описан в параграфе 3.2.3.

Русские респонденты

Частотный анализ изображений пространства у русских респондентов выявил большое разнообразие тем, раскрывающих эту категорию. В таблице 30 представлены результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» русскими респондентами (см. табл. 30).

Таблица 30

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» русскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Космос	15	20
Природа	14	18
Бесконечность	11	14
Вода	9	12
Прямоугольник	5	6
Спираль	3	4
Взрыв	2	3
Небосвод	2	3
Овал	2	3
Остров	2	3
Человек	2	3
Куб	1	1
Инь-ян	1	1
Картирование местности	1	1
Хаос	1	1
Вера	1	1
Круг	1	1
Равновесие	1	1
Трапеция	1	1
Комната	1	1

Из таблицы 30 видно, что при изображении пространства у русских респондентов преобладают темы: космос, природа, бесконечность, вода, прямоугольник, спираль.

Китайские респонденты

В таблице 31 представлены результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» китайскими респондентами (см. табл. 31).

Таблица 31

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» китайскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Космос	7	20
Звезда	4	12
Круг	3	9
Вода	3	9
Человек и природа	2	6
Инь-ян	2	6
Куб	2	6
Природа	2	6
Отдых	1	3
Спираль	1	3
Социальное пространство	1	3
Середина	1	3
Человек	1	3
Республика Китай	1	3
Дом	1	3
Мысль	1	3
Музыка	1	3
Деньги и власть	1	3

Из таблицы 31 видно, что при изображении пространства у китайских респондентов преобладают темы: космос, звезда, круг, вода.

Казахские респонденты

В таблице 32 представлены результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» казахскими респондентами (см. табл. 32).

Таблица 32

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» казахскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Космос	8	21
Природа	6	16
Горизонт	4	10
Вода	3	8
Пространство жизнедеятельности	3	8
Куб	2	5
Бесконечность	2	5
Круг	2	5
Степь	2	5
Спираль	1	3
Расстояние	1	3
Овал	1	3
Человек и природа	1	3
Война и мир	1	3
Человек	1	3

Из таблицы 32 видно, что при изображении пространства у казахских респондентов преобладают темы: космос, природа, горизонт, вода, пространство жизнедеятельности.

Нивхские респонденты

В таблице 33 представлены результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» нивхскими респондентами (см. табл. 33).

Таблица 33

Результаты частотного анализа тем, раскрывающих категорию «пространство» нивхскими респондентами

Темы	Количество тем	%
Природа	10	22
Вода	10	22
Космос	8	17
Круг	6	13
Бесконечность	2	4
Остров	2	4
Овал	1	2
Пространство жизнедеятельности	1	2
Дом	1	2
Прямоугольник	1	2
Город	1	2
Человек	1	2
Куб	1	2

Из таблицы 33 видно, что при изображении пространства у нивхских респондентов преобладают темы: природа, вода, космос, круг.

Сводный сравнительный анализ тем, раскрывающих категорию «пространство», показывает, что русские преимущественно раскрывают категорию «пространство» темами: космос, природа, бесконечность, вода. Китайцы – темами: космос, звезда, круг, вода, человек и природа, инь-ян, куб. Казахи – темами: космос, природа, горизонт, вода, пространство жизнедеятельности, куб, бесконечность, круг, степь. Нивхи – темами: природа, вода, космос, круг, бесконечность, остров.

При частотном анализе изображений пространства у всех респондентов преобладают темы космоса, природы, воды, человека, куба, круга, затем темы овала и спирали, далее пространство представлено темами прямоугольника, острова, человека и природы, инь-ян, дома, пространства жизнедеятельности, бесконечности.

На рисунке 18 представлены сводные сравнительные показатели тем, раскрывающих понятие «пространство» у лиц разных национальностей (см. рис. 18).

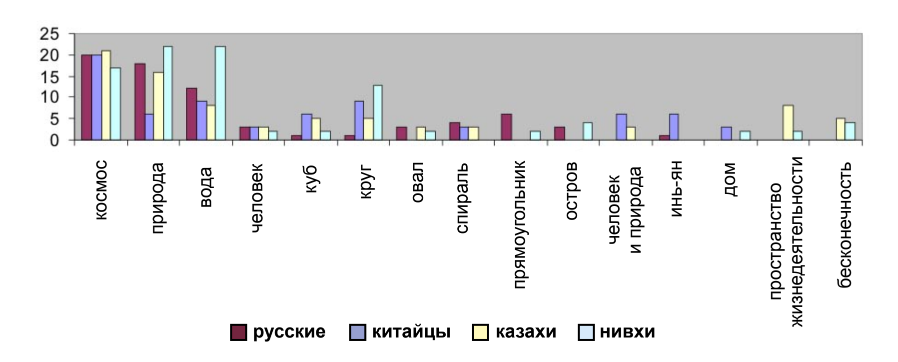

Рис. 18. *Сводные сравнительные показатели тем, раскрывающих понятие «пространство» у лиц разных национальностей*

Основаниями для оценки качества пространства, раскрываемого в графических образах, были темы раскрытия категории «пространство» и геометро-динамический характер самих графических образов.

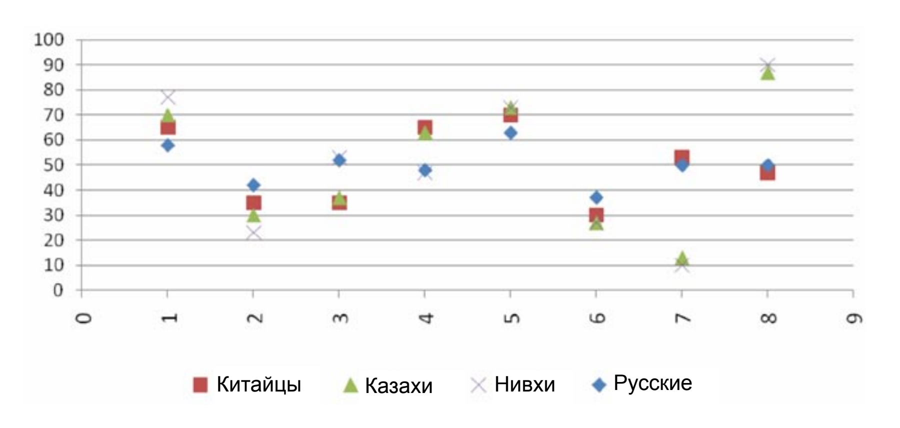
Сводный сравнительный анализ качества пространства на основании выраженности критериев и метода экспертной оценки позволил составить профили качества пространства, раскрытого в графических изображениях всеми респондентами (см. табл. 34). Качественный анализ осуществлялся путем экспертной оценки. В качестве экспертов выступили 10 человек, имеющих высшее психологическое образование, – преподаватели Сахалинского государственного университета.

Таблица 34

Сводные сравнительные показатели профилей качества изображения пространства по всем критериям анализа графических образов у разных этнических групп

Этносы	Статичность %	Динамичность %	Замкнутость %	Открытость %	Стабильность %	Нестабильность %	Абстрактность %	Конкретность %
Русские	58	42	52	48	63	37	50	50
Китайцы	65	35	35	65	70	30	53	47
Казахи	70	30	37	63	73	27	13	87
Нивхи	77	23	53	47	73	27	10	90

Результаты геометро-динамического анализа пиктограмм представлены на рисунке 19 (см. рис. 19).

1 – статичность; 2 – динамичность; 3 – замкнутость;
4 – открытость; 5 – стабильность; 6 – нестабильность;
7 – абстрактность; 8 – конкретность

Рис. 19. *Сводные сравнительные показатели профилей качества изображения пространства по всем критериям анализа графических образов у разных этнических групп (%)*

Критерии, с помощью которых оценивалось качество пространства, раскрываемого в графических образах, обнаруживают следующее тематическое наполнение.

Статичность представлена такими образами, как: куб; картирование местности; круг; природа (дом, море, рыбы в море, звезды, солнце, грибы, цветы, елка); овал; земля, звезды и другие планеты; пространство жизнедеятельности (дом, рыба, речка, солнце, книга, море); лес; озеро; луна и звезды; речка с лодкой; сердце; лужа; глобус; куб с векторами; горизонт; горы.

Динамичность – символ единства противоположностей инь-ян в круге; фейерверк; путь в бесконечность; восьмерка бесконечности; вектор пути с делениями; специфическая штриховка; волнистые линии; плывущая лодка; спираль с расходящимися из центра лучами; небо: солнце, звезды, луна, планета; море; чайки; волны; ракета.

Замкнутость – куб, круг, овал, прямоугольник, трапеция; земля, звезды и другие планеты; звезда в круге; земля и планеты вокруг нее; речка с лодкой; сердце как символ любви; лужа, озеро; глобус; куб с векторами; горы; солнце и луна; человек в замкнутом круге; комната; восьмерка бесконечности в круге; человек в замкнутом кубе; дом и река в круге; пространство жизнедеятельности в квадрате.

Открытость – фейерверк; путь, ведущий в бесконечность; вектор пути с делениями; море и солнце; спираль с расходящимися из центра лучами; луна и звезды; небо; лучи; чайки; волны; символ единства противоположностей инь-ян; спираль как символ бесконечности.

Стабильность – куб; картирование местности; круг; земля, звезды и другие планеты; пространство жизнедеятельности (дом, рыба, речка, солнце, книга, море); лес; озеро; луна и звезды; границы; земля и планеты вокруг нее; речка с лодкой; сердце как символ любви; лужа, озеро; глобус; куб с векторами; планетарная система; горизонт, горы; солнце и луна.

Нестабильность – фейерверк; спираль с расходящимися из центра лучами; море; волны; символ единства противоположностей инь-ян; ракета; летящая комета; плавающая в реке рыба; война и мир; восьмерка бесконечности; спираль как символ бесконечности.

Абстрактность – спираль как символ бесконечности; символ единства противоположностей инь-ян; ракета; фейерверк; путь, ведущий в бесконечность; вектор пути с делениями; спираль с расходящимися из центра лучами; хаос; знак бесконечности; улыбающееся солнце; человек в круге; библия; крылья ангела и крылья демона.

Конкретность – прямоугольник, трапеция, круг; солнце, звезды; планетарная система; комната; природа; море и горы; звезды, окружающие планету Земля; облака, дождь; контурное изображение своей республики и любимого города; река с рыбой; дом; комната; грузовик, имеющий пространство; ракета; река; степь; пространство жизнедеятельности.

Сводный сравнительный анализ качества пространства, раскрываемого в графических образах, на основании выраженности критериев позволил составить профили качества пространства по всем респондентам:

у русских пространство характеризуется статичностью, замкнутостью, стабильностью, равномерностью абстрактности и конкретности (см. рис. 20);

у китайцев – статичностью, открытостью, стабильностью, абстрактностью (см. рис. 21);

у казахов – статичностью, открытостью, стабильностью, конкретностью (см. рис. 22);

у нивхов – статичностью, замкнутостью, стабильностью, конкретностью (см. рис. 23).

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «пространство»	Профили качества пространства
	Остров Сахалин в круге	Остров	Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность
	Дорога, вокруг которой лес, – все это в замкнутом круге	1. Путь, ведущий в бесконечность 2. Природа	Статичность Замкнутость Стабильность Абстрактность
	Библия и крест	Вера	Статичность Замкнутость Стабильность Абстрактность

Рис. 20. *Примеры пиктограмм на понятие «пространство» у нивхских респондентов*

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «пространство»	Профили качества пространства
	Большая звезда, вокруг которой маленькие звездочки	Звезда	Статичность Открытость Стабильность Абстрактность
	Корона на голове, символизирующая власть. Шары – символ праздника	Деньги и власть	Статичность Открытость Стабильность Абстрактность
	Скрипичный ключ	Музыка	Динамичность Открытость Стабильность Абстрактность

Рис. 21. *Примеры пиктограмм на понятие «пространство» у китайских респондентов*

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «пространство»	Профили качества пространства
	Дом Деревья Степи Пасущиеся кони Горы вдалеке Солнце	1. Природа 2. Степь 3. Пространство жизнедеятельности	Статичность Открытость Стабильность Конкретность
	Солнце Горы Облака Дом Пасущийся конь	1. Природа 2. Степь 3. Пространство жизнедеятельности	Статичность Открытость Стабильность Конкретность
	Солнце Степь Цветы	Природа	Статичность Открытость Стабильность Конкретность

Рис. 22. *Примеры пиктограмм на понятие «пространство» у казахских респондентов*

Пиктограмма	Изображение	Тема, раскрывающая категорию «пространство»	Профили качества пространства
	Дом, река и рыба в замкнутом круге	1. Круг 2. Река 3. Дом	Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность
	Остров Сахалин и Курильские острова в замкнутом кубе	1. Остров 2. Куб	Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность
	Человек в замкнутом круге	1. Человек 2. Круг	Статичность Замкнутость Стабильность Конкретность

Рис. 23. *Примеры пиктограмм на понятие «пространство» у нивхских респондентов*

3.4. Обсуждение результатов эмпирического исследования

Результаты эмпирического исследования позволяют сравнить представления людей, проживающих в различных географических условиях, с позиции их системного (уровневого) строения: перцептивный (непосредственное отражение объективной реальности), культурный (этническое сознание) и метафорический (высший, философский) уровень. Сравнительный анализ представлений о пространстве и времени людей, проживающих в различных географических условиях, позволяет раскрыть влияние чувственного отражения, с одной стороны, и этнической культуры, с другой, на структуру представлений. Сравнительный анализ представлений о пространстве и времени позволил нам раскрыть их трехуровневое строение.

Перцептивный уровень представлений соответствует обыденному познанию, которое опирается на повседневный жизненный опыт человека. Оно характеризуется относительной узостью, здравым смыслом, «наивным реализмом», соединением рациональных элементов с иррациональными, многозначностью языка. Они по большей части «рецептурны», т. е. ориентированы на непосредственное практическое применение. Это больше конкретный образ (*солнце, степь*), чем знание, что собой представляет то или иное явление (*бесконечность, необъятность, пустота*). В его основе лежит чувственно-наглядный образ, соединяющий в себе чувственно-непосредственный и абстрактно-всеобщий, понятийный аспекты. Такой образ является посредником между непосредственно-индивидуальным восприятием предметов и их мыслительным, понятийным осмыслением. Иногда этот образ совпадает с внешними особенностями вещи, воспринимаемыми органами чувств, не проникающими глубоко в их сущность.

Метод уровневого анализа ассоциаций, на который мы опирались при интерпретации результатов, позволяет говорить о том, что выделенные нами ассоциации 1-го уровня К-видения в большей степени включают перцептивный (непосредственное отражение объективной реальности) уровень отражения. Ассоциации этого уровня в большей степени отражают особенности чувственного познания человека. Все чувственное познание носит непосредственный характер. Чувственные образы возникают постольку, поскольку предмет непосредственно воздействует на наши органы чувств и нервную систему. Чувственное познание – это ворота, через которые человек устанавливает контакт с внешним миром. С позиции диалектического материализма формы чувственного познания – это субъективные образы объективного мира.

То есть их содержание объективно, так как определяется внешними воздействиями, а не сознанием субъекта.

Сравнительный анализ выявил общее и различие в ассоциациях первого уровня представлений на пространство и время (см. табл. 35 и 36).

Таблица 35

Пересечения универсалий первого уровня представлений о пространстве

небо, звезды, море	русские, китайцы, казахи, нивхи
планета, вселенная, **луна**, космос	русские, китайцы и казахи
воздух, земля, дорога, природа	русские, казахи и нивхи
океан	русские, китайцы и нивхи
галактика	русские и китайцы
солнце, степь	русские и казахи
дом, лес, город, вода, площадь, деревья, горы, водопад, река, самолет	русские и нивхи

Таблица 36

Пересечения универсалий первого уровня представлений о времени

часы, работа, старость	русские, китайцы, казахи, нивхи
возраст, деньги, детство, учеба	русские, казахи, нивхи
завтрак	русские, китайцы, казахи
ожидание, обед, ужин, юность, рождение	русские, казахи
дождь, ветер, стрелки	казахи, нивхи
солнце, движение	русские, китайцы
отдых, молодость	русские, нивхи
луна	китайцы, нивхи
снег	китайцы, казахи

Таким образом, на первом уровне мы обнаружили только два пересечения между ассоциациями на пространство и время: *луна и солнце*.

По-видимому, это связано с тем, что луна и солнце выступают реальными физическими объектами для ориентации как в пространстве, так и во времени. Представление, как и восприятие, свидетельствует о тесной связи чувства и мышления, о единстве наглядности и значения, когда чувственно-наглядная сторона как бы освещается смысловым, логическим содержанием. Разумеется, связь чувственного и понятийного в представлении, как и в восприятии, опосредуется опытом, культурой, т. е. принимает различную форму. Например, представление образа оленя у жителя Крайнего Севера и по чувственно-наглядным признакам, и по смыслу отличается от представления об олене у жителей городов. В нашем исследовании эти отличия наглядно продемонстрировал метод пиктограмм (см. ниже).

Культурный уровень представлений опирается на рациональную сторону познания, представленную в понятиях, суждениях, умозаключениях. Ему соответствуют ассоциации, которые мы отнесли ко второму уровню К-видения. Они отражают рациональную сторону познания, представленную в понятиях, суждениях, умозаключениях. Ассоциации передают существенные свойства и связи реальности, лежащие за пределами чувственно-перцептивного и эмоционально-аффективного опыта. В отличие от обыденно-практического мышления на этом уровне познания человек проникает в сущность объекта. Однако и здесь мы выявили неполное совпадение ассоциаций, что указывает на наличие этнических отличий в особенностях процедуры обобщения, применяемых методов познания, направленности познавательных усилий на фиксацию фактов или создание общих объяснительных схем, интерпретирующих факты и др., которые требуют отдельного исследования.

Рассмотрим совпадающие и отличные ассоциации второго уровня представлений на пространство и время в сравниваемых группах (см. табл. 37 и 38).

Таблица 37

Пересечения универсалий второго уровня представлений о пространстве

бесконечность, необъятность, пустота	русские, нивхи
глубина	русские, китайцы
объем, широкий, атмосфера	китайцы, казахи
расстояние, куб	казахи, нивхи

Таблица 38

Пересечения универсалий второго уровня представлений о времени

год	русские, китайцы, казахи, нивхи
день, миг, секунда, ночь, зима, лето, весна, осень, дата, прошлое, будущее, настоящее, столетие	русские, китайцы, казахи
вечер, минуты	русские, китайцы
век, неделя, сутки, час	русские, казахи
вчера, сегодня, завтра	китайцы, казахи

На втором уровне мы не обнаружили пересечения универсалий на пространство и время.

Метафорический уровень представлений. Выделяя метафорический уровень, мы исходили из того, что метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. «Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге», – пишет Н. Д. Арутюнова[155]. В отличие от логической операции «аналогия», метафора вызывает образные представления, что позволяет определить ее как «образную аналогию». Л. И. Шрагина также отмечает установленную ею закономерность, что при исследовании творческого процесса, когда индивидуальные различия между людьми перерастают в самостоятельность, появляется чуждость подражательности, оригинальность, то есть незаимствованные, подлинные продукты творческой деятельности[156]. М. А. Холодная рассматривает показатель креативности «метафоричность» как комплекс интеллектуальных свойств, проявляющихся в готовности работать в фанта-

---

[155] *Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. – В кн. : Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 19.*

[156] *Шрагина, Л. И. Процесс конструирования метафоры как объект психологического исследования / Л. И. Шрагина // Психологический журнал. – 1997. – № 6. – С. 121–128.*

стическом, «невозможном» контексте, как склонность использовать символические, ассоциативные средства для выражения своих мыслей, умение в простом видеть сложное, в сложном – простое. Специфика любого творческого процесса может быть описана как метафорическое мышление. В. Н. Телия отмечает, что в основе творческого мышления лежит комплекс пространственных образов, где образ и слово нерасчленимы: например, «ночь, улица, фонарь, аптека» А. А. Блока. Кроме того, в основе такого мышления может лежать и установление дальних ассоциативных связей, например, осень – старость, или есенинская «осень – рыжая кобыла». Мышление обращается к метафоре, когда нет готовых средств обозначения, объяснения, создания образов и смыслов[157].

Н. Д. Арутюнова считает, что интерес к метафоре связан с проблемами соотношения образного и логического, мышления и языка (M. Pachalska, 2003). Она пишет, что метафора есть один из магистральных путей переноса понятий из одной сферы в другую – от конкретного к абстрактному, от материального к духовному. В этом постоянном переносе проявляется не только гибкость человеческого разума – такой перенос необходим для постижения действительности. Метафору все чаще рассматривают как ключ к пониманию основ мышления и процессов создания видения мира, его универсального образа: человек не столько открывает сходство, сколько создает его. Акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов: появления новых значений и их нюансов, развития эмоционально-экспрессивной лексики. Без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» – внутренней жизни человека. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом[158].

Метафорическому уровню представлений соответствуют выделенные нами ассоциации третьего уровня К-видения. Обратимся к полученным результатам (см. табл. 39 и 40).

На метафорическом уровне пространство и время представлены общими универсалиями: *жизнь* (русские, китайцы, казахи) и *смерть* (русские, казахи).

Уровневый анализ представлений о пространстве и времени позволил выявить различия в их строении (см. рис. 24 и 25).

---

[157] *Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 72.*

[158] *Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. – В кн. : Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 19.*

Таблица 39

Пересечения универсалий третьего уровня представлений о пространстве

свобода, мысль, темнота, свет, **смерть**	русские, казахи
мир, **жизнь**, душа	русские, китайцы
сон	казахи, нивхи

Таблица 40

Пересечения универсалий третьего уровня представлений о времени

река	русские, китайцы, казахи, нивхи
песок	русские, нивхи
дорога, **смерть,** любовь	русские, казахи
пространство	русские, китайцы
жизнь	русские, китайцы, казахи
история	китайцы, казахи
космос	казахи

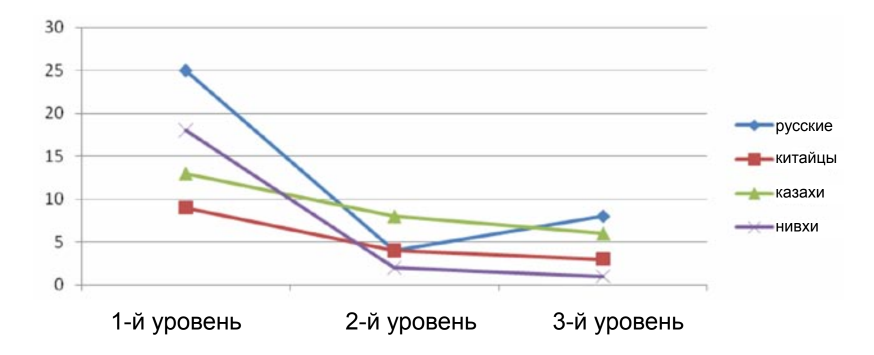

Рис. 24. *Различия в строении представлений о пространстве*

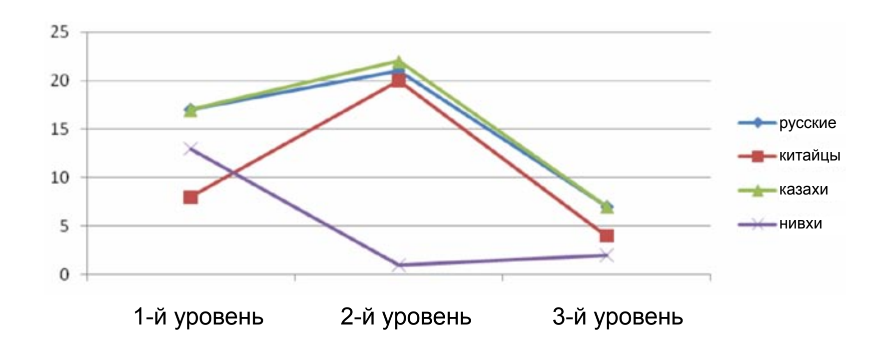

Рис. 25. *Различия в строении представлений о времени*

При сравнении рисунков 24 и 25 убедительно видны как закономерности, характерные для представлений всех сравниваемых групп, так и отличительные особенности. Мы видим, что у нивхов и на пространство, и на время преобладает первый К-уровень универсалий, соответствующий первому уровню представлений, – перцептивный (непосредственное отражение объективной реальности). Во временной системе координат нивхов нет ярко выраженного движения, отраженного в смене дат или дней недели, но есть вечно длящееся «ных» (сегодня), которое «отражает» ближайшее прошлое и будущее, всегда являясь центральной точкой отсчета. У нивхов не образуется при этом идеи времени как равномерной, однородной линейной протяженности, поскольку само пространство нивхов неоднородно, многомерно и инвариантно. В более широком масштабе счет времени возможен по фазам луны или по циклам. В конечном итоге можно прийти к выводу, что время в традиционных представлениях нивхов есть не просто отражение или выражение природных либо социальных ритмов, оно само является этими ритмами. Время сплетает их воедино, переносит качества природы на культуру и наоборот, и, следовательно, образ времени в традиционных представлениях нивхов является мифом. Для нивхского этноса свойственно обыденное, поверхностное, фрагментарное представление о времени. Способ познания у нивхов имеет чувственно-аффективную основу. Их мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует. Через мир вещей и через человека пространство собирается как иерархизованная структура. Для нивхов свойственно чувственно-аффективное восприятие без включения рациональных приемов сознания.

У китайцев, русских и казахов в равной мере преобладают универсалии второго уровня К-видения на понятие «время», что указывает на тот факт, что в этих культурах время является предметом научного познания. Категория «время» в Китае включает несколько относительно автономных циклов – цикличная модель времени: астрономические циклы – солнечные (год, сутки) и лунные (месяц, фазы луны), вегетативные циклы (время роста и созревания растений). Для народного представления каждый цикл имеет начало, расцвет, увядание и смерть, за которой следуют возрождение и новый цикл. Линейная модель времени в китайском представлении обращена и в сторону прошлого, и в сторону будущего. Категория «время» у казахов представлена двумя типами времени – сакрального, времени первотворения, застывшего и неизменяемого в категории навсегда прошедшего, описанного в соответствующей мифологии; и времени эмпирического, исторического и бытового, линейного, существующего здесь и сейчас, населенного предками и родичами, требующего измерения и учета в повседневной жизни. Одновременно с этим у всех респондентов преобладают универсалии первого уровня К-видения на понятие пространство. Пространство в большей степени оценивается человеком на перцептивном уровне, поскольку оно реально воспринимается субъектом. Человек организует свою хозяйственную деятельность в рамках конкретного пространства, находится под его непосредственным физическим и психологическим (эмоциональное воздействие) влиянием.

Как мы писали выше, к третьему уровню К-видения мы отнесли ассоциации-метафоры, которые не могут быть включены в данную категорию на рациональном основании. Однако, говоря словами М. А. Холодной, их наличие может рассматриваться как показатель креативности, как комплекс интеллектуальных свойств, проявляющихся в готовности работать в фантастическом, «невозможном» контексте, как склонность использовать символические, ассоциативные средства для выражения своих мыслей, умение в простом видеть сложное, в сложном – простое. Мы видим, что в меньшей степени этот уровень представлен у нивхов. Самое большое количество метафор было получено у русских и казахов. Можно говорить также о невысоком уровне матафор у китайцев.

Метод пиктограмм (хронотоп) позволил нам раскрыть связь чувственного (образного) и понятийного в представлении и их опосредованность опытом, культурой.

Исследование временных представлений методом пиктограмм выявило, что у русских респондентов время характеризуется динамичностью, открытостью, нестабильностью, абстрактностью; у китайских респондентов – статичностью, открытостью, стабильностью,

абстрактностью; у казахских респондентов – статичностью, замкнутостью, стабильностью, абстрактностью; у нивхских респондентов – статичностью, замкнутостью, стабильностью, конкретностью.

Исследование пространственных представлений методом пиктограмм выявило, что у русских респондентов пространство характеризуется статичностью, замкнутостью, стабильностью, равномерностью абстрактности и конкретности; у китайских респондентов – статичностью, открытостью, стабильностью, абстрактностью; у казахских респондентов – статичностью, открытостью, стабильностью, конкретностью; у нивхских респондентов – статичностью, замкнутостью, стабильностью, конкретностью.

Нами было проведено сравнение результатов геометро-динамического анализа понятий «время» и «пространство». Получены следующие результаты. У русских обнаружена отрицательная корреляция (–0,57) между оценкой времени и пространства в геометро-динамических характеристиках (см. рис. 26). Русские оценивают время как динамичное, открытое, нестабильное, абстрактное, а пространство – как статичное, замкнутое, стабильное, абстрактное / конкретное.

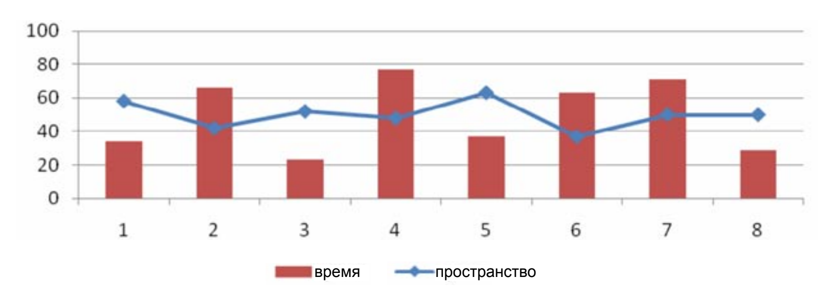

Рис. 26. *Корреляция между оценкой времени и пространства по всем критериям анализа графических образов у русской группы*

Низкий уровень корреляции выявлен у казахской группы (0,04). Казахи представляют пространство и время как статичное и стабильное, но время у них замкнутое и абстрактное, а пространство – открытое и конкретное (см. рис. 27).

А вот у китайцев и особенно нивхов геометро-динамическая оценка времени и пространства практически одинаковая (см. рис. 28 и рис. 29). Китайцы и пространство, и время представляют одинаково (положительная корреляция 0,52): как статичное, открытое, стабильное, абстрактное; нивхи и пространство, и время представляют одинаково: как статичное, замкнутое, стабильное и конкретное (положительная корреляция 0,73).

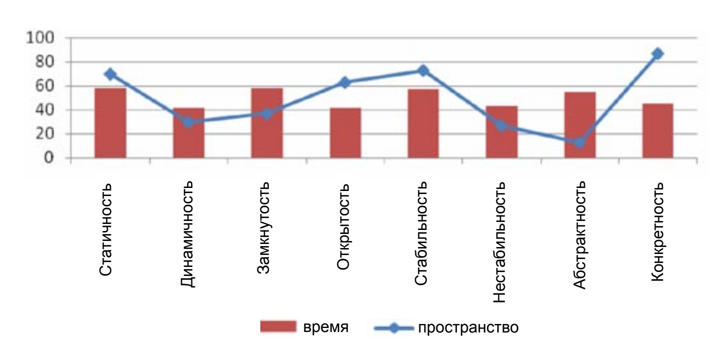

Рис. 27. *Корреляция между оценкой времени и пространства по всем критериям анализа графических образов у казахской группы*

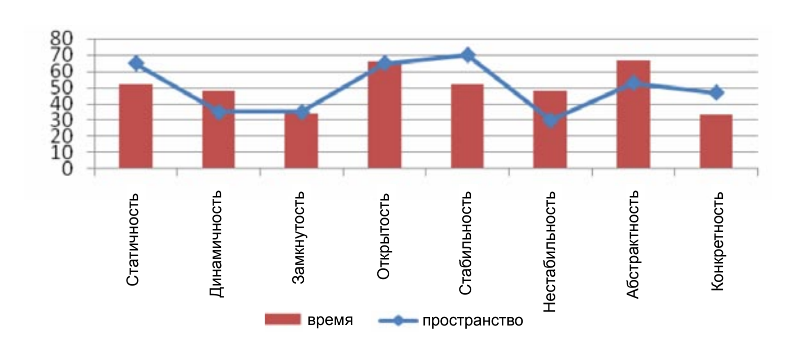

Рис. 28. *Корреляция между оценкой времени и пространства по всем критериям анализа графических образов у китайской группы*

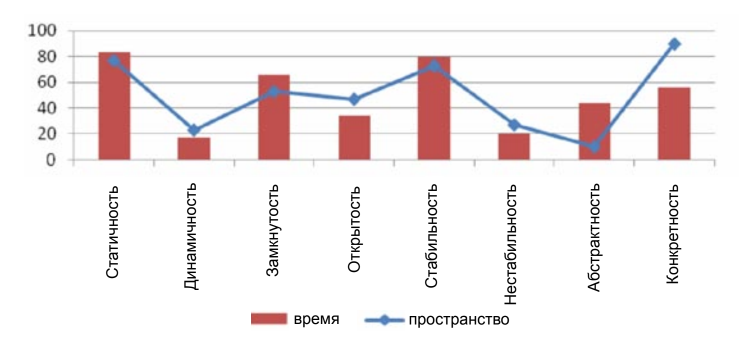

Рис. 29. *Корреляция между оценкой времени и пространства по всем критериям анализа графических образов у нивхской группы*

Полученные нами результаты коррелируют с результатами, полученными при исследовании нивхов и русских А. Е. Меняшевым[159], которым было установлено, что характерное для нивхов мифологическое сознание обладает рядом психологических особенностей: некритическое, чистое, наивное восприятие действительности; чувственно-аффективное восприятие как способ осознания без включения рациональных приемов осознания; цельная, гармоничная и непротиворечивая картина мира его носителей; мифологическое сознание несет в себе архетипические образы, которые зафиксированы в национальном декоративно-прикладном творчестве; механизм познания основан на интуитивной, первичной реакции сознания на бытие. Так, нивхи больше, чем русские, ориентированы на окружающих их людей (предки, собственные дети, члены родовой общины), чем на самих себя (преобладание категорий децентрации), что, по его мнению, является стремлением к сохранению собственного этноса.

Результаты ассоциативного эксперимента и метода пиктограмм убедительно показывают, что для нивхов характерно большее количество рефлексивных категорий по сравнению с интеллектуально-рефлексивными в группе русских. Для нивхов в большей степени характерны стабилизационные категории в отличие от русских, у которых преобладают эволюционные категории, что позволяет говорить о том, что для нивхов характерна тенденция поддержания экологического баланса между этносом и окружающей средой, что объясняет доминирование третьего уровня глубины понимания у русских и первого уровня – у нивхов.

Результаты ассоциативного эксперимента и метода пиктограмм показывают, что для китайцев и казахов в большей степени характерны статичные и стабилизационные категории (знания, необходимые для осуществления деятельности в соответствии с ее требованиями). Эти категории отражают рациональную сторону познания, представленную в понятиях, суждениях, умозаключениях. В отличие от обыденно-практического мышления на этом уровне познания человек проникает в сущность объекта. Результаты геометро-динамического анализа пиктограмм и преобладание второго культурного уровня представлений на пространство и время у китайских и казахских респондентов можно понять, если обратиться к культуре древнего Китая и Казахстана. Для китайской цивилизации характерна пятичленная пространственно-

[159] *Меняшев, А. Е. Мифологическое в структуре сознания персистентных этносов о. Сахалин / А. Е. Меняшев // Философские чтения : материалы межвузовской научно-практической конференции / сост. С. С. Простяков. – Вып. 4. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2004. – С. 40–46.*

временная модель мира. Согласно этой модели мировое пространство делится по четырем сторонам света (восток, юг, запад и север) и выделяется особый пространственный отрезок – Центр – чжун, ассоциируемый с центром мира. Для обозначения и символической передачи пространственно-временных зон использовался специальный набор знаковых рядов, включающий цветовую, мировоззренческую, числовую и персонологическую символику. Пространство у казахов делилось на свое, освоенное и обитаемое, и чужое, находящееся за пределами своего и потому потенциально враждебное. Юрта воспринималась как центр освоенного, своего пространства. Поэтому юрта несла прежде всего сакральные, а уже потом хозяйственные функции. В этом смысле юрта представала одновременно и как центр доброжелательной вселенной, и как модель, образ мироздания, и как священный символ, от обращения с которым зависит благополучие рода и каждого родича. В организации пространства казахи особое значение придавали симметрии и иерархии пространства. Четко различаются и противостоят друг другу правое и левое, мужское и женское, верх и низ, север и юг. Это относится не только к юрте, где это присутствует в концентрированном виде, но и к пространству как таковому.

Таким образом, полученные результаты подтверждают выявленные различия между этническими группами, проживающими в разных географических условиях, раскрывают место психологического пространства и времени в этническом самосознании:

1. Наличие значимых различий как между группами, так и внутри группы между представлением времени и пространства подтверждает высказанное предположение о том, что для людей разных этнических групп, проживающих в отличных географических условиях, характерны особенности концептуального видения времени и пространства, раскрывающие особенности их образа мира.

2. Представления о времени и пространстве (хронотоп) как формы существования материи представлены в сознании в зависимости от особенностей перцептивной (отражательной) деятельности человека и опосредованы особенностями индивидуального и коллективного (образ мира) сознания их носителей.

3. Особое внимание следует обратить на принципиальные отличия геометро-динамического описания понятий «пространство» и «время» у русских и нивхов. Представления о том, что категории «время» и «пространство» имеют сходные параметры оценок и представляются в сознании как единое понятие, оказались неоднозначными. При этом в наибольшей степени, отвечающей данной задаче, оказался метод геометро-динамического анализа пиктограмм. Выяснилось, что время и пространство одинаково представлены как хронотоп у китайцев и нив-

хов. Частично оценки времени и пространства пересекаются у казахов. У русских обнаружено не просто несовпадение, а прямо противоположная их оценка.

Анализ результатов факторного анализа в некоторой степени подтверждает результаты метода пиктограмм. Так прослеживаются одинаковые смысловые категории, где семантическое наполнение категории «пространство» в большей степени раскрывает географические обстоятельства существования человека, а семантическое наполнение категории «время» в большей степени раскрывает особенности этнического мировосприятия.

ВЫВОДЫ

1. На основании результатов уровневого анализа универсалий подтверждено предположение, что представления людей о времени и пространстве имеют системное (уровневое) строение, содержат перцептивный (непосредственное отражение объективной реальности – географическая среда обитания), культурный (этническое сознание) и метафорический уровень.

2. Установлено, что в процессе освоения географического пространства (материального мира) складываются специфические для представителей конкретной культуры представления о времени и пространстве (хронотоп).

3. Выявлены концептуальные особенности представлений о времени и пространстве у людей, принадлежащих разным этническим группам и проживающих в отличающихся географических условиях:

– у русских, казахов и китайцев время представлено как объективное время, физическое время, социальное время, время поколения, время истории;

– все респонденты раскрывают категорию «время» через события, переживаемые во времени;

– для нивхов характерна преимущественно образная символика времени;

– китайцы раскрывают время преимущественно через субъективные эндогенные процессы организма и индивидуальные особенности восприятия времени (биологическое время);

– для русских характерно глубинное (метафорический уровень представлений) видение категории «время» как формы познания мира, жизненного цикла в целом;

– для русских, китайцев и казахов характерно глубинное (метафорический уровень представлений) видение категории «пространство»;

– русские и нивхи категорию «пространство» раскрывают через объекты окружающего человека мира, а категорию «время» – через события, переживаемые во времени, что соответствует перцептивному уровню представлений;

– в концептуальном видении китайцев и казахов пространство и время преимущественно представлены через конкретные физические характеристики, что соответствует культурному уровню представлений;

– нивхи и казахи раскрывают пространство как психологическое пространство, переживаемое внутреннее пространство личности, пространство детства.

4. Выявлена факторная структура понятий «время» и «пространство» представителей разных этнических групп, которая носит специфический и своеобразный характер. Понятие «время»: русские – доброе, гладкое и активное; китайцы – доброе, жизнерадостное и пассивное; казахи – жизнерадостное, гладкое и активное; нивхи – свежее, чистое и пассивное. Понятие «пространство»: русские – светлое, быстрое, свежее; китайцы – жизнерадостное, активное, светлое; казахи – хорошее, родное, большое; нивхи – любимое, расслабленное, сильное.

5. Выявлена специфика геометро-динамических характеристик представлений о пространстве и времени у респондентов разных этнических групп в зависимости от географии проживания: нивхи и пространство, и время представляют одинаково как статичное, замкнутое, стабильное и конкретное; китайцы и пространство, и время представляют одинаково как статичное, открытое, стабильное, абстрактное; казахи представляют пространство и время как статичное и стабильное, но время у них замкнутое и абстрактное, а пространство – открытое и конкретное; русские представляют время как динамичное, открытое, нестабильное, абстрактное, а пространство – как статичное, замкнутое, стабильное, абстрактное/конкретное.

6. Полученные результаты позволяют говорить о том, что представления о пространстве опираются на перцептивные следы географических условий, в которых формировалась этническая культура, и осуществляется настоящая жизнедеятельность этноса. Представления о времени преимущественно определяются особенностями мировосприятия, опосредованного этнической культурой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты подтвердили предположение о том, что географические условия проживания (открытое и закрытое пространство) являются фактором, влияющим на пространственно-временные представления людей. Море и остров выступают как ограничивающий элемент ландшафта. Результаты исследования убедительно показывают, что имеются индивидуально-личностные особенности пространственно-временных представлений, опосредованные географическими условиями проживания людей. Эти особенности по-разному представлены на уровне образа мира этнических групп, культура которых исторически складывалась в условиях и зависимости от таких географических факторов, как: открытое и замкнутое пространство.

Установлено, что между представителями закрытого островного пространства (русские и нивхи) и представителями открытого незамкнутого пространства материка (китайцы и казахи) существуют значимые различия в оценке пространства и времени, что подтверждает мнение многих исследователей о том, что ландшафт оказывает как прямое, так и косвенное воздействие на психологию этноса.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что если семантическое наполнение категории «пространство» в большей степени раскрывает географические обстоятельства существования человека, то семантическое наполнение категории «время» в большей степени оказывается обусловленным субъективными факторами жизни этноса.

Полученные нами результаты позволяют говорить о продуктивности данных подходов в понимании межэтнических различий и необходимости продолжения исследований в данном направлении. Выявленные результаты являются эвристическим основанием для дальнейшего исследования. Направление этого исследования нам видится в сравнительном анализе пространственно-временных представлений русских, исторически проживающих в отдельных регионах страны: европейская часть России, Сибирь, Дальний Восток.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аарелайд, А. Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени / А. Аарелайд // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. – Рига, 1978. – № 27/3. – С. 268–280.

2. Абрамова, Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект) / Н. А. Абрамова. – Чита : ГТУ, 1998. – 303 с.

3. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб. : Алетейя, 2001.

4. Абульханова, К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : изб. психол. тр. / К. А. Абульханова. – М. : Московский социально-психологический институт ; Воронеж : изд-во МПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.

5. Абульханова-Славская, К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К. А. Абульханова-Славская // Психология формирования и развития личности. – М., 1981. – С. 19–45.

6. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : изд-во «Мысль», 1991. – С. 126–149.

7. Августин, А. Исповедь / А. Августин. – М. : Республика, 1992. – 335 с.

8. Агафонов, А. Ю. Человек как смысловая модель мира / А. Ю. Агафонов. – Самара : Бахрах-М, 2000. – 336 с.

9. Айбарша, Ислам. Мировоззренческие концепты: лингвокультурологический анализ / И. Айбарша. – Алматы, 2008.

10. Айзенк, Г. Ю. Узнай свой собственный коэффициент интеллекта / Г. Ю. Айзенк. – Н. Новгород : Ай Кью, 1994. – 170 с.

11. Айрапетов, Р. Г. Сравнительный анализ восприятия времени у людей с различными типами личности / Р. Г. Айрапетов, С. В. Зимина // Труды четвертой науч. конф. по радиофизике (Н. Новгород, 5 мая 2000 г.). – Н. Новгород, 2000. – С. 234–235.

12. Амосов, Н. М. Алгоритмы разума / Н. М. Амосов. – Киев, 1979. – С. 80.

13. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. – Т. 1 / Б. Г. Ананьев. – М. : Педагогика, 1980. – 230 с.

14. Ананьев, Б. Г. Пространственное различение / Б. Г. Ананьев. – Л. : ЛГУ, 1955. – 188 с.

15. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания / Б. Г. Ананьев. – М. : МПСИ ; Воронеж : НПО «Модэк», 1996. – 384 с.

16. Ананьев, Б. Г. Уровни пространственной ориентации человека / Б. Г. Ананьев // Вестник ЛГУ. – 1971. – Вып. 2. – № 11. – С. 70–78.

17. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л. : изд-во ЛГУ, 1968. – 336 с.

18. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М. : изд-во МГУ, 2000.

19. Ардентов, Б. П. Выражение времени в русском языке / Б. П. Ардентов. – Кишинев : изд-во Кишиневского ун-та, 1975.

20. Артемьева, Е. Ю. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи / Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин // Мышление. Общение. Опыт : межвуз. темат. сб. – Ярославль : изд-во Ярославского ун-та, 1983. – С. 99–108.

21. Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Е. Ю. Артемьева. – Ярославль, 1987. – 32 с.

22. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева ; под ред. И. Б. Ханиной. – М. : Наука ; Смысл, 1999. – 350 с.

23. Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : МГУ, 1980. – 128 с.

24. Артемьева, Е. Ю. Структура субъективного опыта: семантический слой и другие / Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин // Мышление и субъективный мир. – Ярославль : изд-во Ярославского ун-та, 1991. – С. 14–19.

25. Артыкбаев, Ж. О. Рассказы по истории Казахстана / Ж. О. Артыкбаев, А. А. Сабданбекова, Е. А. Абиль. – Алматы : Атамура, 2006. – 192 с.

26. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. – В кн. : Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 5–32.

27. Арутюнова, Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 51–61.

28. Аскин, Я. Ф. Проблема времени: ее философское истолкование / Я. Ф. Аскин. – М. : Мысль, 1966. – 200 с.

29. Ахундов, М. Д. Концепции пространства и времени. Истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов. – М. : Наука, 1982. – 259 с.

30. Багова, Р. Х. Субъективное пространство возможного действия как фактор самоопределения личности: у учащихся общеобразовательных школ : дис. … канд. психол. наук / Р. Х. Багова. – М. : РГБ, 2003.

31. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.

32. Беленькая, Л. Я. К вопросу о восприятии временной длительности и его нарушениях / Л. Я. Беленькая // Исследования по психоло-

гии восприятия / под ред. С. Л. Рубинштейна. – М. : изд-во АН СССР, 1948. – С. 324–358.

33. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М., 1994. – 528 с.

34. Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – М. : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 2003. – 232 с.

35. Бергсон, А. Длительность и одновременность / А. Бергсон. – Пг. : Academia, 1923. – 154 с.

36. Бердяев, Н. А. О власти пространства над русской душой // Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М., 1997.

37. Березина, Т. Н. Жизненный путь личности: осознанный и неосознаваемый аспекты / Т. Н. Березина // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. – М.,1997. – С. 313–323.

38. Берулава, Г. А. Образ мира как мифологический символ / Г. А. Берулава. – М. : Педагогическое общество России, 2001. – 46 с.

39. Богомолова, Н. Н. Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1991. – № 3. – С. 3–11.

40. Болотова, А. К. Временная динамика Я-концепции в подростковом возрасте / А. К. Блотова, В. А. Штроо // Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 106–110.

41. Болотова, А. К. Хронотопическая детерминация развития личности в онтогенезе / А. К. Болотова // Труды МПГУ. – М., 1998. – С. 262–268.

42. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб. : изд-во СПбГУ, 2001.

43. Бондарко, А. В. Система глагольных времен в современном русском языке / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 27–37.

44. Бореев, Ю. Эстетика / Ю. Бореев. – М., 1998. – 495 с.

45. Бороздина, Л. В. Возрастные изменения временной трансспективы субъекта / Л. В. Бороздина, И. А. Спиридонова // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 2. – С. 28–32.

46. Бороноев, А. О. Этническая психология / А. О. Бороноев, В. Н. Павленко. – СПб. : РИО СПбГУ, 1994. – 168 с.

47. Брагина, Н. Н. Функциональные асимметрии человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – М. : Медицина. 1981. – 288 с.

48. Бродский, И. Поклониться тени : эссе / И. Бродский. – СПб. : Азбука-классика, 2002.

49. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1973. – 283 с.

50. Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы в СССР / Ю. В. Бромлей. – М. : Знание, 1986. – 62 с.

51. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997.

52. Бушурова, В. Е. О взаимодействии анализаторов в формировании так называемого «чувства времени» // Материалы Ленингр. зональной психол. конф. – Л. : изд-во ЛГУ, 1980.

53. Быкова, Е. Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности [Электронный ресурс] : дис. … канд. психол. наук / Е. Б. Быкова. – М. : РГБ, 2003. – (Из фондов Российской Государственной библиотеки). – Режим доступа : http: //www/rsl.ru

54. Вайзер, Г. А. Смысл жизни и возраст / Г. А. Вайзер // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / под ред. Э. Чудновского, А. А. Бодалева, Н. Л. Карповой. – М. : Психологический ин-т РАО, 1997. – С. 91–110.

55. Василевский, А. А. Каменный век острова Сахалин : монография / А. А. Василевский. – Южно-Сахалинск, 2008. – С. 41.

56. Василейский, С. М. Ошибки изобретательной мысли в психологическом освещении / С. М. Василейский // Материалы унив. психол. конф. – Л. : изд-во ЛГУ, 1949. – С. 38–42.

57. Васильев, П. В. Вопросы психофизиологической регуляции состояния человека-оператора в авиакосмической медицине / П. В. Васильев, Г. Д. Глод // Фармакологическая коррекция процессов утомления. – М. : изд-во АМН СССР, 1982. – С. 23.

58. Васильева, Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения / Ю. А. Васильева // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 2. – С. 58–78.

59. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002.

60. Весна, Е. Б. Особенности развития смысловой сферы подростков / Е. Б. Весна, М. А. Фризен. – Петропавловск-Камчатский : изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2007. – 189 с.

61. Виничук, Н. В. Счастье в контексте образа мира и времени: этнопсихологический аспект / Н. В. Виничук // Изв. Рос. гос. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 36 (77). – С. 36–41.

62. Всеволодова, М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова. – М. : изд-во Московского ун-та, 1975.

63. Вудроу, Г. Восприятие времени / Г. Вудроу // Экспериментальная психология : в 2 т. – Т. 2. – М. : изд-во «Иностранная литература», 1963. – С. 859–875.
64. Вунд, В. М. Введение в психологию / В. М. Вунд. – СПб., 2002.
65. Вунд, В. М. Основания физиологической психологии / В. М. Вунд. – 1873.
66. Выготский, Л. С. Психология развития как феномен культуры : избранные психологические труды / Л. С. Выготский. – М. : изд-во Института прикладной психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – 350 с.
67. Гак, В. Г. Пространство времени / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 123–130.
68. Гамезо, М. В. О роли пространственных представлений при чтении топографической карты и дешифрировании аэрофотоснимков / М. В. Гамезо, В. Ф. Рубахин // Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. – М. : изд-во АПН РСФСР, 1961. – С. 172–178.
69. Гамезо, М. В. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем / М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин // Психологические проблемы переработки знаковой информации. – М., 1976.
70. Гареев, Е. М. Межцентральные взаимоотношения неокортекса при оценке времени и ее психофизиологические закономерности : дис. … канд. биол. наук / Е. М. Гареев. – Уфа, 1987. – 234 с.
71. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Космо-психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Прогресс : Культура, 1998. – 479 с.
72. Гвоздев, А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка / А. Н. Гвоздев. – М., 1949.
73. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 46–56.
74. Гладкий, Ю. Н. Экономическая и социальная география мира : учебник для 10 кл. общеобразоват. учреждений / Ю. Н. Гладкий. – М. : Просвещение, 2000.
75. Головаха, Е. И. Понятие психологического времени / Е. И. Головаха, А. А. Кроник // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анциферовой. – М. : Наука, 1988. – С. 199–215.
76. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев : Наук. думка, 1984. – 207 с.
77. Гонтмахер, П. Я. История культуры нивхов: (на примере декоративно-прикладного искусства XIX – середины XX века) : автореф. дис. … канд. ист. наук / П. Я. Гонтмахер. – Владивосток : [б. и.], 1974. – 22 с.

78. Гонтмахер, П. Я. Народные истоки в живописи нивхского художника С. Гурка / П. Я. Гонтмахер ; ред. Ю. А. Сем. – Владивосток : [б. и.], 1974. – 294 с.

79. Горин, Д. Г. Смысловое освоение пространства и времени в цивилизационной динамике российской культуры : дис. … д-ра филос. наук / Д. Г. Горин. – М., 2003. – 321 с.

80. Гостев, А. А. Образная сфера личности / А. А. Гостев. – М., 1992.

81. Гостев А. А. Классификация образных явлений в свете системного подхода / А. А. Гостев, В. Ф. Рубахин // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 33–42.

82. Гримак, Л. П. Общение с собой: Начала психологии активности / Л. П. Гримак. – М. : Политиздат, 1991. – 319 с.

83. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

84. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев ; АН СССР, Географическое общество СССР. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 278 с.

85. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Айс Пресс : Рольф, 2001. – 556 с.

86. Гуревич, А. Я. Время как проблема истории культуры / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1969. – № 12.

87. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. – Т. 1 / Э. Гуссерль. – М. : РИГ «Логос», 1994. – 162 с.

88. Денисова, И. М. Образ чудо-острова в контексте антропоморфной модели мира и его символы в народном искусстве / И. М. Денисова // Музей, традиции, этничность. XX–XXI вв. – СПб., 2002.

89. Дешериева, Т. Н. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам / Т. Н. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 111–117.

90. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. – М. : Педагогика, 1991. – 368 с.

91. Дмитриев, А. С. Ориентировка человека во времени (осознанная оценка коротких интервалов времени) / А. С. Дмитриев // Успехи физиологических наук. – 1980. – Т. 11. – № 4. – 47 с.

92. Дмитрюк, С. В. Образ времени в сознании носителей русской и английской культур / С. В. Дмитрюк // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 208–212.

93. Дробижева, Л. М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика / Л. М. Дробижева // Советская этнография. – 1991. – № 1. – С. 3–13.

94. Дроздова, А. В. Экзистенциальное время как взаимосвязь вечности и повседневности : автореф. дис. … канд. филос. наук / А. В. Дроздова. – Екатеринбург, 1996. – 18 с.

95. Дубровский, Д. И. Проблема идеального / Д. И. Дубровский. – М., 1983.

96. Жаров, А. М. Восприятие времени, психическое настоящее и неопределенность / А. М. Жаров // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л., 1980. – С. 124–128.

97. Жаров, А. М. Проблема времени, структура становления и неопределенность / А. М. Жаров // Вопросы философии. – 1980. – № 1. – С. 88–98.

98. Жеребков, В. А. О грамматической категории времени / В. А. Жеребков // Филологические науки. – 1977. – № 2. – С. 42–53.

99. Жюль, К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жюль. – Киев, 1984.

100. Забродин, Ю. М. Образ в системе психической регуляции деятельности / Ю. М. Забродин. – М. : Наука, 1986.

101. Завалишина, Д. Н. Психологические проблемы переработки знаковой информации / Д. Н. Завалишина, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин. – М., 1974.

102. Закиров, А. Психосемантический анализ обыденного сознания в этнопсихологическом аспекте : на материале киргизского этноса : автореф. дис. … канд. психол. наук / А. Закиров. – М., 1994. – 24 с.

103. Зборовский, Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия / Г. Е. Зборовский. – Свердловск : Урал, 1974.

104. Зейгарник, Б. В. Теория личности К. Левина / Б. В. Зейгарник. – М. : изд-во МГУ, 1981. – 118 с.

105. Зельдович, Г. М. Семантика времени: к уточнению метаязыка / Г. М. Зельдович // Филологические науки. – 1995. – № 2. – С. 80–89.

106. Зинченко, В. П. Проблемы инженерной психологии / В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Ю. Д. Панов // Инженерная психология. – М. : изд-во МГУ, 1964. – С. 5–23.

107. Зинченко, П. И. Непроизвольное запоминание / П. И. Зинченко. – М. : изд-во АПН РСФСР, 1961. – 562 с.

108. Ильин, В. Н. Эссе о русской культуре / В. Н. Ильин. – СПб., 1991.

109. История Дальнего Востока СССР : в 4 т. – Т. 2. – Кн. 3 : Дальний Восток в составе феодальной России. XVII в. : (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней) / ред. А. И. Крушанов ; АН СССР, ДВНЦ, Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ. – Владивосток : [б. и.], 1976. – 223 с.

110. Каган, М. С. Время как философская проблема / М. С. Каган // Вопросы философии. – 1982. – № 10. – С. 117–124.

111. Кандыба, Д. В. Тайны человеческой психики : в 2 т. / Д. В. Кандыба. – СПб. : Вита : Каро, 1996. – 206 с.

112. Кант, И. Сочинения : в 6 т. – Т 3 / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – 799 с.

113. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. – Т. 1 / Н. М. Карамзин. – М., 1989.

114. Карасик, В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) / В. И. Красик // Концепты : науч. тр. Центроконцента. – Архангельск : изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – С. 154–171.

115. Караулов, Ю. Н. Национальные образы сознания в ассоциативной структуре слова / Ю. Н. Караулов // Национальный менталитет и языковая личность : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2002. – С. 3–17.

116. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. О. Касьянова. – М. : Ин-т национальной модели экономики, 1994.

117. Климов, Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях / Е. А. Климов. – М. : изд-во МГУ, 1995. – 224 с.

118. Ключевский, В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1995.

119. Ковалев, В. И. Категория времени в психологии (личностный аспект) / В. И. Ковалев // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анциферовой. – М. : Наука, 1988. – С. 216–230.

120. Ковалев, В. И. Личностное время как предмет психологического исследования / В. И. Ковалев // Психология личности и время : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-теор. конф. – Т. 1. – Черновцы, 1991. – С. 4–8.

121. Когнитивная психология : учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.

122. Конопкин, О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О. А. Конопкин. – М. : Наука, 1980. – 256 с.

123. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е Кравцова. – СПб. : изд-во «Лань», 1999. – 416 с.

124. Кравченко, А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в современном языке / А. В. Кравченко // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1996. – Т. 55. – № 3. – С. 3–24.

125. Крейнович, Е. А. Нивхгу / Е. А. Крейнович. – М. : Наука, 1973. – 494 с.

126. Кржижкова, Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке / Е. Кржижкова // Вопросы языкознания. – 1962. – Т. 3. – С. 17–26.

127. Кублицкене, Л. Ю. Личностные особенности организации времени : автореф. дис. … канд. психол. наук / Л. Ю. Кублицкене. – М., 1989. – 17 с.

128. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – 2-е изд. – М., 1980.

129. Культура народов Дальнего Востока: Традиции и современность / ред. Н. К. Старкова [и др.] ; АН СССР, ДВНЦ, Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ. – Владивосток : [б. и.], 1984. – 206 с.

130. Лебедева, Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н. М. Лебедева. – М. : Ключ-С, 1999. – 233 с.

131. Леви, Г. Английское народное хозяйство ; пер. с нем. / Г. Леви. – Петроград : изд-во «Книга», 1924.

132. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 602 с.

133. Леви-Строс, К. Структурное изучение мифа / К. Леви-Строс. – М., 1962.

134. Леонтьев, А. Н. К психологии образа / А. Н. Леонтьев // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1986. – № 3. – С. 72–76.

135. Леонтьев, А. Н. Образ мира. Избранные психологические произведения : в 2 т. – Т. II / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – С. 251–261.

136. Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–13.

137. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.

138. Леонтьев, А. Н. Национальная психология и этнопсихология / А. Н. Леонтьев // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии : избанные психологические труды / А. Н. Леонтьев. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО «Модэк», 2001. – 448 с.

139. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н. Арутюновой. – М., 1990 – С. 19.

140. Логинова, Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь / Н. А. Логинова // Принцип развития в психологии. – М. : Наука, 1978. – С. 156–172.

141. Лой, А. Н. Время как категория социально-исторического бытия / А. Н. Лой, Е. В. Шинкарук // Вопросы философии. – 1979. – № 12. – С. 73–86.

142. Ломов, Б. Ф. Осязание в процессах познания и труда / Б. Ф. Ломов, А. В. Ярмольник. – М., 1959.

143. Лосский, Н. О. Характер русского народа. – Кн. 1 / Н. О. Лосский. – М. : Ключ, 1990.

144. Лоукотка, Ч. Развитие письма / Ч. Лоукотка. – М., 1950.
145. Лурия, А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем / А. Р. Лурия, О. С. Виноградова // Семантическая структура слова. – М. : Наука, 1971. – С. 27–63.
146. Лян, Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лян Сяонань. – М., 2008. – С. 3–26.
147. Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 3–18.
148. Мархинин, В. В. Социально-философские основания теории этноса : дис. … д-ра филос. наук / В. В. Мархинин. – Новосибирск, 1994. – 63 с.
149. Мейен, С. В. Методологические аспекты теории классификации / С. В. Мейен, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1976. – № 12. – С. 67.
150. Мейен, С. В. Методология исследования временных отношений в геологии / С. В. Мейен // Развитие учения о времени в геологии. – Киев, 1982. – С. 361.
151. Мейен, С. В. О соотношении номогенетического и тихогенетического аспектов эволюции / С. В. Мейен // Журнал общей биологии. – 1974. – Т. 35. – № 3. – С. 353.
152. Мейен, С. В. Основные аспекты типологии организмов / С. В. Мейен // Журнал общей биологии. – 1978. – Т. 39. – № 5. – С. 495.
153. Мейен, С. В. Понятие времени и типология объектов (на примере геологии и биологии) / С. В. Мейен // Диалектика в науках о природе и человеке. – М., 1983. – С. 311.
154. Мейен, С. В. Принципы исторических реконструкций в биологии / С. В. Мейен // Системность и эволюция. – М., 1984. – С. 11, 732.
155. Мейен, С.В. Таксономия и мерономия / С. В. Мейен // Вопросы методологии в геологических науках. – Киев, 1977. – С. 263.
156. Меняшев, А. Е. Особенности мифологического восприятия времени / А. Е. Меняшев // Психологические проблемы бытия человека в современном обществе. Психологическое обеспечение различных сфер деятельности: материалы научно-практической конференции / под ред. Е. М. Разумовой. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – С. 141–144.
157. Меняшев, А. Е. Сознание как поле / А. Е. Меняшев // Философские чтения : материалы межвузовской научно-практической конференции / сост. С. С. Простяков. – Вып. 3. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2003. – С. 21–22.
158. Меняшев, А. Е. Психическая природа мифологического сознания / А. Е. Меняшев // Сахалинское образование-XXI. – Южно-Саха-

линск : изд-во Сах. обл. ин-та переподготовки и повышения квалификации кадров, 2004. – С. 36–40.

159. Меняшев, А. Е. Мифологическое в структуре сознания персистентных этносов о. Сахалин / А. Е. Меняшев // Философские чтения : материалы межвузовской научно-практической конференции / сост. С. С. Простяков. – Вып. 4. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2004. – С. 40–46.

160. Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988.

161. Молчанов, Ю. Б. Развитие и время / Ю. Б. Молчанов // Вопросы философии. – 1979. – № 12. – С. 61–62.

162. Молчанов, Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике / Ю. Б. Молчанов. – М. : Наука, 1977. – 192 с.

163. Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В. В. Морковкин. – М., 1977.

164. Москвин, В. А. Нейропсихологические аспекты исследования временной перцепции у здоровых лиц / В. А. Москвин, В. В. Попович // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия : сб. докл. / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. – М. : изд-во РПО, 1998. – С. 160–166.

165. Мостапенко, А. М. Пространство и время в макро-мега- и микромире / А. М. Мостапенко. – М. : Политиздат, 1974. – 240 с.

166. Мудрость тысячелетий : энцикл. – М., 2001.

167. Муладжанова, Т. Н. Изменение временной ориентации личности в ситуации хронического стресса, вызванного тяжелым заболеванием / Т. Н. Муладжанова, В. В. Николаева // Неврология и психиатрия. – Киев : Здоровье, 1986. – Вып. 15. – С. 14–17.

168. Мурьянов, М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–66.

169. Мухина, В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина.– Екатеринбург : ИнтелФлай, 2007.– 1072 с.

170. Мыркин, В. Я. Вид и время глагола в русском и немецком языках (сопоставительный анализ) / В. Я. Мыркин. – Л. : ЛГПИ, 1989.

171. Народы и религии мира : энцикл. / гл. ред. В. А. Тишков ; ред. О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1999.

172. Николаенко, Н. Н. Слово и образ: левое и правое полушария мозга // Независимый психиатрический журнал / Н. Н. Николаенко. – М., 1996. – Т. II. – С. 14–18.

173. Носаль, А. Л. Проблемы воспитания и развития личности в практико-теоретической деятельности А. С. Макаренко / А. Л. Носаль. – М., 1999.

174. Обознов, А. А. Исследование условий выявления летчиками критических ситуаций полета : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Обознов. – М., 1978. – 29 с.

175. О функциональной специализации больших полушарий мозга человека в отношении восприятия времени / Л. Я. Балонов, В. Л. Деглин, Д. А. Кауфман и др. // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л., 1980. – С. 119–124.

176. Осгуд, Ч. Э. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Э. Осгуд, Дж. Суси, П. Танненбаум // Семиотика и искусствометрия / сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петров. – М. : Мир, 1972. – С. 278–297.

177. Ошанин, Д. А. Предметное действие и оперативный образ : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Д. А. Ошанин. – М. : изд-во АПН СССР, 1973. – 31 с.

178. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

179. Панов, В. Г. Эмоции. Мифы. Разум / В. Г. Панов. – М. : Высшая школа, 1992. – 250 с.

180. Пантин, В. И. Проблемы и поиски национально-цивилизационной идентичности в современной России // Природа и ментальность. – Вып. XXIII. – М. : Московский Лицей, 2003. – С. 205–206. – (Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»).

181. Петренко, В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В. Ф. Петренко. – М. : изд-во Московского ун-та, 1983. – 177 с.

182. Петренко, В. Ф. Исследование стереотипов обыденного сознания методами психосемантики / В. Ф. Петренко, Л. Д. Сурманидзе // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 6. – С. 50–61.

183. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М. : изд-во Московского ун-та, 1988. – 208 с.

184. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21.

185. Писатели малых народов Дальнего Востока : биобиблиограф. справ. / сост. С. Зайцева ; ред. А. Маслова. – Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1966. – 120 с.

186. Подмаскин, В. В. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов нижнего Амура и Сахалина (середина XIX–XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. В. Подмаскин. – Владивосток : [б. и.], 2002. – 45 с.

187. Попович, В. В. Нейрофизиологические основы временной перцепции учащихся / В. В. Попович, В. А. Москвин // Антропологические основания образования : ученые зап. – Т. 3. – Оренбург : ООИУУ, 1998. – С. 61–69.

188. Потаенко, П. А. К языковому освоению временной структуры действительности / П. А. Потаенко // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 43–53.

189. Потапова, П. П. Семантическое пространство время в речи жителей д. Акчим Красновишерского района Пермской области / П. П. Потапова, О. В. Нежданова // Национальный менталитет и языковая личность. – Пермь : Пермский ун-т, 2002. – С. 53–63.

190. Пристли, Д. Социология: Вводный курс / Д. Пристли. – М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ» ; Львов : Инициатива, 1988. – С. 452–454.

191. Прохоров, А. О. Семантические пространства психических состояний / А. О. Прохоров. – Дубна : Феникс+, 2002. – 280 с.

192. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб. : Питер, 2003. – 1096 с.

193. Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

194. Пчелов, Е. В. Время в пространстве русской культуры / Е. В. Пчелов // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца : материалы науч. конф. – М. : РГГУ, 2006. – С. 71–75.

195. Региональная экономика. Основной курс : учебник / под ред. В. И. Видяпина, М. В. Степанова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 686 с.

196. Регуш, Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л. А. Регуш. – СПб. : Речь, 2003. – 352 с.

197. Розенберг-Ойзерман, Е. Т. О некоторых направлениях в исследовании восприятия / Е. Т. Розенберг-Ойзерман // Вопросы психологии. – 1971. – № 2.

198. Рубахин, В. М. Психологические основы обработки первичной информации / В. М. Рубахин. – Л., 1974.

199. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М. : изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.

200. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. – Т. 1 / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – 448 с.

201. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 416 с.

202. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря : иллюстрированная энцикл. – СПб. : Искусство, 2001. – С. 5–11.

203. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – С. 294.
204. Рябова, М. Ю. Когнитивно-дискурсивный подход к языку и проблемы временной референции / М. Ю. Рябова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – Т. 2. – М., 1995. – С.452–454.
205. Санги, В. М. Песнь о нивхах / В. М. Санги. – М. : Современник, 1989. – 372 с.
206. Саракуев, Э. А. Введение в этнопсихологию : учеб.-метод. пособие для студентов / Э. А. Саракуев, В. Г. Крысько. – М. : Ин-т практической психологии, 1996. – 343 с.
207. Семенова, М. Н. Ментальные репрезентации времени и пространства : автореф. дис. … канд. психол. наук / М. Н. Семенова. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.
208. Серенкова, В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени : автореф. дис. … канд. психол. наук / В. Ф. Серенкова. – М., 1991. – 21 с.
209. Серкин, В. П. Методы психосемантики / В. П. Серкин. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 204 с.
210. Серкин, В. П. Образ мира и образ жизни / В. П. Серкин. – Магадан : изд-во СМУ, 2005. – 316 с.
211. Серкин, В. П. Пять определений понятия «образ мира» / В. П. Серкин // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 2006. – № 1. – С. 11–19.
212. Серкин, В. П. Структуры и временные характеристики образа мира / В. П. Серкин, Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии СМУ. – Вып. 2. – Магадан : Кордис, 2002. – С. 91–135.
213. Сеченов, И. М. Избранные философские и психологические произведения / И. М. Сеченов. – М. : Госполитиздат, 1947. – 433 с.
214. Сидоренко, Е. А. Методы математической обработки в психологии / Е. А. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2001. – 350 с.
215. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. – Минск : Харвест, 1998.
216. Смирнов, С. Д. Мир образов и образ мира / С. Д. Смирнов // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 : Психология. – 1981. – № 2. – С. 15–19.
217. Смирнов, С. Д. Мир образов и образ мира как парадигма психологического мышления / С. Д. Смирнов // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 18–31.
218. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М. : изд-во МГУ, 1985. – 231 с.
219. Смирнова, Т. Еретик / Т. Смирнова // Рабочий край. – 2003. – 28 февр. – С. 3.

220. Смоляк, А. В. Народы Нижнего Амура и Сахалина : фотоальбом / А. В. Смоляк ; РАН, Ин-т этнологии и антропологии. – М. : Наука, 2001. – 318 с.

221. Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк ; ред. Ю. Б. Симченко. – М. : Наука, 1991. – 276 с.

222. Сознание как категория материалистической диалектики / В. Г. Иванов, В. В. Лапицкий, Б. В. Марков и др. ; под ред. В. Г. Иванова, В. В. Лапицкого ; ЛГУ. – Л. : изд-во ЛГУ, 1989. – 167 с.

223. Сознание : материалы обсуждения проблем сознания на симпозиуме, состоявшемся 1–3 июня 1966 г. в Москве / под ред. В. М. Банщикова. – М., 1967. – 357 с.

224. Соколова, Е. Т. Проективный метод в контексте концепции личностного смысла / Е. Т. Соколова, В. В. Столин // Проективные методы исследования личности. – М. : изд-во Московского ун-та, 1980. – С. 58–70.

225. Сосновский, Б. А. Мотив и смысл (психолого-педагогическое исследование) / Б. А. Сосновский. – М. : Прометей, 1993. – 199 с.

226. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М., 1971.

227. Стеценко, А. П. Понятие «образа мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания / А. П. Стеценко // Вестник МГУ. – Сер. 14 : Психология. – 1987. – № 3. – С. 26–37.

228. Столин, В. В. Исследование порождения зрительного пространственного образа / В. В. Столин // Восприятие и деятельность. – М., 1976. – С. 101–208.

229. Столин, В. В. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления / В. В. Столин, А. П. Номинач // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 34–46.

230. Стрелков, Ю. К. Временная связность образа мира / Ю. К. Стрелков // Ученые зап. каф. психологии Северного международного университета. – Вып. 1. – Магадан, 2001. – С. 127–157.

231. Стрелков, Ю. К. Время, деятельность, образ мира / Ю. К. Стрелков. – М., 1998.

232. Стрелков, Ю. К. Инженерная и профессиональная психология / Ю. К. Стрелков. – М. : Высшая школа, 2001. – 358 с.

233. Сурков, Е. Н. Электромиографическое исследование представления движений при овладении гимнастическими упражнениями / Е. Н. Сурков, А. Ц. Пуни, Ю. З. Захарянц // Вопросы психологии. – 1961. – № 4.

234. Таксами, Ч. М. Медвежий праздник в системе традиционных верований нивхов : Экологический аспект / Ч. М. Таксами, М. М. Прокофьев, В. Д. Косарев // Полевые исследования на Сахалине и Куриль-

ских островах : этнографические исследования Сахалинского обл. краеведческого музея. – Вып. VII. – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 65–78.
235. Тарасова, Е. В. Языковое поле темпоральности в синхронии и диахронии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Тарасова. – Краснодар, 1993.
236. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26–51.
237. Теребихин, Н. М. Метафизика Севера : монография / Н. М. Теребихин. – Архангельск : Поморский ун-т, 2004.
238. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. – М., 1983.
239. Трубников, Н. Н. Время человеческого бытия / Н. Н. Трубников. – М. : Наука, 1987.
240. Трубников, Н. Н. Проблемы времени в свете философского мировоззрения / Н. Н. Трубников // Вопросы философии. – 1978. – № 2. – С. 111–121.
241. Трутнева, И. В. Влияние билингвизма на формирование образа мира коренных народов Сахалина (на материале нивхов) : дис. … канд. психол. наук / И. В. Трутнева. – Хабаровск, 2004. – 141 с.
242. Турлыгул, Т. История древнего Казахстана / Т. Турлыгул, Ж. Таймагамбетов, А. Адырбек. – Алматы : Атамура, 2005. – 160 с.
243. Успенский, Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) / Б. А. Успенский // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. 1.
244. Ухтомский, А. А. Соч. – Л. : изд-во ЛГУ, 1954. – Т. 5. – 231 с.
245. Фадеева, Е. В. Мифы, предания и сказки о животных материковых нивхов и нивхов Сахалина (постановка вопроса) / Е. В. Фадеева ; ред. Д. В. Лихарев ; РАН ДВО, Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ. – Владивосток : Дальнаука, 1996. – 44 с.
246. Филимонов, А. Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. Г. Филимонов. – Хабаровск, 2002.
247. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.
248. Фофанов, В. П. Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов ; отв. ред. Л. Г. Олех. – Новосибирск : изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1981. – 304 с.
249. Фресс, П. Экспериментальная психология. – Вып. VI / П. Фресс, Ж. Пиаже. – М. : Прогресс, 1978. – С. 88–135.
250. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

251. Хайдеггер, М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – С. 95–102.

252. Хараш, А. У. Принцип деятельности в исследованиях межличностного восприятия / А. У. Хараш // Вопросы психологии. – 1980. – № 3. – С. 20–31.

253. Херсонский, Б. Г. Метод пиктограмм в психодиагностике / Б. Г. Херсонский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Речь, 2003. – 120 с.

254. Хомик, В. С. Отношение к времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения / В. С. Хомик, А. А. Кроник // Вопросы психологии. – 1988. – № 1. – С. 98–106.

255. Цуканов, Б. И. Анализ ошибки восприятия длительности / Б. И. Цуканов // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 149–154.

256. Чупрына, О. Г. Представление о времени в древнем языке и сознании : (На материале древнеанглийского языка) / О. Г. Чупрына. – М. : изд-во МПГУ, 2000. – 152 с.

257. Шадриков, В. Д. Мир внутренней жизни человека / В. Д. Шадриков. – М. : Университетская книга, ЛОГОС, 2006. – 392 с.

258. Шемякин, Н. Ф. О психологии пространственных представлений / Н. Ф. Шемякин // Ученые зап. ГНИИ психологии. – 1940. – Т. 1. – С. 197–236.

259. Шмелев, А. Д. «Русская ментальность» в зеркале лексических данных / А. Д. Шмелев // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 168–169.

260. Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику : теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М. : изд-во МГУ, 1983. – 158 с.

261. Шмелев, А. Г. Психодиагностика личностных черт / А. Г. Шмелев. – СПб. : Речь, 2002. – 480 с.

262. Шорохова, Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании / Е. В. Шорохова. – М., 1969.

263. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М. : Искусство, 1993. – 298 с.

264. Шпенглер, О. Философия будущего / О. Шпенглер. – СПб., 1922.

265. Шрагина, Л. И. Процесс конструирования метафоры как объект психологического исследования / Л. И. Шрагина // Психологический журнал. – 1997. – № 6. – С. 121–128.

266. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. – Хабаровск, 1933. – С. 49, 320.

267. Элькин, Д. Г. Восприятие времени как моделирование / Д. Г. Элькин // Восприятие пространства и времени / под ред. Б. Г. Ананьева, Э. Ш. Айрапетянц. – Л. : Наука, 1969. – С. 76–79.

268. Элькин, Д. Г. Восприятие времени / Д. Г. Элькин. – М. : изд-во АПН РСФСР, 1962. – 312 с.

269. Энциклопедический словарь / сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб.,1982. – Т. 7.

270. Юсупов, П. Ф. Психологические особенности профессионального образа мира личности [Электронный ресурс] : дис. … канд. психол. наук / П. Ф. Юсупов. – М. : РГБ, 2003. – (Из фондов Российской Государственной библиотеки). – Режим доступа : http: //www/rsl.ru

271. Яковлев, В. П. Социальное время / В. П. Яковлев. – Ростов-н/Д : изд-во РГУ, 1980. – 160 с.

272. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994.

273. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово : Кусбассвузиздат, 2000. – 204 с.

274. Ярская, В. Н. Развитие понятия времени / В. Н. Ярская // Вопросы философии. – 1981. – № 3. – С. 157–160.

275. Яссман, В. П. «Образ мира» личности: этническая картина мира / В. П. Яссман. – Хабаровск : ДВГУ, 2004. – 119 с.

276. Яссман, В. П. Уровневый подход к анализу образа мира / В. П. Яссман // Материалы IV съезда Российского психологического общества «Психология – будущему России» 18–21 сентября 2007 г. – Ростов н/Д, 2007. – 187с.

277. Яссман, В. П. Сравнительное исследование представлений о пространстве у лиц разных национальностей / В. П. Яссман, Л. В. Яссман // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. 23–25 мая 2008 г. : в 2 т. – Хабаровск : изд-во ДВГУПС. – 2008. – Т. 1. – 304 с. : ил. – С. 89–94.

278. Яссман, В. П. Этнокультурные особенности представлений о пространстве: геометродинамический подход / В. П. Яссман // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Специальный выпуск «Этнопсихология народов Дальнего Востока». Научно-теоретический журнал. – № 4 (20) 2008. – Хабаровск, 2008. – 213 с.

279. Яссман, В. П. Отражение содержания деятельности во внутреннем мире человека как показатель уровня профессионализма / В. П. Яссман // Личность и профессиональная деятельность : коллективная монография : в 2 т. / под общ. ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. – Хабаровск : изд-во ДВГУПС, 2008. – Т. 1. – 326 с.

280. Arnheim, R. Visual thinking / R. Arnheim. – L. : Univ. of California Press, 1969. – 346 p.

281. Bee, H. L. The Developing Person: A Life-Span Approach / H. L. Bee, S. K. Mitchel. – 2-nd ed. – New York, 1984.
282. Bem, S. Sex typing and androgyny / S. Bem // J. of Personality and Social Psychology. – 1975. – № 31. – P. 634–643.
283. Benedict, R. Sunergy patterns of the good culture American Anthropologist / R. Benedict. – L., 1970. – P. 320–333.
284. Bruner, J. S. Value and need as organizing factors in perception / J. S. Bruner, C. C. Goodman // J. of abnormal and Social psychology. – 1947. – Vol. lS. – P. 300–308.
285. Brunswik, E. Perception and representative design of psychological experiments / E. B. runswik. – Berkley ; Los-Angeles, 1956. – 154 p.
286. Chodorow, N. J. Feminism and Psychoanalytic Theory / N. J. Chodorow. – L. : Polity Press, 1989.
287. Cmejrkova, S. Kategorie casu v jazykovem odrazu / S. Cmejrkova // Nekvapil – Soltys eds. Linguistica. XVI. – 1986. – S. 192–216.
288. Cognitive control. A study of individual consistencies in cognitive behavior. Psychological issues: monograph. Vol. 1 / Gardner R. W., Holzman P. S., Klein G. S., Linton H. B., Spence D. P. – N. Y., 1959.
289. Dennis, W. Cultural and development factors in perception / W. Dennis // Perception : an approach to Personality / ed R. R. Blake and G. Ramsey. – N. Y. : Ronald press, 1951. – P. 121–147.
290. Development in psychoanalysis / Klein M., Heimann P., Isaacs S., Riviere J. – London, 1952. – 456 p.
291. Gibson J. The senses considered as perceptual systems / J. Gibson. – L., 1966. – 250 p.
292. Gilligan, C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development / C. Gilligan. – Cambridge : Harvard University Press, 1982.
293. Goldstein K. Concerning the concept of "primitivity" / K. Goldstein // Selected papers. – N. Y. : The Hague, 1971. – P. 485–503.
294. Gotdstein, K. Human nature in the light of psychopathology / K. Gotdstein – New York : Schocken, 1940.
295. Groot C. The interaction of cognition and motivation in performance of test of field dependence-independence / C. Groot // Human assessment: Cognition and Motivation. – Athens, 1984. – P. 217–230.
296. Guthrie K. H. Locus of control and field independence-dependence as factors in the development of moral judgment / K. H. Guthrie // J. of Genetic Psychology. – 1985. – Vol. l46 (l). – P. 13–18.
297. Harvey, O. J. Conceptual system and personality organization / O. J. Harvey, D. E. Hunt, H. M. Schroder. – N.Y. : John Wiley Inc, 1961.
298. Helode, R. D. Cognitive and non-cognitive correlates of the stroop interference effect / R. D. Helode // J. of Psychological Researches. – 1982. – Vol. 26 (3). – P. 142–145.

299. Hlavsa, Z. Tfi problemy pro strukturalni vyklad kategorie casu / Z. Hlavsa // Chyrakterystyka temporalna wypowiedzenja. – 1975. – S. 87–218.
300. John, O. P. The "Big five" taxonomy: dimensions of personality in the natural language an in the questionnaires / O. P. John // Pervin L. A. Handbook of personality : Theory and research. – N. Y. : Gilford Press, 1990. – P. 676–1000.
301. Kfizkova, H. K problematice aktualniho a neaktualniho uziti casovych avidovych forem v cestine a rustine / H. Kfizkova // Ceskoslovenska rusistika. – 1958. – № 4. – S. 56–74.
302. Kihlstrom, J. F. The phychological unconscious / J. F. Kihlstrom // Pervin L. A. Handbook of personality: Theory and research. – N. Y. : Gilford Press, 1990. – P. 445–464.
303. Kluckhohn, C. Values and value-orientations in the theory of action An exploration in definition and classification / C. Kluckhohn // Toward a general theory of action / Parsons T, Shils E (cds) Cambridge, MA. – 1951. – P. 388–433.
304. Koestner R. A Multifactorial Approach to the Study of Gender Characteristic / R. Koestner, J. Aube // J. Personality. – 1995. – September. – P. 681–710.
305. Kuhn, M. and Mc. Partland T. An empirical investigation of self-attitudes / M. Kuhn, T. Mc. Partland // American Sociological Review, 1954. – V. 19.
306. Lazarus, R. S. Personality dynamics and auditory perceptual recognition / R. S. Lazarus, C. W. Eriksen, C. P. Fonda // J. Personal. – 1951. – Vol. 19. – P. 171–182.
307. Levine, R. The relation of the intensity of a need to the amount of perceptual distortion / R. Levine, G. Chien, G. Murphy // J. Psychol. – l948. – Vol. l5. – P. 283–293.
308. Loo, R. Anxiety and perceptual articulation / R. Loo, N. R. Cauthen // Perc. and Motor Skills. – 1976. – Vol. 43. – P. 403–408.
309. Lorenzi-Cioldi, F. Psychological androgyny: a concert of lesser substance. Towaerds the understanding of the transformation of a social representation / F. Lorenzi-Ciooldi // Journal for the theory of social behaviour. – 1996. – Vol. 96, № 2. – P. 137–155.
310. Lovie, A. D. New developments in statistics for psychology and the social sciences / A. D. Lovie. – London : N. Y. : The British Psychological Society and Medicine, 1986. – 178 p.
311. Maccoby, E. E. The Psychology of Sex Differences / Maccoby E. E., Jacking C. N. – Stanford, 1974.
312. Manaster, G. Y. Individual Psychology / G. Y. Manaster. – Itasca : F. E. Peacock Publishers. Inc., 1982. – 322 p.

313. Maslow, A. H. Motivation and Personality / A. H. Maslow. – Harper : Bros., 1954.
314. Miller, J. B. Toward a new psychology of women / J. B. Miller. – Boston : Beason press, 1976.
315. Nuttin, J. Motivation et Perspectives d Avenir / J. Nuttin. – Louvain : Presses Universitaires de louvain, 1980. – 288 s.
316. Osgood, C. E. The measurement of meaning / C. E. Osgood, G. J. Susi, P. H. Tannenbaum. – Urbana, 1957. – P. 290–304.
317. Osgood, C. E. (eds) Semantic differential technique. A sourcebook / C. E. Osgood, J. G. Snider. – Chicago, 1969.
318. Pachalska, M. Reintegrating of identity in patients with severe traumatic brain injury. Acta Neuropsychologica, 2003. – V. 1. – № 2. – P. 144–158.
319. Panevova, J Cas a modalita v cestine / J. Panevova, E. Benesova. – Praha, 1971.
320. Parsons, T. Family. Socialization and Interaction Process / T. Parsons, R. Bales – N. Y., 1955.
321. Schwartz, S. H., Bilsky, W. Toward a theory of the universal content and structure of values bxtcnsions and cross-cultural replications / S. H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of personality and social psychology. – 1990. – V. 58. – P. 878–891.
322. Sestak, A. Pojem casu v jazyce francouzskem / A. Sestak. – Brno, 1993.
323. Stepan, J. Cas ve vete a v textu / J. Stepan. – Praha, 1986.
324. Turtle L. Encyclopedia of Feminism / Turtle L. – London : Arrow Books, 1986.
325. Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Religionssoziologie. Bd. 1 / Weber M. – Tubingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986.

Научное издание

ПАНКОВА Светлана Юрьевна

Пространство и время в этнической картине мира

Монография

Корректор М. Ф. Шатохина
Верстка Е. Ю. Иосько

Подписано в печать 02.05.2011. Бумага «Inacopia».
Гарнитура «Times New Roman PS MT». Формат 60x84$^{1}/_{16}$.
Тираж 500 экз. Объем 14,75 усл. п. л. Заказ № 662-11.

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru